

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»

А. П. Пузанов

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ЭТИКИ СВОБОДЫ И ТВОРЧЕСТВА
В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ**

Н. А. БЕРДЯЕВА

Монография

Елец – 2014

УДК 37.01:001.8

ББК 87.3(2)

П 88

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина
от 24. 04.2014 , протокол № 2

Научный редактор:

*Белканов Н.А., доктор педагогических наук, профессор кафедры
педагогики Елецкого государственного университета им. И.А. Буни-
на*

Рецензенты:

*Крикунов А.Е., доктор педагогических наук, профессор кафедры
философии и социальных наук Елецкого государственного универси-
тета им. И.А. Бунина.*

*Меньшиков В.М., доктор педагогических наук, профессор, заве-
дующий кафедрой теологии и религиоведения Курского государ-
ственного университета*

Пузанов А. П.

**П 88 Педагогический потенциал этики свободы и творчества в
философии образования Н.А. Бердяева:** монография. –
Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
2014. – 162 с.
ISBN 978-5-94809-692-6

Монография представляет собой педагогическое исследова-
ние философского наследия виднейшего представителя русской
мысли Николая Александровича Бердяева (1874-1948) сквозь
призму его этического учения, центрированного на вопросах сво-
боды и творчества.

Книга ориентирована на педагогов, философов, специалистов
по философии образования, а также широкий круг читателей, инте-
ресующихся философско-педагогической проблематикой.

УДК 37.01:001.8

ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-94809-692-6

© Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ЭТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ Н.А. БЕРДЯЕВА.....	9
1.1. Философия Н.А. Бердяева в контексте современного философско-образовательного поиска.....	10
1.2. Этика и образование в философии Н.А. Бердяева.....	31
1.3. Специфика этики свободы и творчества в философии образования Н.А. Бердяева.....	47
ГЛАВА II. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЭТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ Н.А. БЕРДЯЕВА.....	69
2.1. Педагогическое значение теории объективации в этике Н. А. Бердяева.....	70
2.2. Идеал образования личности в этике Н.А. Бердяева.....	91
2.3. Педагогический смысл «русской идеи» в этике Н. А. Бер- дяева.....	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	139
БИБЛИОГРАФИЯ.....	143

ВВЕДЕНИЕ

Этическая проблематика в образовании, будь то духовно-нравственное воспитание или культура педагогического общения, обладает непреходящим значением. Вместе с тем в конкретной исторической ситуации, в определённых бытийственных обстоятельствах возникают каждый раз новые, особенные смыслы. Человек не статичен, он меняется, но неизменной остаётся его экзистенциальная природа. Эпохи морального подъёма сменяются безвременьем упадка и разложения, цивилизации и империи создаются и разрушаются, незыблемыми кажутся лишь истины всемирных религий, прошедших многовековую проверку на прочность. Однако сегодня, пожалуй, как никогда раньше, тысячелетние нравственные устои подверглись коррозии, стали объектом для пересмотра, человечество в условиях неведомого прежде технического господства над окружающей средой столкнулось с небывалым искушением свободой. Мировые тенденции воинствующего постмодернизма с его тотальной вседозволенностью, безликим хаосом, псевдодемократическим произволом и беспринципным цинизмом атакуют уцелевшие бастионы традиционных ценностей.

Всегда болезненно и остро этические вопросы стояли именно в России. В более чем двадцатилетнем мучительном поиске самоидентификации и самоосмысления, нравственной легитимации собственного существования всё яснее приходит понимание приоритетности нравственных начал для каждого человека и всего общества, и что ещё более важно, взаимозависимости и взаимообусловленности партикулярного и универсального, общей национальной истории и существования конкретной личности. На стыке философии и педагогики появилась и стремительно развивается новая отрасль знания – философия образования, одной из задач которой является как раз поиск ответов на животрепещущие вопросы самосознания, самоопределения и стратегии образовательного действия. Сознательно или неосознанно, но воспитание в нашей стране долгое время задвигалось на обочину жизни, подрывалась вера в истину, добро и красоту, справедливость и честь, изменить моральный климат в обществе предлагалось исключительно материальными средствами. Совершая эти ошибки, никто и не думал вспоминать, а тем более воплощать заветы столпов национальной мысли, в том числе Н.А. Бердяева, который утверждал, что подлинная революция – это революция духа, революция сознания, а не смена экономических или политических декораций, и что без духовного возрождения страны не будет и материального благополучия.

Образование в современном мире сохраняет решающее значение как наиболее реальный и массовый инструмент влияния, лишь разнообразя свои формы. Духовно-нравственное воспитание и самообразование,

становление личности представляют институциональную и экзистенциальную стороны образовательного процесса. Для Н.А. Бердяева доминирующей является, несомненно, экзистенциальная, внутренняя работа человека над собой на пути обретения личности, «образа», то есть реализация собственного образовательного потенциала.

На сегодняшний день перед образованием весьма остро стоит проблема дегуманизации всех сфер жизни, превращения человека в безликую функцию, винтик социального механизма, устранения самого понятия личности как таковой. Гедонистическое общество «человека желания» (М. Фуко) ещё не исчерпало себя, но уже сейчас очевидна ограниченность и гибельность такого пути. Н.А. Бердяев был уверен, что отрицание нравственных ценностей и всего «божественного» в человеке равнозначно отказу от самого человека, что мы и наблюдаем сегодня. Посему вопрос духовности как интегрального качества личности, выражающего её существо и ценностную структуру, – это вопрос не столько теоретический, сколько практический, витальный, особенно для российского цивилизационного пространства. С новой силой и в новой форме получает своё развитие учение Н.А. Бердяева об объективации, позволяя не только по-новому посмотреть на проблему отчуждения в рамках образования человека и снабдить постмодернистов зарядом отрицания в критике социальности и разных форм рационального угнетения, но и открывает положительный образовательный путь просвещения и преобразования человека.

В мире компьютерных технологий, всемогущих информационных сетей, всеобщего вторжения в человеческую жизнь машин уходит в тень творческая личность, уступая место узким специалистам. Идеал образования заменён на педагогическую компетенцию, полнота на частичность, целостность на автономность. Атрофия абсолютного в угоду переходящему обусловливает духовно-нравственный релятивизм, подрывающий основы существования человеческого рода. Этика Н.А. Бердяева предлагает уникальный сплав христианского вероучения с самобытной философией творчества, религиозно легитимирует и раскрывает идеал образования целостной личности на пути сотворчества с Богом.

Н.А. Бердяев – свой среди чужих, чужой среди своих. Личность его, так же как и философия, исключительна. Одни считают его западником (Н.А. Нарочницкая, А.А. Корольков и др.), другие – национальным утопистом (А.А. Кизеветтер, Е.Н. Трубецкой, Н.Н. Полторацкий, О.Д. Волкогонова, Е.Г. Плимак, П.А. Сапронов, Т.А. Сабурова, Ю.Ю. Чёрный и др.). Действительно, с одной стороны, как христианский экзистенциалист и сторонник универсализма, приверженец общечеловеческих ценностей и «человек мира» в лучшем смысле этих слов

Н.А. Бердяев, безусловно, встроен в общеевропейское философское движение первой половины XX века (о чём, в частности, свидетельствует сборник «Н.А. Бердяев и единство европейского духа» под редакцией В.Н. Поруса, раздел книги Н.В. Мотрошиловой «Николай Бердяев и философия Запада»). Творчество Н.А. Бердяева снискало заслуженное уважение и значительную популярность в интеллектуальных западных кругах ещё при жизни мыслителя. В настоящее время статьи, монографии, книги, диссертации, посвящённые его философии, весьма многочисленны и продолжают издаваться в Германии, США, Великобритании, Франции и других странах (Э. Аллен, К. Бамбауэр, В. Дитрих, Ф. Коплстон, М. Бегзос, Дж. Паничас, Г. Николаус, С. Хоффман, М.-М. Дави, Э. Брейсач, П. Скэринджи).

Но Н.А. Бердяев удивительным образом сочетал в себе не только западную культурную традицию, но и русский мессианизм, верил в религиозно-творческое призвание России и с горечью осознавал пороки, пустившие корни в русской душе. Можно сказать, что медиативный феномен Н.А. Бердяева уникален в связи с российской цивилизационной дилеммой «Восток-Запад», поскольку показывает вариант её разрешения на примере его собственной личности. Синтез западного и исконно русского весьма показателен и плодотворен в свете решения спора между сторонниками общечеловеческих и национальных ценностей в пользу их примирения на основе взаимодополнения, что может быть востребовано в качестве аксиологической основы воспитания личности патриота, поддержания межнационального и межконфессионального уважения и мира, сохранения духовного единства страны.

Обладая громадной аудиторией почитателей и ценителей по всему миру, Бердяев в то же время является весьма противоречивой фигурой с точки зрения академических философов и клерикалов, но его предсказания остаются в силе и заставляют вновь и вновь обращаться к себе. Вместе с тем, по сути всё ещё остаётся нераскрытым потенциал понимания Бердяева как философа образования, в том числе не получило достаточного освещения педагогическое значение его творческой этики. До сих пор отсутствуют фундаментальные научные исследования образовательной мысли Бердяева. Фрагментарный анализ его наследия с позиций философии образования, получивший отражение в ряде публикаций (В.И. Додонов, А.Е. Крикунов, В.А. Мескин, В.М. Петров, М.В. Силантьева, Н.Л. Шеховская и др.), очевидно, недостаточен, открывая обширное поле для интерпретации его этического учения в образовательном пространстве отечественной педагогической науки. Однако, следует отметить ту роль в исследовании, которую сыграла традиция философско-образовательного поиска в осмыслении творчества В.В. Розанова,

С.Н. Булгакова, Н.Я. Данилевского, Л.И. Шестова, Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева и др., которая сложилась на кафедре педагогики в ЕГУ им. И.А. Бунина (Е.П. Белозерцев, А.Е. Крикунов, А.И. Павленко, Д.Д. Поляков, В.В. Сороковых, А.В. Усачёв и др.). В частности, своё развитие получила идея «образования как действия объективированного» (А.Е. Крикунов), трансформировавшаяся в предложенную в настоящей работе типологию образования, эксплицированную из этики свободы и творчества Н.А. Бердяева.

Вполне закономерным является и обращение к западной неклассической парадигме философии образования, включая концепцию экзистенциальной педагогики (О.Ф. Больнов, М. Бубер, Д. Дьюи, И. Иллич, В.А. Лай, Ж.-Ф. Лиотар, Ф. Ницше, М. Фуко и др.) наряду с современной зарубежной философией образования (К. Бек, Н. Бурбулес, Дж. Уотрес, Дж. Кумбс, М. Питерс, Т. Дейвни, П. Фарбер, И. Сигад, Л. Уимз и др.). Что касается России, то в целом, философия образования как институционально оформленная отрасль педагогической науки у нас ещё очень молода, хотя уже представлена рядом трудов, в которых анализируется её статус, содержание, функции и перспективы дальнейшего развития (Б.С. Гершунский, О.В. Долженко, Г.Б. Корнетов, А.П. Огурцов, В.В. Платонов, В.М. Розин и др.). В последнее время также появилось направление в русле общей педагогики, истории образования и педагогической мысли, ориентированное на раскрытие педагогического потенциала и изучение философии образования мыслителей Серебряного века и Российского зарубежья, встроившее их в единое поле русской культуры (Е.П. Белозерцев, М.В. Богуславский, А.А. Гагаев, П.А. Гагаев, А.А. Корольков, Е.Г. Осовский, Е.А. Плеханов и др.).

Важными источниками для анализа являются публицистическая полемика и оценки современников Н.А. Бердяева (о. В. Зеньковский, И.А. Ильин, С.А. Левицкий, Н.О. Лосский, Л.И. Шестов, Н.П. Полторацкий, В.В. Розанов, Ф.А. Степун, С.Л. Франк и др.), исследования различных аспектов его философии (П.Е. Вахренева, О.Д. Волкогонова, Е.А. Вологин, П.П. Гайденок, А.А. Ермичев, В.А. Кувакин, о. А. Мень, Н.В. Мотрошилова, С.А. Титаренко, Ю.Ю. Чёрный и др.), в том числе этического учения Н.А. Бердяева (И.Ю. Добродеева, Т.А. Кузьмина, Н.В. Плетнёва, М.В. Силантьева и др.), труды по этике русских религиозных философов (Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, Л.И. Шестов), а также отечественная этическая мысль сегодняшнего дня (Р.Г. Апресян, В.В. Варава, А.А. Гусейнов, В.В. Миронов, В.Н. Назаров и др.).

Этика Н.А. Бердяева выступает в нашем исследовании не столько в качестве ценностной базы духовно-нравственного воспитания, сколько

в качестве фундамента для изучения всего поля философско-образовательной проблематики, включая общую теорию педагогики, патриотическое воспитание и даже некоторые дидактические аспекты. Религиозный экзистенциализм Н.А. Бердяева рассматривается в связи с западной традицией, но в рамках русской религиозной философии целостного духа, а также как уникальное явление философско-образовательной мысли, что позволяет рассматривать творчество Н.А. Бердяева в контексте мирового наследия истории педагогики.

ГЛАВА I. ЭТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ Н. А. БЕРДЯЕВА

Возможности современной философии образования как междисциплинарной области знания, в принципе, уже априори позволяют рассматривать творческое наследие Н.А. Бердяева в более широком контексте. Мыслитель не оставил нам каких бы то ни было педагогических текстов, с чем связана определённая сложность исследования его образовательной позиции. Мы исходим из того, что мнимая «непедагогичность» или даже «антипедагогичность» Н.А. Бердяева входит в противоречие со значительным имплицитным образовательным потенциалом его трудов, раскрытие которого предполагает использование реконструирующих процедур. Таким образом встаёт герменевтическая задача понимающего прочтения работ Н.А. Бердяева, решение которой опирается на знание его методологии, специфики его философского мышления и авторского стиля. Немаловажны и биографические аспекты, психологический фактор, личностные взаимоотношения Н.А. Бердяева с образованием и педагогикой.

В этой связи неизбежно возникают вопросы о статусе, функциях и полномочиях философии образования, её роли в современной науке и легитимности обращения к мысли Бердяева в педагогическом ключе с точки зрения актуальных проблем образования.

Необходимо определить, что представляет из себя этика свободы и творчества и в чём её особенности в педагогическом преломлении, какое место занимает этика в философии образования Бердяева, как этика отвечает на педагогические вопросы, почему темы этики становятся темами образования, что помогает выделить ключевые тематические блоки и обосновать их этико-педагогическую значимость.

Этический смысл философии образования Н.А. Бердяева раскрывается через такие проблемы как знание и вера, возможность и нравственный смысл познания, образование и насилие, творчество и объективация в педагогическом процессе, философская педагогика и педагогика научная, образование и философия жизни. Важно посмотреть на образование через призму нравственных категорий добра и зла, целей и средств, свободы и необходимости, чтобы осознать всю глубину и значение рассматриваемой этико-педагогической корреляции.

1.1. Философия Н. А. Бердяева в контексте современного философско-образовательного поиска

Н.А. Бердяев был глубоко убеждён, что «нельзя понять учения иначе, как в связи с личностью. Всякое значительное учение есть дело значительной личности, из глубин её творится и глубинами её лишь объясняется»¹. Можно сказать, что жизнь Н.А. Бердяева лучшим образом отражала его философию. Это была не жизнь философа, творящего в кабинетной тиши. Скорее, жизнь профессионального революционера и общественника, верного своим убеждениям словом и делом. Лукавый бюргер, строящий спекулятивный лабиринт отвлечённой метафизики, развалившись в уютном кресле, не был его идеалом настоящего философа. У Н.А. Бердяева, по мнению А.В. Усачёва, «честность и последовательность в идеях и образе действий была предельно высокой и достигала сократовского тождества»².

При первом знакомстве с творчеством мыслителя кажется, что в нём нет ничего педагогического. Он сам заявляет в автобиографии: «...Я никогда не был человеком школы»³. «...Я не мог принять никакого учебного заведения...»⁴. «У меня <...> было отталкивание от всего академического. Я не любил сословия учёных, не переносил школьности, считал предрассудком условную учёность. Я так же плохо представлял себя в роли профессора и академика, как и в роли офицера и чиновника или отца семейства, вообще в какой бы то ни было роли в жизни»⁵. «...Я совсем не почтенный и не солидный человек, совсем не учитель жизни, а лишь искатель истины и правды, бунтарь, экзистенциальный философ, <...> но не учитель, не педагог, не руководитель»⁶.

Н.А. Бердяев связывал с педагогикой всё экзотерическое, относительно, преходящее, сиюминутное, тленное, погружённое в «сей мир». Воспитание у него прочно ассоциируется с назиданием, давлением, насилием. Так, рассуждая об историческом христианстве, он очень характерно для себя вменяет религии в вину именно излишнюю педагогичность, противопоставляя её духовности и эзотеричности божественного в человеке⁷. Принципиальное отторжение в педагогике у Н.А. Бердяева вызывает именно момент принуждения, ограничения свободы. Он не мог вынести руководства извне, дидактических наставлений и контроля, не хотел относиться к какой-либо школе мысли. Но при всей нелюбви к

¹ Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков // Алексей Степанович Хомяков. Мирозозерцание Достоевского. Константин Леонтьев. [Собрание сочинений. Т. V.] – Париж: YMCA-Press, 1997. – С. 33.

² Н.А. Бердяев и единство европейского духа / Под ред. Владимира Поруса (Серия «Религиозные мыслители»). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – С. 315.

³ Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 352.

⁴ Там же, с. 276.

⁵ Там же, с. 300-301.

⁶ Там же, с. 614.

⁷ Там же, с. 583.

педагогике и воспитательным практикам всегда присутствовало стремление к автодидактизму. С детства Н.А. Бердяев занимался и учился сам, составлял себе творческие планы, а увлечение философией появилось как внутреннее откровение. Религиозный опыт и саму жизнь он всегда воспринимал, прежде всего, как творчество.

Подобный педагогический скепсис отчасти обусловлен жизненным багажом Н.А. Бердяева, негативными впечатлениями от учёбы сначала в кадетском корпусе, а затем и в университете. Уже в отрочестве будущий философ знакомится с идеями И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, и поэтому вполне объяснимо, что он не находит общего языка с недалёкими сверстниками, озабоченными совсем иными проблемами. Непосредственно об учении у Н.А. Бердяева сохранились крайне отрицательные воспоминания. Учился он неважно и без большого желания, ощущая себя не слишком способным учеником. Домашний репетитор, который приходил к Бердяевым на дом, жаловался его отцу на трудность работы с таким подопечным¹.

Творчество во всём, нестандартность и неординарность мальчика претили образовательной рутине социальных институций. Его способности проявлялись в том случае, если интеллектуальный процесс шёл изнутри, из активно-творческого состояния души. Когда же процесс шёл извне, когда было необходимо пассивное усвоение и запоминание, Бердяев не мог поставить себя в положение человека, которому задана задача. Экзамены поэтому были для него невыносимы. В «Самопознании»² он вспоминает, что однажды получил единицу из двенадцати баллов по Закону Божьему, неслыханное событие в кадетском корпусе. Даже конспектирование собственной книги, по его собственным словам, могло бы доставить ему некоторые проблемы из-за нехватки в этом деле творческого развития мысли.

Поступив в университет, Н.А. Бердяев вскоре оказывается в вологодской ссылке из-за связи с социалистами, и формальное университетское образование на этом заканчивается, что, по мнению В.В. Зеньковского, «не помешало ему быть на редкость образованным человеком, — его интересы простирались во все стороны...»³. Как иронично отмечает О.Д. Волкогонова, «будущий профессор Московского университета, доктор теологии *Honoris causa* Кембриджского университета, мыслитель с прижизненной мировой славой, никогда не имел обычного университетского диплома»⁴.

¹ Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. — М.: Эксмо, 2008. — С. 275.

² Там же, с. 276.

³ Зеньковский В.В. История русской философии. — М.: Академический Проект, Раритет, 2001. — С. 716.

⁴ Волкогонова О.Д. Н.А. Бердяев: Интеллектуальная биография. — М.: Изд-во МГУ, 2001. — С. 8.

Но значит ли всё это, что Н.А. Бердяев являлся последовательным противником «всего педагогического»? Безусловно, он не был настолько наивен, чтобы отрицать необходимость и, более того, неизбежность образования. Парадоксально, но всё его творчество глубоко педагогично. Само название трактата «О назначении человека» – этой лучшей, по собственному мнению Бердяева, книги – очень педагогическое, обнажающее стратегию и тактику образования личности, базис целеполагания в образовании, развёрнутую образовательную аксиологию. Вполне логично, что очень многое он получил ещё в детстве именно как следствие воспитания, если не прямого, то, во всяком случае, косвенного.

Далеко не случайно, что истоки экзистенциализма Н.А. Бердяева ряд исследователей (С.А. Титаренко, Ю.Ю. Чёрный) находят в детских годах философа. Будущий мыслитель рос в семье аристократов, дворян с древней родословной и обширными связями. Его родители принадлежали к «светскому» обществу, а не просто помещному дворянству. В доме у них говорили главным образом по-французски. Подобная воспитывающая среда, без сомнения, оказала существенное влияние на всю его дальнейшую жизнь, заложив основы мировоззрения и оставив печать на его душевной формации.

Психологическую обстановку, сложившуюся в семье, Бердяев характеризует в «Самопознании» как атмосферу, родственную Ф.М. Достоевскому. В семье он всегда чувствовал «неблагополучие, неприспособленность к жизни, надлом, слишком большую чувствительность»¹. Болезненная утончённость семейного быта вкупе с миром возвышенной философской мысли контрастировали с неприглядностью повседневной жизни, создавая специфические условия. С детства он жил в своём особом мире, не сливаясь с внешним, который всегда казался ему чуждым. У него было напряжённое чувство собственной непохожести на других. Будучи человеком крайне восприимчивым, он на всё вибрировал, замечая малейшие оттенки настроения, и любое страдание даже людей мало знакомых всегда принимал близко к сердцу. Такое жизнеощущение Н.А. Бердяев определял как «чуждость мира, неприятие мировой данности, неслиянность, неукоренённость в земле, <...> болезненное отвращение к обыденности»², обладая в то же время обострённым чувством реальности, не приемля иллюзий и прекраснодушного идеализма.

Отсутствие физических наказаний и природная вспыльчивость подпитывали гордость и обострённое чувство собственного достоинства. В семье юного Бердяева не было авторитарности, «инерции тради-

¹ Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 272.

² Там же, с. 283-284.

ционного быта»¹, мальчика никогда не стесняли, не насиловали и не наказывали. Возможно, из гордости он и не давал к этому поводов. В детстве он никогда не проявлял капризов и не плакал, впрочем не были свойственны ему и детские шалости. Однако припадки гневливости сопровождали Бердяева с ранних лет.

По мнению С.А. Титаренко, на этом фоне сформировались два основных мотива философствования Н.А. Бердяева – борьба с окружающей действительностью и борьба с личной эмоциональностью². Выход из своих «психологических проблем», по мнению исследователя, он находит в философии, своего рода «пневмотерапии» (С.А. Титаренко). Не случайно, что философия Н.А. Бердяева стала объектом рассмотрения западных учёных как перспективная психотерапевтическая концепция в рамках экзистенциальной психотерапии и трансперсональной психологии (К. Уилбер, Г. Николаус, Д. Фредериксон). Г. Николаус говорит о Н.А. Бердяеве как о предшественнике Р. Ассаджиоли, создателя метода психосинтеза, отмечает близость его философии с идеями М. Бубера и К. Юнга³.

Будучи человеком свободолюбивым и крайне независимым, Н.А. Бердяев простирает свои рассуждения о свободе даже на предметы: «Воспринимаемая мною чернильница принудительно мне дана, как и связь частей суждения; она меня насилует, как и весь мир видимых вещей; я не свободен принять её или не принять»⁴. При таком положении вещей абсолютно очевидным представляется неприятие системы образования, навязанных авторитетов и мнений. Философ в своё время отказывается от ортодоксального взгляда на христианство и духовного водительства старцев именно в силу этих причин.

Авторитаризм совершенно чужд Н.А. Бердяеву, как и авторитарные представления о Боге. Бог для него не есть мироустроитель или вселенский администратор, не Промыслитель мира, Мироправитель, Мiroдержец, Пантократор, но «свобода и смысл, любовь и жертва, <...> борьба против объективированного миропорядка»⁵. Наиболее неприемлемо для Н.А. Бердяева чувство Бога как силы, как всемогущества и власти. В «Самопознании» он парадоксально утверждает, что «Бог никакой власти не имеет. Он имеет меньше власти, чем полицейский»⁶.

¹ Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 281.

² Титаренко С.А. Н. Бердяев. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: издательский центр «МарТ», 2005. – С. 32.

³ Nicolaus G. New perspectives for Psychotherapy: Introducing Nikolai Berdyaev // Contemporary Psychotherapy. – Vol 1. – No. 1. – April 2009. – P. 15-19.

⁴ Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев; Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. – С. 60.

⁵ Там же, с. 53.

⁶ Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 436.

Очевидно, что и авторитаризм в образовании для Н.А. Бердяева невыносим и неприемлем, находится под знаком объективации. Рассуждая о психологическом насилии в труде «О рабстве и свободе человека», Н.А. Бердяев отмечает, что оно может быть опаснее насилия физического, поскольку играет ещё большую роль в жизни, лишая человека свободы, делая его рабом. В пример приводится социальное внушение, система воспитания, способная «совершенно лишать человека свободы, делать его неспособным к свободе суждения»¹. В другой книге «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» философ развивает мысль, приводя целую градацию ступеней насилия. Это могут быть «воспитание, религиозное запугивание, семейные нравы, пропаганда, ежедневное внушение газеты, власть политических партий, власть денег, совершающая величайшие насилия, и мн. др.»².

Взгляды Н.А. Бердяева не являются в этом смысле уникальными. Едва ли не все светила педагогики чурались авторитарности в воспитании и обучении, критиковали массовую образовательную практику, выдвигали идеи свободы и естественности. В.А. Лай, к примеру, объясняет такое положение вещей отрывом школы от жизни, противоречии их друг другу: «Шеррингтон собрал недавно сведения о нескольких тысячах лиц и не нашёл никакого соответствия между школьными успехами и проявленным впоследствии в жизни умом, ловкостью и деятельностью»³. Многие великие умы (К. Линней, К. Гаусс, Ю. Либих, Ч. Дарвин, Г. Гельмгольц и другие) не сильно преуспели в пассивной школе словесного обучения и с неприязнью вспоминали об учёбе, которая не отвечала их склонностям и потребностям. А всё потому, что в традиционном преподавании слишком мало жизни, активного действия и деятельности, но с избытком хватает схоластического формализма и насилия.

Проблема образования и насилия – одна из ключевых для педагогики. Согласно академическому определению А.А. Гусейнова «НАСИЛИЕ означает буквально делание чего-либо через силу, принуждение силой, общественное отношение, в ходе которого одни индивиды (группы людей) с помощью внешнего принуждения, представляющего угрозу жизни вплоть до её разрушения, подчиняют себе других, их способности, производительные силы, собственность; по Г.В.Ф. Гегелю, это узурпация свободной воли в её наличном бытии; Л.Н.Толстой писал, что

¹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря / Сост. и послесловие П.В. Алексеева. – М.: Республика, 1995. – С. 38.

² Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – С. 309.

³ Лай В.А. О соотношении школы и жизни // Официальный сайт Б.М. Бим-Бада / URL: http://bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=545.

«насиловать — значит делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие»¹.

В сборнике СПбГУ «Образование и насилие» (2004 г.) отчётливо прослеживается тенденция признания насилия как неизбежного зла, как структурного принципа педагогики, как незаменимого элемента образования, на что, безусловно, есть основания. Философы образования стремятся дезавуировать идеализм и прекраснотушние свободного воспитания, раскрыть лицемерие гуманистических целей далеко не гуманистического образования, осмыслить насилие как своего рода насилие во благо.

Так, К.С. Пигров считает сопротивление необходимым условием действительного процесса образования, поскольку «образование это не только и не столько процесс, сколько эксцесс»².

Согласно М.С. Тимофеевой, «приступая к получению образования, индивид приносит себя в жертву своей будущей личности. <...> Таким образом, образование — это и насилие над собой»³.

По мнению Г.Г. Феоктистова, «педагогика является инструментарным претворением технологии насилия, осуществляемого обществом над его членами в целях выживания человека как биологического вида. <...> Воспитание и образование — <...> в принципе социально-насильственны, но неотвратимы и социально, и биологически. <...> Общество ставит перед педагогикой цель: сформировать *совокупность* его членов будущего поколения, отвечающих принимаемым этим обществом совокупности норм, укладывающихся в заданное мировоззренческое пространство». При этом, «объявляя целью воспитания «творческого человека», педагогика вступает в противоречие с задачей сохранения и поддержания культурного базиса, прежнего опыта, традиций и устойчивости общества в целом. Обучать творчеству — значит обучать разрушению этих традиций, а, значит, способствовать неустойчивости общества. <...> Человек есть не цель воспитания и образования, а инструмент в достижении общественной потребности. <...> Обществу необходима не индивидуальность, а вписанность индивида в общество, его принципиальный конформизм к существующей системе общества»⁴.

¹ Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. — М.: Гардарики, 2001. — С. 303.

² Пигров К.С. Образование и насилие // Образование и насилие. Сборник статей / Под ред. К.С. Пигрова. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. — С. 10. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/pigrov/educviol_01.html

³ Тимофеева М.С. Образование и насилие // Образование и насилие. Сборник статей / Под ред. К.С. Пигрова. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. — С. 168. http://anthropology.ru/ru/texts/timofeeva_ms/educviol_19.html.

⁴ Феоктистов Г.Г. Принуждение как структурный принцип педагогики // Образование и насилие. Сборник статей / Под ред. К.С. Пигрова. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. — С. 251-265. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/feokt/educviol_29.html.

Н.А. Бердяев видит в насилии отношение к человеку как к объекту, а не к субъекту, то есть насилие фактически отождествляется с объективацией, действием объективированного (подробнее об объективации – в § 2.1). Человека обезличивают, делают объектом, и это есть насилие. Объект – это уже не человек, это предмет, вещь, средство, функция, роль, но не человек. Человек без лица – уже не личность. Объективировать человека значит насиловать, то есть лишать личностного измерения. Одна из ведущих сфер объективации – социальность. Принимая во внимание социологизм современных трактовок образования, можно сказать, что образование в этом смысле есть насилие.

Бердяев пишет, что проблема насилия сложна, потому что наряду с заметным насилием, материальным, физическим есть насилие незаметное, психическое. При этом наибольшую опасность представляет собой именно скрытое насилие, неявное зло, тайное манипулирование душами, подчинение своим интересам, лишение свободы личности: «...Человек, согласившийся на дрессировку, на оформление своей личности путём психического насилия, делается рабом. Именно согласие на психическое насилие делает человека рабом, материальное насилие не требует согласия и может оставлять внутреннюю свободу»¹. Можно ли считать такой дрессировкой формальное образование? Вполне.

Но в философии Бердяева речь может вестись о двух разных пониманиях образования: образовании объективированном, формальном, неподлинном, выброшенном в социальность и образовании подлинном, экзистенциальном, совершающемся подчас не благодаря, а вопреки тому, что пытаются вложить извне. Данная типология перекликается с традицией русской религиозной мысли, классификацией И.В. Киреевского, который говорил о двух типах образованности – внутренней и внешней. Образование экзистенциальное диалектически связано с объективированным образованием, может протекать внутри него. Но насилие характеризует, прежде всего, второй тип, потому что сама объективация неразрывно связана с насилующей необходимостью, в то время как экзистенция зиждется на свободе.

Вот почему отношение Бердяева к педагогике и всему педагогическому было крайне негативным. На науку о воспитании он подсознательно эксплицировал элемент насилия, ограничения свободы, что, вместе с тем, не означает отрицание им образования не только в экзистенциальном, но и в объективированном плане.

В православной педагогике утверждается, что образование – это восстановление образа Божия в человеке. У Бердяева, это восстано-

¹ Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи / Н.А. Бердяев. Истина и откровение. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. – С. 166.

ние образа Божьего в человеке как ответ на призыв Бога через творчество. В таком понимании подлинное образование замешано на свободе и не может быть насилием.

Соотношение понятий образования и насилия представляет собой проблему, способы решения которой кроются во многом в модусах понимания данных феноменов. Если образование понимать как социальный институт, то насилие здесь неизбежно, если как экзистенциальный процесс, то оно невозможно, потому что подлинное образование по сути свободно. Но, поскольку человек живёт в несовершенном мире, где экзистенция диалектически сосуществует с объективацией, таким же образом сосуществуют и пересекаются и два типа образования, а также образование и насилие.

Педагогику, конечно, нельзя сводить к исключительно технологическому объективизирующему знанию, как можно подумать, анализируя ряд «педагогических» высказываний Н.А. Бердяева. Опять-таки подобная смысловая редукция объясняется во многом стереотипической неприязнью к традиционной школьной педагогике авторитарного принуждения. Бердяев был, по-видимому, незнаком с лучшими образцами педагогики философской. Экзистенциальная педагогика, появившаяся во второй половине XX века, уже своим существованием доказывает возможность синтеза даже таких убеждений с образовательной практикой (М. Бубер, О.Ф. Больнов, К. Ясперс и др.). Особое внимание к существованию конкретной личности, ориентация на этическую проблематику, диалогичность, недоверие к внешним образовательным формам и апология самовоспитания – все эти особенности характерны для философско-образовательной теории и практики экзистенциалистов, включая и творчество самого Бердяева.

Можно говорить о невысказанности и недостаточной выявленности педагогического содержания экзистенциальной философии Бердяева, который, вместе с тем, являлся, бесспорно, разносторонним и высокообразованным человеком, но не оставил специальных трудов по вопросам воспитания и обучения. Он не обосновал своих педагогических взглядов, игнорировал образовательную действительность в виде социальных институтов, относя их к сфере социальной объективации, и считал их, вероятно, не столь значительными структурами для обстоятельного философского анализа. Попросту говоря, формальная система образования была ему глубоко чужда и неинтересна. Мы можем судить о философско-образовательной позиции Н.А. Бердяева лишь в связи с его общефилософскими взглядами, а также опираясь на немногочисленные собственно педагогические фрагменты, встречающиеся в его трудах.

Вместе с тем, одна из главных задач философии Н.А. Бердяева, как бы он это не отрицал, именно педагогическая. Его категоричность, стремление внушить и убедить составляют безусловный учительский талант, который смог привлечь внимание к его творчеству по всему миру. Хотя Бердяев всячески открещивался от причисления себя к педагогам, В.А. Кувакин не без иронии отмечает, что «его философская публицистика носит явно дидактический и назидательный характер»¹, а В.В. Зеньковский, характеризуя профетический стиль философа, подчёркивает: «Это не пророчества в точном смысле слова, это скорее именно проповедь и утопические вдохновения, и всегда в них есть элемент «дидактический» <...> Бердяев всегда учит, наставляет, – обличает и зовёт, всегда в нём выступает моралист»². По мнению С.А. Титаренко, «задача для Бердяева состояла в том, чтобы особым образом выраженные результаты своего творческого процесса внушить ученику, слушателю, читателю, с целью убедить его в них и таким способом погрузить его в, аналогичное своему, творческое состояние»³.

Философию Н.А. Бердяева можно представить как «педагогический нарратив» (А.Ф. Закирова)⁴, включающий синтез научных и ненаучных форм знания, рационального и иррационального и обладающий вполне определённым философско-образовательным потенциалом. В наибольшей мере нарративности соответствует автобиография Бердяева, его знаменитое «Самопознание», представляющее собой рассказ о духовном пути и становлении личности автора, включая и образовательный аспект. Он учился в кадетском корпусе, в университете, преподавал, и исключить эти факты и их значение в его жизни не представляется возможным. Метод философской рефлексии может быть рассмотрен в связи с педагогической интерпретацией его самопознания.

Н.А. Бердяев и с непосредственно философской точки зрения оправдывает феномен образования в отличие, хотя бы, от своего друга Л.И. Шестова. Соотнесение их позиций позволяет говорить о наличии философии образования Н.А. Бердяева как таковой. Бердяев не отрицает историко-религиозного значения познания, хотя отношение к этой проблеме у него сложное. Плохо, что возникло познание как следствие грехопадения, повлёкшее за собой отделение человека от своего божественного источника, разделение на субъект и объект, различение добра и зла, но раз уж оно возникло, то хорошо это различение проводить, чтобы, в конце концов, его преодолеть: «Познание добра и зла связано с

¹ Кувакин В.А. Религиозная философия в России: Начало XX века. – М.: Мысль, 1980. – С. 152.

² Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – С. 718.

³ Титаренко С.А. Н. Бердяев. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: издательский центр «МарТ», 2005. – С. 58.

⁴ Закирова А.Ф. Герменевтическая интерпретация педагогического знания / А.Ф. Закирова // Педагогика. – 2004. – №1. – С. 32-42.

утратой райской цельности, но путь познания добра и зла до конца должен был пройден. После того как человек вступил на путь различения добра и зла, само познание не есть зло. Познание имеет своим предметом зло, но оно само не есть зло. И в познании осуществляется творческое призвание человека»¹. На этом уровне этика соприкасается с гносеологической проблематикой. Н.А. Бердяев убеждён – познание горько, но необходимо, постулируя фактически смысл образования как пути познания. Главное для него в познавательном процессе – это возможность свободного самоопределения: «Я всю жизнь учился, учусь и сейчас. Но это есть свободное приобщение к мировому знанию, к которому я сам определяю своё отношение»².

Шестов связывает познание с грехом, он уверен, что познание бессмысленно и вредно, оно само есть зло. Значит бессмысленным и злым является образование. Бердяев видит в теории познания Шестова пессимизм, считая познание, в конечном счете, всё-таки позитивной ценностью и благом: «Совсем не само познание есть грех и отпадение от Бога. Само познание есть положительное благо, обнаружение смысла»³. Шестов же пессимистом себя не считает. Бог для Шестова всемогущ. Возможно всё. Даже повернуть время вспять. Шестов верит в бесконечную возможность и видит в этом главный признак веры, главный божественный атрибут. Настоящая вера способна горы сдвигать. Чудо – не препятствие для веры, а её проявление. Бердяев действительно ограничивает Бога необходимостью, хотя бы временем и свободой (как ни парадоксально это звучит). Шестов божественного не ограничивает в принципе. Для него свобода в Боге, а не вне Бога, как у Бердяева. Это существенное отличие их миропониманий. Бердяев может верить только с помощью разума и призывает к этому всех, Шестов же убеждён в священном «безумии веры». Вера Бердяева ограничена разумом, вера Шестова не ограничена ничем, хотя оба они – философы, то есть для прояснения своих взглядов используют инструменты разума. Доказательств нет ни у того, ни у другого. Доказательность не приемлет ни тот, ни другой. Бердяев опирается на духовный опыт, Шестов вообще уходит от обоснования каких бы то ни было опор, считая веру исчерпывающей и не требующей пояснений. Трудно верить, следуя философии Бердяева, трудно познавать, идя за Шестовым.

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 243-244.

² Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 277.

³ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 48.

Бердяев обвиняет Шестова в пассивности¹, в чём можно усмотреть сугубо созерцательный характер «философии образования» последнего (если таковая вообще имеется). Человек Шестова находится под бременем греха, но не вины, он ни за что не отвечает, он безучастен. Вся активность сосредоточивается в Божьем Промысле, но Бог у Шестова не проявляет себя в мире, сетует Бердяев. Поэтому борьба с этикой и рациональностью Шестова ни к чему не приводит в свете трагичности человеческого состояния, равно как и сами разум и этика. «Пассивности» Шестова Бердяев противопоставляет свой активизм, обосновывающий активное развитие и становление личности, её воспитание и самовоспитание. Жизнь у Бердяева положительно осмыслена, ценна собственной творческой самооценностью; это перманентное творчество, постоянный труд выбора, непрекращающийся образовательный процесс.

Образование есть путь человека. Бердяев этот путь признаёт и раскрывает. Шестов же путь отрицает, а значит, отрицает и образование. Шестов не раскрывает перед нами пути образования. Его метод – отрицательный. Бердяев же, напротив, этот метод даёт. Для него путь жизни, а соответственно и путь образования – это путь положительный, путь творчества, индивидуального и вселенского. На отрицании очень сложно построить философию образования, на утверждении есть основания для строительства. Образование связано с устойчивостью, и то, что приводит к дисбалансу системы, вредит и образованию – таков контекст мысли Шестова. Однако, синергетические исследования последних десятилетий о конструктивной роли хаоса, в том числе и в образовательной области, свидетельствуют в пользу возможности существования даже «отрицательной» философии образования.

Методология реконструкции философии образования Н.А. Бердяева требует опоры на современный научный аппарат. В 90-х гг. XX века шли горячие дискуссии о месте философии образования в системе научного знания. Высказывались разнообразные позиции, и противников существования философии образования до сих пор хватает, но, тем не менее, дисциплина развивается и определяется. Философия образования включена в качестве отрасли педагогического знания в паспорт специальности «13.00.01 – общая педагогика, история педагогики и образования». Это имеет компромиссное значение для объединения философской и педагогической методологии. Поэтому данный спор, по крайней мере, формально и институционально, можно считать исчерпанным. Философия образования существует, она официально признана и инсти-

¹ Бердяев Н.А. Лев Шестов и Киркегор // Типы религиозной мысли в России [Собрание сочинений. Т. III]. – Париж: YMCA-Press, 1989. – С. 405.

туционально оформлена. Данное утверждение является отправной точкой нашего исследования.

Дискуссии о статусе философии образования часто сводятся к проблеме соотношения философии и науки. Эта проблема не нова и уходит корнями в античность. Истоки метафизической философии мы встречаем у Платона, а предтечей научной можно считать Аристотеля. У Н.А. Бердяева собственный взгляд на проблему. Он чётко разграничивает сферы ответственности науки и философии. Если первая изучает природный порядок бытия, то последняя выходит за его пределы, проникая в экзистенциальную глубину макрокосма.

В одной из важнейших работ до вынужденной эмиграции, «Смысле творчества» (1916), отчётливо проводится линия жёсткой критики науки и научности, которые ассоциируются с необходимостью, послушанием, приспособлением к миру, с неловкой попыткой самозащиты человека, затерявшегося в дебрях мироздания. Бердяев отказывает науке в овладении целостной Истиной; по его мнению, она знает лишь частичные истины.

В противовес научному мирозерцанию Бердяев характеризует философское в совершенно другой тональности, называет философию особой областью духовной жизни и важнейшей частью человеческой культуры. Философия в отличие от науки ищет единую Истину, а не распыляется на поиск частных истин. В основе философского познания находится убеждение в реальном существовании смысла и победе смысла над бессмыслицей.

В «Философии свободы» (1911) Н.А. Бердяев ещё более резок и критичен по отношению к науке, представляя её как ограниченную сферу «патологического» знания, охватывающую не бескрайность сущего, но только разделённое состояние бытия в данной плоскости. Он сравнивает науку с помещением больницы, миром, заболевшим от греха и подпавшим закону тления, подчинившимся закону необходимости, не знающим о других могущественных силах, действующих в мире. Физики говорят, что наука объясняет не более 5% происходящего во Вселенной, в то время как 95% до сих пор остаются тайной. Наука для Бердяева объясняет «как», а не «что», но всю жизнь он искал истину и смысл, «что» для него было важнее, чем «как». Можно предположить, что педагогика, как и любая другая наука в его понимании, ограничена объективированным миром, не даёт прорыва к миру подлинному.

Не отрицая технического значения науки, Н.А. Бердяев отмечает ограниченность и односторонность научных подходов, критикует воинственный сциентизм, претендующий на мировоззренческую монополию в сфере сознания человека. Значительный конструктивный и мобилизу-

ющий заряд «размыкающего мышления» (В.М. Розин) этой позиции нацелен на преодоление узкого взгляда на мир, в том числе, и на образование, что можно считать одной из важнейших философско-образовательных задач. Инструментарий научных средств дополняется в философии образования исключительно философскими, спекулятивными, например, интуицией, духовным опытом, которые так ценил Бердяев: «...Философское познание покоится на интуиции, т.е. на симпатическом, любовном проникновении в сущность вещей, а не на научном анализе, который оставляет нас вне вещей, вокруг их поверхности...»¹. Существует проблема релятивизма науки, создающей, по мнению И.И. Сулимы, «осколочное видение мира через множество образов в принципе не сводимых к единству»². Философия в этом смысле выполняет синтетическую роль, конструируя целостное мировоззрение.

Говоря о соотношении науки и образования, следует обратиться к позиции Ф. Ницше, который писал о подлинной образованности и мнимой учёности, о человеке образованном и человеке науки как о двух разных полюсах образования, иногда соприкасающихся друг с другом, но никогда полностью не совпадающих. Он выделяет «истинное, т.е. аристократическое, опирающееся на мудрый подбор умов образование» и «микрологическую, сухую во всех отношениях, чуждую образованию учёность, достоинство которой, быть может, и состоит именно в том, что она по крайней мере притупляет восприимчивость взора и слуха к искушениям упомянутой сомнительной культуры»³.

Основоположник российской философии образования С.И. Гессен также не приветствовал сведение педагогики к технологическому процессу как проявлению не всегда обоснованных претензий на её исключительную научность. Искусственная технизация педагогики приводит к обратному результату, самоликвидации в конечном счёте ложного механицизма, формально встроенного в естественный ход жизни, напрасной трате сил и времени. «Экспериментальная педагогика», так популярная в первой половине XX века, в сравнении с философской, подвергается критике Гессена именно в связи с её техническим, а иногда и политическим характером, заменяющим философичность педагогического знания на технологичность узких методик⁴.

¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 45.

² Сулима И.И. Герменевтика и понимающие подходы в гуманизации образования: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Н. Новгород, 1996. – С. 4.

³ Ницше Ф. О будущности наших образовательных учреждений // URL: <http://www.nietzsche.ru/read-13.php>.

⁴ Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Отв. ред. и сост. П.В.Алексеев. – М.: «Школа-Пресс», 1995. – С. 369-375.

Педагогика всё больше занимается проблемой средств, забывая о целях. По словам А.А. Королькова, «современная педагогика поглощена рассудочностью, стремлением превратиться в науку, будто не с воспитанием и образованием человека, будущего художника, музыканта, писателя, строителя имеет она дело, а со сложной информационной машиной, которую надо зарядить алгоритмами, тестами, задачами. Нелепо отвергать научные подходы в педагогике, но всегда следует помнить об их возможностях и пределах»¹.

Ссылаясь на Н.А. Бердяева, А.Ф. Закирова отмечает, что «в педагогике утвердилась модель научного познания, для которого характерно отчуждение изучаемого объекта от внутреннего существования субъекта (объективация)»². Но в традиции русской религиозной мысли «философия – это верующая наука, опирающаяся на сверхличную очевидность»³, а «философия человека и социальная философия, сфокусированная на становлении личности в ходе воспитания и обучения, – это и есть философия образования»⁴. Философия образования предоставляет альтернативы для развития педагогической науки, будучи далеко не утилитарной областью знания. Она имеет, прежде всего, гуманитарное, а не технологическое значение. Важны здесь не столько видимые «материальные» результаты, сколько само рассуждение, процесс познания, диалог, попытка объяснить и понять.

К слову, Н.Г. Алексеев видит главную задачу философии образования как раз в том, чтобы осуществить качественный прорыв в образовательной сфере, и говорит о ведущем значении философии в этом процессе⁵. Философия образования предоставляет дополнительные возможности для развития не столько эволюционного, сколько революционного, очищающего, раскрывающего и обновляющего. Активно-творческое, революционное предназначение философии как действенного знания утверждал и Н.А. Бердяев⁶. Для него философия – это борьба с рабством необходимости, духовная революция, прорыв к истине и загадке миротворения. Девиз подлинной философии – не послушание, а творческая активность, не мечта, но действие. Философия образования, имея своей целью непосредственное воплощение философии в конкрет-

¹ Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – С. 131.

² Закирова А.Ф. Герменевтическая интерпретация педагогического знания // Педагогика. – 2004. – №1. – С. 35.

³ Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – С. 212.

⁴ Там же, с. 296.

⁵ Философия образования («Круглый стол» журнала «Педагогика») // Педагогика. – 1995. – №4. – С.7.

⁶ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 47, 49.

ную сферу жизнедеятельности, отвечает в этой связи чаяниям Н.А. Бердяева о её действенности.

Посредством философии образования педагогическая наука активно взаимодействует с философией. А.П. Огурцов и В.В. Платонов¹, опираясь на Р. Мертона, называют философию образования *теорией среднего уровня*, то есть новой исследовательской областью и научной программой, которая позволяет преодолеть разрыв между теоретичностью философии и эмпиричностью практической деятельности. Примечательно, что для Б.С. Гершунского образование – это мировоззренческий «синтезатор», объединяющий знание и веру, науку и религию, способный разрешить кризис абстрактности и бессилия философии².

Вместе с тем Н.А. Бердяев пишет, что философия не есть наука и не должна быть научной, «допустима философия науки, но недопустима научная философия»³. Философия образования является особой наукой, так как она может опираться, например, на религиозную философию. Трудно представить, как сугубо научному анализу можно подвергнуть категории соборности, духа, свободы, любви, добра, истины, справедливости, которые не поддаются количественным характеристикам и материальным экспериментам. Но они имеют реальное существование, их надо как-то включать в научный кругозор, хотя бы с помощью философии образования. В то же время интересно, что А.П. Огурцов и В.В. Платонов делают акцент именно на научном характере философии образования: «Возможность интерпретации философских идей и категорий в терминах научного, вообще эмпирического знания, равно как и восхождения от последнего к философии, является предпосылкой самой идеи специализированной философии образования. Эта позиция критического рационализма выступает исходным пунктом современной философии образования, которая и является «метафизической исследовательской программой»⁴.

А.П. Огурцов и В.В. Платонов сформулировали общую схему периодизации философии образования. К первому периоду – *предыстории философии образования* – относится вся совокупность классических философских систем от греческой «пайдеи» до философско-педагогических построений XIX века. Второй период – *переходная стадия* (XIX – начало XX века) – связан с появлением некоторых предпо-

¹ Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век / А.П. Огурцов, В.В. Платонов. – СПб.: РХГИ, 2004. – С. 20.

² Гершунский Б.С. Образование в третьем тысячелетии: гармония знания и веры // Педагогика. – 1998. – №2. – С. 56-57.

³ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 31-32.

⁴ Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. – СПб.: РХГИ, 2004. – С. 200.

сылки философии образования в системах общей философии. Отмечается автономизация и дифференциация образовательного знания, а философия образования представлена в виде «публицистических» ответвлений философских систем (вроде концепций А. Бергсона или Д. Дьюи). Эта фаза номинируется как *протофилософия образования*. Третий период – *становление* (с середины XX века) – появление философии образования как особой исследовательской области.

Необходимо признать, что философия Н.А. Бердяева не может считаться образцом или моделью современной философии образования. Более того, до недавнего времени данные философско-образовательные взгляды оставались практически неисследованными, поскольку вследствие своей имплицитности нуждались в реконструкции с помощью определённых герменевтических процедур. Вместе с тем важнейшим источником для философии образования, о чём пишут Огурцов и Платонов, является именно общая философия, и поэтому вполне справедливо утверждение, что практически любое философское учение может выступать как философия образования. Те же авторы относят воззрения Н.А. Бердяева к экзистенциальной философской антропологии, которая рассматривается в контексте философии образования человека.

Необходимость и предзаданность подобной реконструирующей практики философии образования предполагает наличие ряда принципиальных установок, таких как рассмотрение образования в качестве бытийного основания как философии, так и педагогики. А.Е. Крикунов¹ видит данную работу в особом прочтении новых для педагогики философских текстов, открывающем перспективное видение актуальных проблем образования через герменевтическую ретроспективу, которая неизменно обнаруживает имплицитные смыслы и порождает новые, проистекающие из тех буквальных. В этом, в общем-то, и заключается миссия исследователя-интерпретатора, который должен, вместе с тем, чётко осознавать рамки таких интерпретаций, поскольку честность учёного, с другой стороны, требует более или менее аккуратного и дословного воспроизведения авторского текста, чтобы не скатиться в доксографию, искажение позиции автора в угоду своим оценкам. Такая работа обуславливает обильное цитирование и комментирование трудов автора, а также понимающий диалог с другими интерпретаторами, и нахождение своего места в этой дискуссии через определение собственной позиции.

¹ Крикунов А.Е. Феномен образования в русской персоналистической философии: монография. – Волгоград: ВГПУ, Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – С. 97, 104.

Стоит обратить внимание и на особенности гуманитарного познания, обозначенные В.М. Розиным¹, которые в случае с философией образования Н.А. Бердяева можно интерпретировать следующим образом:

- Философия образования Н.А. Бердяева, как и вся гуманитарная наука в целом, имеет дело с человеком. Причём, для Бердяева это вдвойне справедливо, ведь его недаром считают христианским гуманистом (Э. Аллен), а некоторые даже упрекали в антрополатрии (В.В. Зеньковский).
- Философия образования Н.А. Бердяева имеет по большей части не прикладной, инструментальный характер, а ориентирована, прежде всего, на понимание феномена образования и образовательной действительности сквозь призму этики свободы и творчества.
- Методология исследования философии образования Н.А. Бердяева предполагает ориентацию во множестве подходов и нахождение своего собственного места, соответствующего специфике творчества автора и позиции интерпретатора.
- Изучение философии образования Н.А. Бердяева, равно как и других авторских текстов, предполагает обязательное личное отношение, взаимодействие с автором, персональное общение с ним через его тексты. Так, обосновывая свою идею объективации, сам Бердяев обращается к диалогической концепции М. Бубера, но, не просто заимствуя чужие идеи, а ассимилируя их в соответствии со своими собственными мыслями. Для того чтобы понять и интерпретировать Бердяева, требуется определённая конгениальность. Исследователь растёт на его изучении. Понимание личности самого Бердяева помогает понять концепцию образования человека, которую можно эксплицировать из его философии.

И.И. Сулима называет экзистенциализм «ведущим течением в антропоцентрической модели воспитания»², методологической основой философии образования. И это утверждается, несмотря на видимую антипедагогичность экзистенциальной философии, так как основывается она на индивидуальном существовании человека как точке отсчёта всего. Акцент делается на том, что образование «не просто институционально, оно – бытийно»³. В контексте философии образования Н.А. Бердяева можно также сказать, что образование экзистенциально. Методы изучения философии Н.А. Бердяева, на наш взгляд, должны со-

¹ Арламов А.А., Почтер Р.В. Проблемы методологии педагогики: постнеклассический период // Педагогика. – 2008. – №5. – С. 99.

² Сулима И.И. Герменевтика и понимающие подходы в гуманизации образования: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Н. Новгород, 1996. – С. 16.

³ Там же, с. 10.

относиться с его собственными методами, которые нельзя отрывать от его философии, ведь «метод в какой-то степени и есть содержание»¹. Методы Н.А. Бердяева – это и есть в определённом смысле его философия. Поэтому если полностью отказаться от его методов, то придётся отказаться и от его философии.

В.А. Кувакин, рассуждая о методологии Н.А. Бердяева, отмечает наличие таких «субметодов», как «эмоционально-образное осмысление, диалогизм и драматизм, религиозный символизм»². Особая сложность в трактовке философии Н.А. Бердяева связана именно с эзотеричностью подхода, который использует мыслитель, внешней несистемностью, отказом от чётких дефиниций, противоречивостью и символичностью его языка, что приводит к появлению очень широкого поля для интерпретации. По мнению В.Н. Поруса, Н.А. Бердяев пробовал говорить на несуществующем языке, маневрируя в просторах истории европейской мысли в попытке создать «мост» без устойчивого основания, как бы парящий в воздухе³. О.Д. Волкогонова⁴ отмечает откровенность, личностную сопричастность, интуитивность, увлечённую безудержность «бердяевского» стиля философии, не случайно названного В.В. Розановым стилем «высказывания», а не «доказывания». Схемы и логическая аргументация – не конёк Н.А. Бердяева, ему это просто не интересно. Термин «обнаружение» он предпочитает слову «доказательство», поскольку последнее, по его мнению, «не применимо к бытию Божьему. В признании бытия Божьего нет логической принудительности»⁵.

Н.А. Бердяева нельзя читать дословно – обращает внимание один из зарубежных исследователей его творчества Э. Аллен: «Он использует слова, которые шокируют, но лишь из-за того, что мы слишком наивны, понимая их буквально; мистик подобен художнику, и важнее не что он пишет, а что имеет в виду»⁶. Это связано во многом со стремлением избежать идеальной объективации своих мистических прозрений, своего религиозного опыта, своего целостного мировосприятия. С.А. Титаренко указывает, что философ пытается уйти даже от слова «идея», поскольку оно несёт на себе печать сущности, но не существования. В общем-то, такой подход свойствен всей экзистенциальной философии, а в

¹ Бермус А. Возможна ли иная методология образования? // Alma mater. Вестник высшей школы. – 2005. – №4. – С. 32.

² Кувакин В.А. Религиозная философия в России: Начало XX века. – М.: Мысль, 1980. – 309 с.

³ Н.А. Бердяев и единство европейского духа / Под ред. Владимира Поруса (Серия «Религиозные мыслители»). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – С. 163.

⁴ Волкогонова О.Д. Н.А. Бердяев: Интеллектуальная биография. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 35.

⁵ Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / Составление и комментарии В.В. Сапова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 290.

⁶ Allen E.L. Freedom in God: A guide to the thought of Nicholas Berdyaev. – Hodder & Stoughton, London. URL: <http://www.chebucto.ns.ca/Philosophy/Sui-Generis/Berdyaev/essays/allen.htm>.

религиозном её направлении обосновывается ещё и апофатической методологией, используемой в богословии, что мы и встречаем у Н.А. Бердяева. Поэтому было бы логично и честно следовать установке автора, избегая в трактовке его философии образования излишней схематизации и конкретизации символически излагаемого учения. Некоторая двусмысленность и неопределённость, которые появляются в этом случае, компенсируются следованием духу философии Н.А. Бердяева.

Множественность возможных трактовок является существенной особенностью его стиля, что, с одной стороны, навлекает поток критики как на него самого, так и на его интерпретаторов, а с другой стороны, предоставляет широкие возможности для изучения в том ключе, какой представляется нужным и уместным. Речь идёт об особом пласте «субъективной реконструкции» (С.А. Титаренко): «Незавершённость смысла, выраженная проблематичным образом, требовала активного реконструирующего вмешательства того, кто воспринимает текст, восполнения им недостающего содержания путем вовлечения собственных смыслов»¹. Философия образования Н.А. Бердяева – это неизбежно и наша философия образования, поскольку это наша трактовка, наш взгляд на его творчество. Бердяев писал о Ф.М. Достоевском: «Он был необычайно богат, от него идёт много линий, и каждый может пользоваться им для своих целей»². То же применимо и к интерпретации творчества самого Н.А. Бердяева.

По словам С.А. Титаренко, «для адекватного реконструирования содержания смысло-образа текста необходимо достижение читателем созвучия духовной ориентации, необходимо, чтобы сам читатель имел аналогичную духовную устремлённость»³. Это и будет ключом к пониманию философии Н.А. Бердяева, в том числе и в образовательном плане. На первый взгляд такое видение сходно с учением о понимании Ф. Шлейермахера, однако, это лишь первое впечатление. Сам Н.А. Бердяев был не согласен с принципами его герменевтики, считая её замкнутой на психологизме, а самого Ф. Шлейермахера называл «выразителем субъективного, идеалистического символизма»⁴. В противоположность этому символизм реалистический для Бердяева находится за пределами субъект-объектного разделения, свойственного теории познания, рассматривающей реальность с точки зрения субъекта или с позиции объекта. Духовная жизнь и духовный опыт существуют вне отвлечённых понятий метафизики, гипостазированных человеческим разумом.

¹ Титаренко С.А. Н. Бердяев. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: издательский центр «МарТ», 2005. – С. 90.

² Бердяев Н.А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 337.

³ Титаренко С.А. Н. Бердяев. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: издательский центр «МарТ», 2005. – С. 92.

⁴ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 52.

Н.А. Бердяев уходит от определений, оставляет своё знание открытым для домысливания. Несмотря на свободный и «размашистый» стиль, он боится ввести лишнее понятие, чтобы не солгать, не опредметить собственную интуицию. Вспоминаем, что мысль изречённая есть ложь. Поэтому в его текстах много неопределённого и недоговорённого. Замыкаться в рамках непротиворечивой и законченной философской системы он не хочет. Любая завершённая структурированность является для него объективацией. Бердяев не был бы собой, если бы его мысль была бы полностью законченной. Тогда мы имели бы дело с типичным академическим философом-рационалистом.

Недосказанность и скрытость, «прикровенность» – типические черты философского дискурса Н.А. Бердяева. Вместе с тем, следует избегать «беспредела» интерпретации (Л.А. Микешина)¹, герменевтического «произвола», основанных на «смерти автора», откровенного «насилия» над оригинальным текстом. «Убивать» авторскую позицию значит отказываться от изначального смысла и погружаться в хаос случайностей понимания. Р. Шустерман² говорит о герменевтическом универсализме, появившемся как реакция на философский фундаментализм, но при этом обе эти крайности имеют общие корни в интеллектуализме, безусловности и исключительности рассудочно-логических объяснений действительности. Не стоит исключать непосредственность и буквальность понимания, что обуславливает рассмотрение прямых высказываний Бердяева о педагогике и образовании, которые можно понимать однозначно и дословно.

Необходимо добавить, что Н.А. Бердяев оперирует не понятиями, которые всегда замкнуты в своей определённости, а символами, значение которых бесконечно, «экзистенциалами», метафорами-образами, засекающими нечто, указывающими, намекающими, но никак не определяющими в строгом смысле того, о чём говорится³. Они не раскрываются во всей полноте, всегда присутствует недосказанность и возможность для разных трактовок. В этом сказывается склонность философа к методам апофатической теологии. Умение видеть там, где никто не видит, и то, что никто не замечает, – это в общем-то и есть эзотерическое и творческое умение. Христос не раз призывал народ: «Кто имеет уши слышать, да слышит!» [Мк 4:9] Многие слушают, но немногие слышат, многие смотрят, но немногие видят. И.А. Бескова полагает, что «любое эзотерическое знание по своей природе таково, что может быть заявлено

¹ Микешина Л.А. Специфика философской интерпретации // Вопросы философии. – 1999. – №11. – С. 8.

² Шустерман Р. Ниже уровня интерпретации // Вопросы философии. – 2008. – №7. – С. 141-158.

³ Кузьмина Т.А. Экзистенциальная этика Н.А. Бердяева // Этическая мысль. Вып. 8 / отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФ РАН, 2008. – С. 104.

сколь угодно широко, хоть высечено аршинными буквами на скале, тем не менее, оно не будет доступно тому, кто не имел собственного опыта его переживания. В этом случае сообщённая субъекту информация или будет оставлена им без внимания, или, если её акцентировать, – неверно понята, переосмыслена и, в конечном счёте, искажена. Поэтому в восточной эзотерической традиции существует суждение: кто знает, тот молчит; кто говорит, тот не знает»¹. Т.Б. Любимова отмечает: «...Тайно для человека то, что он в данном состоянии не может вместить (как Христос открывал своим ученикам лишь то, что они могли вместить, то есть очень мало)»². Согласно А. Шопенгауэру, продолжающему в этом смысле традицию И. Канта, разница между талантом и гением заключается в том, что талант попадает в цель, в которую никто попасть не может, а гений – в цель, которую никто не видит. Эзотеризм и аристократизм – отличительные черты философии образования Н.А. Бердяева. Бердяев – учитель эзотерический. Он учит только тех, кто хочет у него учиться, то есть не всех, но тех немногих, кто к этому готов.

¹ Бескова И.А. Проблема творчества и буддийская традиция // Вопросы философии. – 1999. – №7. – С. 164.

² Любимова Б.Т. Интуиция – творчество – знание – опыт // Ориентиры... - М., 2001. – С. 18.

1.2. Этика и образование в философии Н. А. Бердяева

История взаимодействия этики и образования есть история педагогики. Учение о нравственности и наука о воспитании, в сущности, неотделимы друг от друга. Этика есть практическая философия, равно как и педагогика, которую также можно рассматривать как философию в действии. В наследии древних греков и римлян подобная связь была особенно ощутима. Специализация и дифференциация философского и педагогического знания в последующие века не привела к разрушению единства образования и этики, но, напротив, в синтетической сфере философии образования в наши дни подвела к новой фазе его укрепления и развития. Проблема взаимосвязи этики и образования заключается, по всей видимости, в переходе этики в образование, воплощении этического в педагогическом, «работе» нравственных идеалов в образовании, как институциональном, так и экзистенциальном.

В академической энциклопедии по этике находим, что «ЭТИКА (греч. ἠθικόν от ἦθος – относящийся к нраву, характеру; лат. ethica) — практическая философия; наука о морали (нравственности)» (А.А. Гусейнов)¹. Согласно Российской педагогической энциклопедии, «ПЕДАГОГИКА (греч. paidagogike techne, букв. — «детоводческое» мастерство, от pais, род. падеж от paidos — дитя, ребёнок, и ago — веду), отрасль науки, раскрывающая сущность, закономерности образования, роль образовательных процессов в развитии личности, разрабатывающая практические пути и способы повышения их результативности» (Н.Д. Никандров, Г.Б. Корнетов)². В «Словаре по этике» И.С. Кона³ этика и педагогика определяются как социальные науки, обладающие разными предметами, но, тем не менее, глубоко взаимозависимые. Этика (моральная теория) изучает законы и механизмы морального поведения людей, нравственные принципы и моральные представления в обществе. Педагогика (теория воспитания) занимается решением на практике задачи формирования и внедрения постулатов нравственности в человеческой жизни с помощью соответствующих педагогических методов и средств. С этой точки зрения, педагогика — это наука, обусловленная материалом, предоставляемым этикой. Предмет педагогической науки в таком случае представляется более широким, чем у этики, ведь кроме морального воспитания существуют и другие виды: умственное, эстетическое, трудовое и т.д. Несмотря на некоторую идеологизированность и социологизм, принятый в советской науке, в данном определении чётко

¹ Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. — М.: Гардарики, 2001. — С. 573.

² Российская педагогическая энциклопедия: В 2-х тт. / Гл. ред. В.В. Давыдов. — М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. — С. 111.

³ Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. — 5-е изд. — М.: Политиздат, 1983. — С. 425-426.

фиксируется тесная взаимосвязь этики и педагогики, имеющих общее поле нравственности.

Связь этики и философии образования прослеживается ещё явственнее, что следует из соответствующих словарных статей. Российская педагогическая энциклопедия трактует философию образования как «область исследований общей теоретической проблематики, целей и ценностных оснований образования, принципов формирования его содержания и направленности» (В.В. Платонов)¹. В одной из фундаментальных философско-образовательных работ последнего времени «Образы образования» находим, что философия образования – это «исследовательская область образовательного знания на его стыке с философией, анализирующая основания педагогической деятельности и образования, их цели и идеалы, методологию педагогического знания, методы проектирования и создания новых образовательных институций и систем» (А.П. Огурцов, В.В. Платонов)². Доминирование этической лексики – цели, ценности, идеалы – не оставляет сомнений в этической обусловленности философии образования как отрасли педагогической науки и философского знания.

Разброс позиций относительно соотношения образования и этики велик в той же мере, как и сами эти понятия. Во вступительном слове на одной из научных конференций, посвящённых этическим проблемам, А.А. Гусейнов³ сетует на декларативность предполагаемого участия философской этики в реальной нравственной жизни, в том числе и в педагогическом процессе. Между тем философская наука о морали и нравственности может предложить немало теоретической педагогике, для чего необходимо устанавливать и углублять их взаимодействие на уровне философии образования.

В.В. Варава проводит мысль, что «этика выступает некоторым связующим звеном образования и воспитания, тем звеном, которое делает эту связь не случайной, но абсолютно необходимой и закономерной, вытекающей из всей логики духовного бытия культуры», и это означает, что «этика в образовании и есть воспитание», то есть «раскрытие ценностей этического средствами образования составляет сущность воспитания и делает его присутствие в образовательном процессе не-

¹ Российская педагогическая энциклопедия: В 2-х тт. / Гл. ред. В.В. Давыдов. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – С. 513.

² Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. – СПб.: РХГИ, 2004. – С. 11.

³ Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире (Вступительные заметки к теме конференции) // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 2001. – №1. – С. 18-26. URL: http://old.philos.msu.ru/vestnik/philos/art/2001/guseynov_ethics.htm

отменимым и незаменимым»¹. Варава уверен, что сформировать личность вне воспитания — задача невыполнимая, поскольку воспитание, понимаемое в качестве органичного усвоения духовно-нравственных ценностей, по сути, имманентно образованию как таковому, ведь не может быть аксиологически нейтрального образования, а чрезмерная специализация и профессионализация ведут к распадению целостности человека, которая зиждется на духовности и нравственности. Небрежение к этическому в образовании, воспитательному в педагогике неизбежно оборачивается «антропологической катастрофой» (Ф. Гиренок). Из этого следует приоритетность нравственных начал педагогики, образовательной политики и самого воспитания.

Э.Н. Гусинский и Ю.И. Турчанинова ведут речь об этике образования, которая «рассматривает образцы поведения, т.е. привычные поведенческие схемы и позиции, которые свойственны участникам взаимодействия в различных образовательных системах»². Некоторая терминологическая узость данного взгляда очевидно контрастирует с философской широтой реконструируемой позиции Н.А. Бердяева, для которого этика не ограничивается нормами поведения, но охватывает всё поле образования.

М.Н. Дудина призывает к «этизации» образовательного процесса, утверждая, что в основе педагогики как прикладной философии лежит этика, а сущность и принципы этической педагогики выступают как составляющие педагогики свободы (ненасилия), противостоящей педагогике несвободы (насилия)³.

Е.Н. Викторук использует термин «этическое образование», различает *педагогическую этику* (находится на пересечении проблем философии морали и педагогики) и *этическую педагогику* (рассматривает вопросы педагогичности и этичности этического образования)⁴. Автор опирается на концепцию уровней морального развития по Л. Колбергу: доконвенциональный, конвенциональный, постконвенциональный (наблюдается схожесть с концепцией И. Канта, только на более научной основе). Этическое образование актуально на конвенциональном уровне, имеет целью перевод субъекта на постконвенциональную ступень, осуществляется в ряде этико-образовательных моделей, в той или

¹ Варава В.В. Этика и образование. Проблемы и перспективы воспитания в высшей школе // Вестник ВГУ. — Серия: Проблемы высшего образования. — 2008. — №1. — С. 49.

² Гусинский Э.Н., Турчанинова Ю.И. Введение в философию образования. — М.: Издательская корпорация «Логос», 2000. — С. 197. URL: http://www.pedlib.ru/Books/2/0137/2_0137-1.shtml#book_page_top.

³ Дудина М.Н. Этическая педагогика: проблемы компетентности учителя // Педагогическое образование. — 2008. — №2. — С. 4-11.

⁴ Викторук Е.Н. Насилие и этическое образование // Образование и насилие. Сборник статей / Под ред. К.С. Пигрова. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Государственного Университета, 2004. — С. 226-242. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/viktoruk/educviol_27.html.

иной мере использующих «насилие». Автор выделяет две таких модели: классическая (экзотерическая) и неклассическая (эзотерическая). Если в первой из них педагогическое насилие весьма значительно, то во второй – минимально. Представляется очевидным, что преподавание основ этического учения Н.А. Бердяева может быть уместным, скорее, в рамках неклассической модели, ведь философия Бердяева эзотерична, аристократична и парадоксальна, а самое главное – её «сердце» составляет учение о свободе. Викторук раскрывает три метаэтические концептуальные парадигмы: энциклопедическая (доминирующая в системе образования), инструментальная (различные виды профессиональных, прикладных этик) и аксиологическая (ценностная, творческая, экзистенциалистская). Понятно, что этика Н.А. Бердяева вписывается только в третий тип как неклассическое экзистенциалистское нравственное учение.

Западный философ образования Т. Дейвни в статье «Образование – моральное понятие» подчёркивает этическую природу образования, выраженную в определении его идеала: «Когда мы говорим об образовании, предполагается либо идеал личности, на который оно направлено, либо идеал общества, для которого оно готовит каждого человека. Но в любом случае, что особенно важно, за концептом образования скрывается понятие нормы или группы норм, дающие образованию цель. <...> Бессмысленно говорить о системе образования, которая не предлагает идеала человека или общества»¹. Соответственно, выделяются два вида дискуссий в образовании – технические и моральные. Если моральная полемика идёт вокруг целей и идеалов образования, то техническая ограничивается проблемой средств достижения той или иной цели. Таким образом, цель образования – это этический вопрос, в то время как средства образования – вопрос технический. Понятие образа образования в той же мере этично, как и педагогично. Обучение занимается вопросом средств, образование – вопросом целей. Поэтому обучение технологично, а образование – этично. Для Дейвни главная отличительная черта образования – его этичность, соотнесённость со сферой этического. Без этики нет и образования. Без образования нет и этики. Этика – практика философии, образование – практика педагогики.

В англо-саксонской традиции нравственный компонент связывается именно с образованием (ввиду отсутствия разработанного понятия «воспитания»), в частности с нравственным образованием (*moral education*). Дейвни различает образование (*education*) и обучение (*training*), утверждая, что обучение не имеет прямой логической связи с образованием, но любой обучающий компонент может стать образова-

¹ Daveney T.F. Education – a moral concept // New essays in the philosophy of education / Edited by G. Langford & D.J. O'Connor. – 2010 (first published in 1973). – Volume 13. – P. 60.

тельным, если присутствует образовательная цель, под которой Дейвни понимает, прежде всего, общественный либо личный идеал. Образование предполагает наличие такой нравственной цели, которая обладает самоценностью и обусловлена идеалом личности и общества. Только наличие такой цели легитимирует номинирование какой-либо педагогической деятельности в качестве образовательной. Если обучение отвечает данному требованию, то его можно называть образованием, заключает Дейвни.

Однако стоит отметить, что подобный подход отличает акцентированный социологический уклон, так как для Дейвни обоснование любой системы образования непосредственно вытекает из конкретных представлений о человеке и обществе, в котором он живёт, и недаром считается, что ложные представления или искажённое мировоззрение напрямую свидетельствуют о той или иной степени ущербности институций, в рамках которых образовывался человек, а любые рассуждения об образовании зеркально отражают споры об общественном устройстве.

Д. Дьюи в труде «Моральные принципы в образовании» также весьма определённо связывает мораль как таковую с требованиями социума, проводя мысль, что обучение моральным нормам должно быть неразрывно связано с включением человека в общественный организм. Парящие в воздухе нравственные идеалы бессильны в своей демагогической неэффективности, если они не проникнуты социальной значимостью. Дьюи называет «моральную триаду» школы: социальный разум, социальная сила и социальные интересы. Он говорит о незначительности прямого нравственного обучения в школе, отдавая приоритет неосознанному непрямому воздействию на человека: «...Влияние непосредственного морального обучения, даже лучшего, относительно невелико по объёму и незначительно по воздействию, когда принимается во внимание всё поле нравственного роста посредством образования»¹. Основное внимание Дьюи уделяет практическому овладению моральными принципами, которое обусловливается их жизненной ценностью: «То, что нам нужно в образовании – это подлинная уверенность в существовании моральных принципов, которые можно эффективно применить»². Сам термин «moral instruction», который использует американский философ и педагог, можно дословно перевести как «моральное (или нравственное) обучение».

¹ Dewey J. Moral principles in education. – HOUGHTON MIFFLIN COMPANY. BOSTON – NEW – YORK – CHICAGO – DALLAS – SAN FRANCISCO. – The Riverside Press Cambridge, 1909. – P. 5.

² Там же, p. 58.

Говоря о соотношении этики и образования, достаточно вспомнить, что классик немецкой педагогики И.Ф. Гербарт видел в этике философскую дисциплину, которая даёт обоснование целям воспитания, в то время как психология предоставляет средства. П. Наторп в книге «Философия как основа педагогики» критикует такой подход, но не с позиции отрицания необходимости философии для обоснования педагогики, а как раз наоборот, полагая, что этики явно недостаточно для целеполагания в образовании, и что в этом важном деле должны принимать участие ещё две отрасли философского знания – логика и эстетика. Все они неотделимы друг от друга и составляют неразрывную триаду нравственного, умственного и эстетического векторов образовательной идеи, каждый из которых получал преобладание в ту или иную эпоху. Если Ренессанс прославлял эстетическую цель образования в ущерб интеллектуальной и нравственной, то Реформация обнаруживала весьма одностороннее доминирование нравственно-религиозного аспекта, а Просвещение диктовало не менее односторонний приоритет рационального начала. В более позднюю неогуманистическую эпоху три вектора – эстетический, этический и теоретический – рассматриваются в неразрывном единстве и взаимодействии. При этом ведущим из них остаётся именно нравственный. То есть, несмотря на отказ Наторпа рассматривать этику в качестве единственного учения, обосновывающего цель воспитания, этической компоненте отдаётся безусловное преимущество. Само же понятие образования у него сводится к гуманистической трактовке становления человека в человеке, созидания в нём духовности, а воспитание предстаёт в качестве управления этим процессом.

П. Наторп в основу своей педагогической системы положил ключевое подразделение педагогики на содержание образования и образовательную деятельность, или, говоря современным языком, теорию педагогики и педагогическую практику. При этом содержание образования есть учение об объекте образования и является областью внимания нормативных наук (логики, этики, эстетики), в то время как образовательная деятельность имеет дело с субъектами образования и нуждается в помощи психологии. Проводя аллюзию на философско-образовательную позицию Бердяева, можно отметить, что последнему в принципе чуждо субъект-объектное разделение, в его философии стирается грань между теорией и практикой как объективирующими порождениями человеческого сознания, а его этика вообще антинормативна. Если принять во внимание тот факт, что П. Наторп называет логику, этику и эстетику философскими науками объективирования, то становится очевидно, что подобный неокантианский подход совершенно чужд Бердяеву, поскольку одной из важнейших задач его экзистенци-

альной философии является стремление преодолеть сковывающие пути объективации.

С.И. Гессен в «Основах педагогики» не случайно выделял центральное значение теории нравственного образования, особо подчёркивая взаимопроникновение педагогики и философии. Недаром величайшие педагоги (Платон, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, И.Г. Фихте, Л.Н. Толстой и другие) являлись одновременно и значимыми философами нравственности. Вне философско-этической почвы педагогическая наука вырождается в удушливый методизм и пошлую рецептуру, на что обращал внимание ещё К.Д. Ушинский. Философская педагогика – это этическая педагогика, и только этическая педагогика может быть философской. Вне этики педагогика теряет своё «живое сердце», превращается в «сухую» дидактику, средство подчиняет себе цель. Вытолкнуть этику из образования значит лишить образование «образа», сделать образование безобразным. Этика есть оправдание образования через утверждение его смысла-образа. Отсечение этики от образования означает отсечение человека от своих духовных истоков, от божественного, то есть единственно подлинно человеческого по Н.А. Бердяеву, ведь у него человек бесчеловечен, Бог же человечен, и потому отрицание божественного приравнивается им к отрицанию человеческого. Автономия человека, его самозаконность равнозначны отказу от человеческого, от своей духовной природы, фактическое признание её отсутствия, её эфемерности. Определяемость исключительно из себя замыкает человека в себе, уверен Н.А. Бердяев.

Продолжая линию соотнесения категорий этического и педагогического, нельзя не обратить внимания на особенности самой этики как области философского знания в целом и в русской интеллектуальной традиции в частности. По мнению В.В. Миронова, этику можно считать наиболее онтологической дисциплиной в философии¹, что довольно неожиданно наводит на педагогические выводы в духе сократической майевтики о совпадении истины и добра, и о воспитании разума как пути образования. Философия при этом играет медиативную роль, соединяя этическое и педагогическое, то есть являясь в этом случае философией образования. По мысли систематика русской этики В.Н. Назарова, «характерной особенностью русских этических систем явилась их мировоззренческая целостность, онтологизм и нравственный абсолютизм»². Очерчивая этапы эволюции русской этической мысли XX века, Назаров

¹ Миронов В.В. Онтологическая сущность этики // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – №1. – 2001. – С. 13-17.

² Назаров В.Н. Опыт хронологии русской этики XX века: второй период (1923-1959) // Этическая мысль. Вып. 2. – М.: ИФ РАН, 2001. – С. 173. URL: <http://iph.ras.ru/page51242685.htm>.

делает акцент собственно на фундаментальности и универсальности «зрелых» систем этики русских религиозных мыслителей, подчёркивая переход от «панморализма» русской нравственной философии «маргинального» периода с этической окрашенностью всего русского мировоззрения к этическим системам (в их числе и нравственное учение Н.А. Бердяева), где этика сама по себе претендует на роль универсального мировоззрения.

Как отмечает И.Ю. Добродеева¹, Н.А. Бердяев называет этику особой сферой познания, «познания в духе», отдавая ей центральное место в философии. При этом речь идёт о новой этике, этике освобождённого духа, в которой этическое познание обуславливается моральным творчеством, что, в свою очередь, постулирует онтологический статус и возможность «нравственного улучшения бытия». Точно подмечено, что законы этики и творчества в интерпретации Бердяева фактически идентичны.

Т.А. Кузьмина также видит главную заслугу Н.А. Бердяева перед этикой в «придании ей метафизико-онтологического статуса»², фундируя всеобъемлющий характер этики как философии, а в нашем случае – философии образования. Возможное чрезмерное расширение этических горизонтов, своего рода растворение этики в философии, по-видимому, не пугает Бердяева, ведь, по его мнению, «этика учит не только о ценности, она есть не только аксиология, она также учит о ценности как мощи, о верховном благе как силе и источнике всякой силы, она есть также онтология»³. Этика «объемлет всё, что связано со свободой человека»⁴, «этика есть философия свободы»⁵. А.И. Бродский⁶ находит в этике Бердяева перспективные основоположения для разработки конструктивной нормативной этики, которая видит свободу не в выборе (насилующем узостью своей данности), а в творчестве, собственном созидании добра и зла. Творчество наряду со свободой выступает центральной этической категорией. По-настоящему свободен лишь тот, кому не нужно выбирать, кто знает путь и обладает истиной. Свобода заключается в творчестве путей добра, а не в ограниченной альтернативе. Для Бердяева свобода – это не выбор, свобода – это творчество.

¹ Добродеева И.Ю. «Новая этика» Н.А. Бердяева // Этнос религиозного опыта / Т.Б. Любимова, А.Н. Лазарева, Д.Н. Казаков и др.; Отв. ред. И.Н. Михеева. – М.: ИФ РАН, 1998. – С. 56.

² Кузьмина Т.А. Экзистенциальная этика Н.А. Бердяева // Этическая мысль. Вып. 8 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФ РАН, 2008. – С. 87.

³ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 32.

⁴ Там же, с. 32.

⁵ Там же, с. 34.

⁶ Бродский А.И. Нормативная этика: от объективизма к конструктивизму // Этическая мысль. Вып. 1. М.: ИФ РАН, 2000. – С. 157.

Взгляды Н.А. Бердяева можно отнести к традиции философии целостного духа, и воспринимать их исключительно с рационалистических позиций было бы неверно, поскольку в таком случае теряется вся суть его мысли; подобная критика страдает односторонностью. М.А. Блюменкранц отмечает, что «любая попытка классификации по отношению к Бердяеву неизбежно оборачивается работой прозектора»¹. Сам Н.А. Бердяев, рассматривая творчество Ф.М. Достоевского², призывает относиться к любому большому писателю как великому и целостному духовному явлению, воспринимать его наследие как живой организм, избегая неумелого оперирования и неуместного аналитического разложения с закрытой к экзистенциальному контакту душой. Поиск противоречий и нестыковок, желание зацепиться и принизить, охладить движение духа неприемлемы для подлинного, интуитивного, искреннего понимания, на которое так рассчитывает Бердяев. Для него понимание предполагает обязательное общение и мистическое приобщение, духовную близость, соответствующий душевный настрой и готовность к симпатическому, любовному восприятию. Внешний расчётливый разбор, не проникающий вглубь, не видящий души автора, в конечном счёте убивает сам авторский замысел, превращая его творение в духовную пустыню.

Бердяеведы должны учитывать, что философско-образовательная интерпретация этики свободы и творчества ведёт, в какой-то степени, к передаче всей философии образования мыслителя. В.В. Сапов справедливо замечает, что традиционное отраслевое разделение философии на онтологию, гносеологию, этику, эстетику в случае с учением Н.А. Бердяева неминуемо разрушает целостность его мысли, поскольку у последнего почти любая философская категория (свобода, творчество, добро, зло, любовь и др.) является онтологической, гносеологической, этической и эстетической вкуче с обязательным религиозно-мистическим подтекстом. Сапов называет Бердяева «тотально целостным» мыслителем, а его философию – «тотальной целостностью», включающей всё его творчество, события жизни, опыт духовных переживаний и интеллектуальные противоречия. Философия Н.А. Бердяева – одна большая книга, его труды и жизненные вехи – главы этого единого и целостного повествования, в котором жизнь неотделима от творчества. Поэтому любые объективирующие попытки искусственно-неосторожного разложения этого единства приводят к тому, что его

¹ Блюменкранц М.А. Романтик духа // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 4.

² Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 385-386.

учение «тотчас же распадется на куски, разлетится во все стороны, как стая птиц, выпущенных из клетки»¹.

Этика Н.А. Бердяева – это сложное единство многообразных, подчас разрозненных, на первый взгляд, весьма противоречивых взглядов. Есть большой риск в том, чтобы связывать его философские построения с системностью, вообще использовать понятие «системы». Действительно, большинство исследователей и толкователей философа сходятся на асистематичности его взглядов. В.В. Шкода называет Н.А. Бердяева Моцартом в философии, внесистемным человеком, творившим из ничего и из себя². Бердяев видел цель философии не в создании законченной системы, а в творческой познавательной активности в мире. Он полагал, что философия должна быть синтетической, а не систематической, находя в последней приспособление к необходимости, противоположное творческой интуиции. Бердяев считал себя неспособным к систематическому, дискурсивному развитию мысли и доказательному анализу. Он писал и мыслил афористически, называя себя «мыслителем интуитивно-синтетического типа»³.

Безупречной логичности, завершённости, классичности дискурса у Н.А. Бердяева мы не найдём. Но говоря о его системности, мы подразумеваем под этим, прежде всего, системность особого рода, а именно глубочайшую целостность мысли, но целостность, опять же, внутреннюю, а не внешнюю. В Философском энциклопедическом словаре «СИСТЕМА (от греч. σύστημα — целое, составленное из частей; соединение), совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, к-рая образует определ. целостность, единство»⁴. Ведущим признаком системы является её целостность, то есть такое качество, которое интегрирует сумму качеств её компонентов, отличаясь при этом от каждого из них в отдельности. В предисловии к «Философии свободы»⁵ Н.А. Бердяев отмечает органическое единство и внутреннюю согласованность своей книги при отсутствии достаточной внешней цельности и видимой последовательности. Парадоксальность и противоречивость своей мысли философ объяснял противоречивостью самого существования и духовной борьбой внутри каждого человека, которые нельзя спрятать под мнимым формально-логическим единством: «Подлинное единство мысли, связанное с единством личности, есть единство

¹ Сапов В.В. Самопознание Николая Бердяева // Социологические исследования. – 1990. – №10. – С. 87.

² Н.А. Бердяев и единство европейского духа / Под ред. Владимира Поруса (Серия «Религиозные мысли-тели»). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – С. 279.

³ Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 484.

⁴ Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов — М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 609.

⁵ Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев; Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. – С. 27.

экзистенциальное, а не логическое»¹. Примечательно, что наиболее совершенной, продуманной и «систематичной» Бердяев считал книгу «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики»². Его системность и проявилась наиболее в этике.

На системность Н.А. Бердяева указывают А.В. Усачёв, Н.В. Назаров, Г.А. Аванесова, П.Е. Вахренева, Н.В. Мотрошилова, Н.В. Плетнёва, Ю.П. Ивонин, О.А. Беленкова. А.В. Усачёв, подчёркивая системность мысли Бердяева, говорит о так называемых «бинарных оппозициях», выступающих в качестве родового признака его философии. Это «любовь - свобода», «творчество - спасение», «святость - гениальность» – у «раннего» Бердяева в период до вынужденной эмиграции; «иметь - быть», «Я - мир (объектов)», «дух - объективация» – во время пребывания в Берлине и Кламаре. В отличие от западной метафизики, бинаризм Н.А. Бердяева не центрирован в поле культуры, не отдаётся предпочтение чему-либо в отдельности. Наличие таких оппозиций позволяет говорить о внутренней структуре философии Бердяева, делая утверждение о полной бессистемности его размышлений неверным. Подобный дискурс Усачёв называет уникальным явлением, обозначая его как «культурологический бинаризм»³.

Л.И. Богомолова усматривает в подобных дихотомиях такую особенность всей педагогики Российского зарубежья, как диалогичность, причём «диалог выступает и как методологический принцип, и как принцип воспитания»⁴. Системность и бинаризм Н.А. Бердяева пролонгируются и в образовательную область в оппозиции (дихотомии) «подлинное» (экзистенциальное) образование – «неподлинное» (объективированное) образование. Диалектика составляющих этой оппозиционной пары и представляет собой, по-видимому, то, что мы называем образованием.

С.А. Левицкий также характеризует творчество Н.А. Бердяева как предельно интегративное, «озарённое светом целостной интуиции», несмотря на парадоксальность и отрывочность стиля. Влияния Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьёва, И. Канта, К. Маркса, Ф. Ницше, средневековых мистиков переплавлялись в котле бердяевской мысли, становясь неразделимой целостностью (но не эклектичностью), приобретая «особый, «бердяевский» оттенок»⁵. Таким образом,

¹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря / Сост. и послесловие П.В. Алексеева. – М.: Республика, 1995. – С. 4-5.

² Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 358.

³ Н.А. Бердяев и единство европейского духа / Под ред. Владимира Поруса (Серия «Религиозные мысли-тели»). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – С. 313.

⁴ Богомолова Л.И. Педагогика Российского Зарубежья в контексте диалога // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20-50-е годы XX века. – Саранск, 1998. – С. 65.

⁵ Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. – М.: Канон, 1996. – С. 374-375.

представления о философии Бердяева как несистематической, фрагментарной и непоследовательной формальны, поверхностны и не выдерживают критики.

Целостность философии Н.А. Бердяева обусловлена целостностью его мировоззрения, закалённого в жизненном пути. Полнота жизни для Бердяева – это выполнение нравственного императива, следование парадоксальному этическому принципу на пути к совершенству стремиться к целостности существования в противовес маниакальной поглощённости одной идеей, что так характерно для природы фанатизма¹. Это касается и нравственного абсолютизма, когда этическое начало становится самодовлеющим и вытесняет самого человека в угоду абстрактным принципам, оторванным от жизни вне человеческого существа. В этом смысле Н.А. Бердяев вспоминает историю «ереси» как духовной односторонности, невозможности охватить единство истины, связанное с искажением духовно-интеллектуального равновесия в восприятии и понимании религиозного откровения. В еретических учениях неизменно присутствует лишь часть истины, интерпретируемая таким образом, что теряется её целостность, и истина превращается в ложь.

Идея полноты жизни легитимирует интегральное понимание образования, для которого важнейшая характеристика образования – это его полнота. Сциентизм и материализм, к примеру, есть односторонность и ересь, уклон от истины жизни, также как и объективный идеализм и отвлечённая духовность. Образование неизбежно сочетает в себе и материальное, и духовное. Духовность, по словам Н.А. Бердяева, есть целостность жизни², дух объединяет душевное и телесное, порождает их единство в целостности духовного опыта. Восхождение к духовности поэтому есть стремление к целостности жизни.

В этом месте необходимо пояснение относительно соотношения образования и жизни. О.В. Долженко, к примеру, рассматривает образование как функцию жизни, что послужило отправной точкой для его книги «Очерки философии образования»³. А вот что писал Н.А. Бердяев, в данном случае, о религии: «... Не функцией жизни она должна быть, а самой жизнью, всепроникающим духом жизни»⁴. Из контекста философско-образовательной мысли Бердяева следует утверждение, что и образование – это не столько функция жизни, сколько сама жизнь, всепроникающий дух жизни.

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 152-153.

² Там же, с. 155.

³ Долженко О.В. Очерки по философии образования: учебное пособие. – М.: Промо-Медиа, 1995. – С. 12.

⁴ Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность // Бердяев, Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / Составление и комментарии В. В. Сапова. – М.: Канон+, 1999. – С. 51.

Образование совершается не только в школе, но и в жизненном пространстве вообще. Жизнь должна быть источником воспитания и образования человека. Н.В. Мотрошилова называет философию Н.А. Бердяева «новым вариантом философии жизни»¹. Главное отличие идей Бердяева от западной традиции (А. Бергсона, Ф. Ницше, В. Дильтея и др.) она видит в отказе от биологических акцентов в трактовке понятия «жизни». Жизнь для Бердяева – это, прежде всего, жизнь духа². Дух – это не объект или какая-то субстанция, не рациональное понятие. В духе нет внеположности субъекта и объекта, нет их разделения и противодействия, нет объективации. Познающий и познаваемое едины и неразрывны, также как духовный опыт, судьба и сама жизнь, жизнь духа. Духовный мир для Бердяева есть мир подлинно персоналистический, обращённый к личности, субъекту, открывающийся при этом экзистенциальным мирам других людей.

Н.А. Бердяев исходит из жизни и из личного опыта, признавая, что источник его мысли жизненный, а не книжный. Он всегда много читал, но чтение книг не являлось главным источником его философии. Черпая вдохновение из собственного духовного опыта и жизненных событий, мыслитель называл философию «функцией жизни», её самосознанием и просветлением³. Философия для Бердяева могла быть только личной, не означая при этом замкнутости в себе, ведь подлинная философская мысль изучает не объекты, а мучится смыслом жизни и судьбы человека. Статичность и сухость академической философии не удовлетворяли динамики духовной и умственной жизни Бердяева. Философия для него была выражением своего существования, реакцией на жизненные импульсы, ответом на свои личные вопросы.

Но жизнь имеет для Н.А. Бердяева смысл только в духе. Это духовная философия жизни. В «Самопознании» он пишет, что «не любил «жизни» прежде и больше «смысла», <...> «смысл» любил больше жизни, «дух» любил больше мира»⁴. Бердяев – философ жизни как источника, но не как цели. В этом он близок И.А. Ильину, для которого «философия больше чем жизнь: она есть *завершение жизни*; а жизнь первее философии: она есть её источник и предмет»⁵. Жизнь как цель – сомнительный ориентир для образования. По мысли С.Л. Франка, «мы имеем

¹ Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьёв. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов). – М.: Республика; Культурная революция, 2007. – С. 249.

² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 27-28.

³ Там же, с. 23.

⁴ Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 287.

⁵ Ильин И.А. Религиозный смысл философии (Три речи) // Приложение к журналу «Вопросы философии» / И.А. Ильин. Сочинения в двух томах. Том 2. Религиозная философия. – М.: Московский философский фонд издательство «Медиум», 1994. – С. 46.

слишком живое ощущение бессмысленности жизни, чтобы увлечься самим голым процессом жизни»¹.

Жизнь может быть разной, и хорошей, и плохой, и поэтому слишком абстрактна для цели². Н.А. Бердяев считает «жизнь» неподходящим критерием оценки вследствие её всеохватности и многоаспектности. Жизнь требует качественного различения, а не количественной «уравниловки». Преклонение перед жизнью как таковой, как целью стремления и максимумом существования не отвечает аристократической религиозно-экзистенциальной установке Бердяева. Сравнивая Л.Н. Толстого и Н.А. Бердяева, П.Е. Вахренева приходит к интересному выводу: «Ещё у Толстого мы находим, что люди негодны к жизни, у Бердяева – жизнь негодна для людей»³.

Образование не должно следовать в потоке жизни, оно вообще не должно никому и ничего. Философия жизни в образовании есть форма утилитаризма и прагматизма типа Д. Дьюи, когда образование имеет инструментальное предназначение и целиком подчинено жизни. Стоит ли говорить, что такая трактовка является и антихристианской, так как ставит жизнь выше Бога и человека, творя себе в её виде идола. Это особенно ярко проявляется в соотношении жизни и творчества. Н.А. Бердяев пишет, что «творчество жизни оправдывают христианской моралью лишь путем безграничного насилия над Евангелием»⁴, что «не творчество должно оправдывать, а творчеством должно оправдывать жизнь»⁵.

По сути, этика свободы и творчества Н.А. Бердяева раскрывает путь образования как становления личности и восстановления образа Божия в человеке: «Основное для этики стремление человека не есть стремление к счастью, как не есть и стремление к покорности и подчинению, а стремление к качеству, самовозрастанию и самореализации хотя бы принятием страдания, а не счастья, хотя бы путем бунта и восстания»⁶. Это высказывание имеет глубокий образовательный подтекст, называя смыслом жизни человека не счастье, а именно образование, образование на путях творчества. Говоря о человеке, Н.А. Бердяев неизбежно рассуждает и о его образовании как главной человеческой осо-

¹ Франк С.Л. Крушение кумиров // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Веки». URL: <http://www.vehi.net/frank/kumiry.html>.

² Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 36-37.

³ Вахренева П.Е. Н. Бердяев и его философия человеческого достоинства // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – №3. – С. 275.

⁴ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 261.

⁵ Там же, с. 117.

⁶ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 83-84.

бенности. Способность к образованию – то, что выделяет человека из природного мира и делает его уникальным существом. Поэтому философия человека есть неизбежно философия образования. У Н.А. Бердяева же философия во многом совпадает с этикой, являясь, по словам Н.В. Плетнёвой, своего рода «Большой Этикой»¹. Отсюда следует, что этика Бердяева во многом определяет его философию образования.

Этика свободы и творчества Н.А. Бердяева является ядром его философско-педагогической мысли. Следовательно, главные тематические оси философии образования Бердяева становятся ключевыми темами его этики. Это темы свободы, творчества, личности, Богочеловечества, объективации, «русской идеи», включающие категории идеала, целей и средств, добра и зла, трагизма, истины и лжи, послушания и дерзновения, аристократизма, героизма. Опираясь на тематические оси философии Бердяева можно реконструировать проблематику общей теории педагогики, духовно-нравственного и патриотического воспитания, имеющие этическую окрашенность.

Методологический смысл разговора о системности философии Н.А. Бердяева состоит в том, чтобы оправдать рассмотрение, казалось бы, тем, не имеющих прямого отношения к этике как тем этических. Допустим, вне теории объективации не имеет смысла говорить не только об этике, но и обо всей философии образования Бердяева, поскольку оппозиция «объективация-экзистенция» (или «объективация-свобода», «объективация-творчество») определяют типологию феномена образования в нашей трактовке. Идеал образованности – также, безусловно, этическая проблема, находящаяся на пересечении с педагогикой. Вопросы морали в отношении национального и общечеловеческого тоже весьма актуальны на сегодняшний день и будоражат общественное сознание. Но эти темы как бы скрыты, не всегда выявлены не только как темы педагогические, но даже и как темы этические.

У Н.А. Бердяева этический смысл обретают все философские вопросы. Конкретные вопросы этики у Бердяева – это пол, брак и любовь, совесть, страх, ужас и тоска, скука и пошлость, фантазмы, сострадание и жалость, государство, революция, война, социальный вопрос, труд, техника, смерть и бессмертие, ад и рай. Реконструкция каждого из данных вопросов в педагогическом ключе позволяет выстроить определённую модель духовно-нравственного воспитания.

Несколько ключевых тем позволяют выйти на структуру педагогического знания, а именно на общую теорию педагогики, духовно-нравственное и патриотическое воспитание через этическую призму

¹ Плетнёва Н.В. Учение о добре и зле в философии Н.А. Бердяева: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05. – М.: 2003. – С. 43.

концепции объективации, идеала образованности и «русской идеи». Данный потенциал, конечно, не исчерпывается указанной проблематикой, будучи необъятен, как и сама философия Н.А. Бердяева.

Итак, настоящая педагогика всегда этична, так же как и настоящая философия, поскольку они имеют дело с человеком. Этическая педагогика, этическое образование, педагогическая этика, наконец, воспитание задают аксиологическое и онтологическое содержание феномена образования. Система этики Н.А. Бердяева, выступая в качестве поля всей философии образования мыслителя, определяет специфику этики Бердяева, имеющую универсальный, онтологический характер (В.Н. Назаров, Т.А. Кузьмина, И.Ю. Добродеева, Н.В. Плетнёва). Антропологическая философия является, вместе с тем, и философией образования, равно как и этика есть не только основа для духовно-нравственного воспитания, но и, в определённом смысле, вся философия образования в целом. Этику Бердяева как его философию образования можно представить в виде следующих дихотомий: образование объективированное – образование экзистенциальное; педагогика насилия – свободное самообразование; экзотерическая педагогика – эзотерическая педагогика; ограничение сферой воспитания (формирование человека с помощью педагогических средств) – расширение границ до всей сферы образования (становление человека как свободной личности). Определение образования у Бердяева через православную трактовку заключается в восстановлении образа Божия в человеке как ответа на призыв Бога через творчество. В этом смысле воспитание – это одно из средств или один из путей образования. Одухотворённое, энергичное, а не объективированное, телеологическое понимание свободы как нравственного пути человека определяет образовательную аксиологию «философии жизни духа» Н.А. Бердяева. Смысл жизни, равно как и смысл образования, видится в творческом ответе человека на призыв Бога. Восстановление образа Божьего в человеке зиждется на свободе выбора истинного пути. Поэтому не может быть образования без человека и вне человека. Есть только образование человека, и оно выступает в качестве пути человеческой жизни; оно не может быть средством, так же как и отстранённой целью. Образовать человека значит выявить в нём подлинно человеческое, а таким образом и божественное, согласно Н.А. Бердяеву. Его педагогический активизм, отличающийся от сугубо клерикальных трактовок, выражен в дерзкой концепции со-творчества мира, возвышении человека и очеловечивании Бога, религиозной легитимации творчества.

1.3. Специфика этики свободы и творчества в философии образования Н. А. Бердяева

Философия образования Н.А. Бердяева специфична и интересна именно своей этикой свободы и творчества. Как этические, практико-ориентированные, он воспринял многие сугубо теоретические проблемы философии, сделав их из отвлечённых и далёких близкими и животрепещущими. Презентация этики Н.А. Бердяева есть, во многом, представление основных проблем его философии образования. Имплицитность рассматриваемых вопросов только подогревает интерес исследователя, находящегося в общении с мыслителем. Этико-педагогический контекст религиозно-экзистенциального понимания свободы и творчества, добра и зла, целей и средств, истории и трагедии основан на широкой, философско-образовательной трактовке образования. Она не сводится к духовно-нравственному воспитанию, технологиям обучения или институциональной системе, а рассматривает образование в качестве одного из фундаментальных экзистенциальных процессов, который пронизывает всю человеческую жизнь и характеризует человека как личность, то есть как существо, призванное дать ответ Богу через творчество.

Н.А. Бердяев поставил перед собой цель ни много, ни мало открыть тайну мироздания или хотя бы прикоснуться к ней. Он находит в этом вечном вопросе свой путь, наиболее успешно раскрывшийся в его этике, которую он определял как «учение о назначении и призвании человека»¹. Его этическое учение неоднозначно, парадоксально и до сих пор вызывает немало споров. Однако, при всей противоречивости идей Бердяева, нельзя не отметить ту уникальность, глубину и радикализм, с которыми ставятся нравственные вопросы. Н.А. Бердяев всегда держался особняком – и в России, и в эмигрантской среде. Ничто не должно было ограничивать его свободу. Многие современники, подверженные власти социальной обыденности, не понимали и не принимали его философские воззрения. Бердяев же оставался им верен, несмотря ни на что: ни на время, ни на моду, ни на политические убеждения. Он не умел подстраиваться и лукавить, был прям и однозначен тогда, когда могли спасти недоговорённость и двусмысленность. Воля к свободе пронизывает всю его философию, и этика здесь не является исключением. Всю свою жизнь он воспевал свободу, но не тёмную и бессмысленную, а духовную и просветляющую.

Н.А. Бердяев, основываясь на учении немецкого мистика Я. Бёме о добытийственной свободе *Ungrund*, строит свою концепцию Вселенной. Он говорит о безначальной, меонической свободе, которая была всегда.

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 37.

Это Бездна, бесконечная потенция, возможность, случай. Она никем и ничем не управляется, стихийна, слепа, является источником бессмысленности и зла в этом мире. Эта свобода не подвластна даже Богу, который в свою очередь представляет порядок, цель и смысл. На этом утверждении основана теодицея Н.А. Бердяева. Бог не ответствен за то, что ему не подвластно. Бог есть добро, любовь и смысл, высшая ценность и идеал, верный путь человека. Бог создал мир, и вот этот мир находится в его власти. Человек же имеет особое положение. С одной стороны, он является частью мира и Бога, а с другой, имеет свою собственную свободу, основанную на первичном меоническом хаосе. Цель человека – упорядочить и направить свою свободу на творчество высших позитивных ценностей.

На категоричность понимания свободы Н.А. Бердяевым указывает П.Е. Вахренева: «Даже у Гегеля свобода – создание необходимости. У Бердяева – необходимость создана свободой»¹. Свобода непосредственно связана с творчеством, которое выступает в понимании Н.А. Бердяева как главное выражение свободы, прошедшей горнило жизненных испытаний. Свобода не даётся даром, за неё нужно бороться, её необходимо завоёвывать. Г.А. Аванесова и П.Е. Вахренева отмечают существенное отличие восприятия свободы у Н.А. Бердяева, составляющее суть его этики ответственности всех за всех: «В Европе свобода (Шелер, Плеснер, Марсель) — это освобождение от всех форм необходимости, переходящее в индивидуализм. Для Бердяева свобода — бремя необходимости и управление необходимостью»².

Для понимания этической специфики философии образования Н.А. Бердяева полезно привести краткий сопоставительный анализ с теорией нравственного образования С.И. Гессена, изложенной в «Основах педагогики» (1923) – одном из немногих трудов по философии педагогики того времени. На первый взгляд, у них есть много общего. Это касается, например, понимания диалектики свободы и творчества. Схожесть формулировок подчас поразительна. С.И. Гессен, подобно Н.А. Бердяеву, связывает свободу и творчество нового, дотоле несуществовавшего в мире, видит в нравственной жизни вызов к созиданию своего собственного пути на пересечении добра и зла, а формирование личности находит в самопреодолении, в работе над сверхличными задачами, творчестве, направленном на осуществление наиндивидуальных научных, культурных, правовых, политических, экономических целей.

¹ Вахренева П.Е. Н. Бердяев и его философия человеческого достоинства // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – №3. – С. 277.

² Аванесова Г.А., Вахренева П.Е. Духовный проект Н. Бердяева. (Опыт системного подхода к наследию) // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 2005. – №4. – С. 45.

С.И. Гессен выделяет, вслед за И. Кантом, три ступени нравственного развития человека: аномия («беззаконность»), гетерономия («чужезаконность»), автономия («самозаконность»), которым соответствуют теория дошкольного образования, теория школы и теория внешкольного образования (свободного самообразования). Влияние западного рационализма особенно ярко проявляется в цели образования – автономии личности на основе разума: «Переход от урока к творчеству, от подчинения авторитету к подчинению разуму, вообще от ограниченной организации школы к беспредельной текучести жизни особенно ярко обнаруживает бесконечность самой задачи образования. Здесь впервые образование явно открывается, как бесконечное задание всей жизни человека»¹. Цель нравственного образования фактически означает цель образования вообще. Она «сводится к развитию в человеке свободы»², но тесно связана с необходимостью: «Принудительное по необходимости образование должно быть свободным по цели. Принуждение и свобода не исключают, взаимно проникают друг друга. Каждый образовательный акт, по необходимости принудительный, осуществляет свободу, которая должна быть присущей ему, оживляющей его задачей»³. Свобода понимается здесь в духе рационализма Б. Спинозы – как познанная необходимость.

В более поздней статье «О понятии и цели нравственного образования» С.И. Гессен подробнее и менее схематично трактует образование, склоняясь к гегелевской концепции. Образование предстаёт в виде трёхслойной структуры, состоящей из биологического, социального и культурного или ценностного компонентов. Последний слой, слой «объективного Духа» проявляется через дух субъективный, то есть через конкретные личности. Понятие свободы при этом не упоминается, а целью нравственного образования называется развитие личности и характера.

У Н.А. Бердяева мы наблюдаем иной подход. Его этическая система религиозна по определению и основывается на Заветах христианства: Ветхом, Новом и «Третьем Завете», «Завете Творчества». Бердяев также выдвигает трёхступенчатую структуру нравственного развития человека, опуская бессознательную стадию. Это этика закона, этика искупления и этика творчества. Самой первой хронологически была этика закона. Она выражена в законах государства, заповедях Ветхого Завета, нормах общественной жизни и наиболее распространена. Христос стал

¹ Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Отв. ред. и сост. П.В.Алексеев. – М.: «Школа-Пресс», 1995. – С. 200.

² Там же, с. 85.

³ Там же, с. 64.

провозвестником нового сознания человечества, не известного и непонятого доселе. Это следующий этап – этика искупления, когда Бог пострадал за грехи человечества, подав пример бесконечной любви и жертвенности. Однако, согласно Н.А. Бердяеву, искупления недостаточно для жизни человека, поскольку он является образом и подобием Божиим, творцом, подобным Богу, но не равным Ему. Это предполагает творческую миссию человека в этом мире, где творчество, так же, как и святость, могут победить изначальную греховность человека и вывести его из времени в вечность, в Царство Духа. Такова основа третьего этапа – этики творчества.

Переход к творческой этике у Н.А. Бердяева связан с преодолением внутреннего кризиса, обусловленного недовольством традиционным христианством. В своей автобиографии¹ он пишет, что внутренняя неудовлетворённость собой и раскаяние терзали его душу на рубеже 1910-х, прежние взгляды уже не устраивали молодого философа, он находился в мучительном поиске новых идей, которые объяснили бы для него смысл бытия. В 1912 году он совершает поездку в Италию, которая стала поворотной в его творческой судьбе. Здесь, на родине творчества, в колыбели европейского Возрождения, у Бердяева созревает план революционной для его мировоззрения книги «Смысл творчества. Опыт оправдания человека», в которой он приходит к концепции творческого осмысления христианского учения. После путешествия по Италии Бердяев меняет свою жизнь, уходит от бурной общественной деятельности, порывает с московскими религиозно-философскими кругами, на два года погружается в одиночество и размышления. В религии Христа он увидел творчество, творческое потрясение всего существа человека на пути к Богу. Бог – Творец, Он ждёт ответа от человека, ответа через творчество, ответа творческого. Миф об ответном откровении человека Богу по-новому раскрывает смысл богочеловеческого общения, которое предстаёт не как далёкий трансцендентный контакт, но как имманентное сотворчество, дело ответной любви.

Цель образования, косвенно выдвигаемая Н.А. Бердяевым – это не развитие свободы в человеке, а развитие человека в свободе, преображение и обожение его, достижение духовности, то есть одухотворение и переход в новый «эон» и план существования, в Царство Духа. В этом существенная разница между неокантианцем Гессеном и христианским философом Бердяевым. Такой подход является более специфическим и более «русским» по сравнению с западничеством Гессена.

¹ Бердяев Н.А. Автобиография // Вестник Русского Христианского движения. – № 177 (I-II, 1988). – С. 133.

Свобода как идеал образования имеет значительную историю. Наиболее известные педагогические системы, в которых он получил отражение – это, прежде всего, учения Ж.-Ж. Руссо и Л.Н. Толстого. Однако если поставить вопрос, коррелируют ли их взгляды с установками Н.А. Бердяева, мы получим однозначный ответ – по названию это воспитание свободное, но по сути – нет. С.И. Гессен довольно точно раскрывает скрытый тоталитарный (у Руссо) и анархический (у Толстого) характер таких моделей. Постоянное наблюдение и незаметное направление Эмиля по нужному воспитателю пути подчас походит на слежку и манипулирование поведением. Это то же ограничение свободы, но гораздо более изощрённое и опасное, напоминающее процесс массового внушения при помощи средств массовой информации. Вседозволенность же Толстого приводила порой к выплеску низменных устремлений в отсутствие руководства взрослых. Так, детям в Яснополянской школе доставляло огромное удовольствие, когда уличённого в воровстве мальчишку заклеили нашивкой с надписью «Вор», с которой он ходил весь день. Дети утолили чувство мести, а воришка затаил чёрную обиду, которая вылилась в очередной краже. Детский суд постановил то же наказание, но, видя искажённое лицо маленького преступника, Толстой осознал всю бесплодность подобных методов и отпустил ребёнка. Свобода очень легко может превратиться в произвол. Настоящая свобода всегда предполагает ответственность и самоограничение. Но дети в силу своего возраста к ним не способны. Хорошо известна неосознаваемая и неконтролируемая детская жестокость, коренящаяся в животной стихии.

В этом заключается скрытое коварство свободы. Свобода подлинная, внутренняя подменяется внешней, которая в итоге уничтожает свободу внутреннюю. Это свобода во зле лежащая, свобода безбожная. Поэтому свобода как отвлечённый принцип не может являться целью образования человека. Бессодержательная свобода означает рабство у объективированной идеи, ведущее в тупик. Н.А. Бердяев говорил, что свобода есть положительная ценность, но и она может быть отрицательной, пустой. Например, лозунги свободы ради свободы, то есть формальной свободы, свободы хотеть того, чего захочешь, – отрицательные и пустые. Так называется свобода детская, «рабья» свобода. Она бессодержательна, пуста и бесцельна, и есть лишь обратная сторона деспотизма и рабства. На такой объективированной свободе зиждутся политические революции, последствия которых зачастую не отвечают поставленным формальным целям. Для Н.А. Бердяева «зрелая, содержательная свобода предполагает возрастание и подъём внутреннего человека, его органическое воссоединение с другими людьми и космосом. Зрелая, положи-

тельная свобода имеет космическое содержание и мировую целестремительность, она противна произволу. И только та свобода может быть творческой, которая открывает место человека в космическом организме. Внешняя, отрицательная, рабья свобода всегда со страхом косится на свободу соседа и занята разграничением враждующих свобод соседей. Положительная, зрелая, творческая свобода не может иметь этих вечных страхов и не может так интересоваться этими размежеваниями, ибо связана с органическим строем космоса»¹.

Ценность имеет лишь свобода, несущая истину и смысл. «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» [Ин 8:32], – сказано в Евангелии. Поэтому свобода ценна не сама по себе, а ценна как единственный путь, ведущий к истине, как путь, пронизанный смыслом. В этом отличие концепции Н.А. Бердяева от анархизма, где свобода самоценна и оторвана от смысла. Два пути искажения свободы – чрезмерный контроль и попустительство – это крайние выражения идеала свободного воспитания.

Для того чтобы понять, в чём заключается парадоксальность этического учения Н.А. Бердяева, необходимо задаться вопросом, может ли этика противоречить истине. Ф. Ницше однажды сказал, что воля к истине есть смерть морали. Этика светская, формальная неизбежно противоречит не только истине, но и жизни, потому что её правила всеобщие, негибки и не могут ответить на все вопросы, стоящие перед индивидуальным существованием каждого человека. Достоинством формальной этики, этики закона является реализуемость всех её положений в социальной практике, что, однако, не говорит об истинности путей и решений, которые она предлагает. Не всякая истина этична – это точка зрения формальной этики. Всякая истина этична – взгляд Н.А. Бердяева. Этика Бердяева – это не наука о морали и нравственности, а учение о творческом призвании человека: «Этика не есть кодификация традиционных нравственных норм и оценок. Этика есть дерзновение в творческих оценках»². Фактически этика Бердяева – это не этика в традиционном понимании этого слова, не нормативная наука, а духовно-творческое энергичное учение.

Этика свободы и творчества Н.А. Бердяева – это отказ возвращаться исключительно в категориях добра и зла. Бердяев смотрит на проблему их различия шире, связывая с этим состоянием лишь современное промежуточное положение сознания человека между бессознательным и

¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 291.

² Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 31.

сверхсознательным. Добро и зло есть лишь категории сознания. Но человек – это существо не только сознательное, но и бессознательное, и сверхсознательное. В том, что в этом мире добро может оказаться злом, а зло добром, Н.А. Бердяев видит главный парадокс этического познания. Недаром говорят, что добрыми намерениями дорога в ад устлана. Когда для достижения добра пользуются злыми средствами, добро перерождается во зло, а когда человек переживает опыт зла, это может привести его к добру. Но это не значит, что можно и нужно делать зло. Зло есть небытие, добро – бытие, но ограниченное законом и нормой. «Имманентное постижение зла» может быть положительным лишь на пути к истине, когда зло не является ни целью, ни средством, а неизбежностью в условиях падшего мира. «Зло должно быть изобличено в своём ничтожестве и должно сгореть»¹. Основным здесь является вопрос свободы, которая суть причина появления этого различия. Вследствие своей иррациональности свобода может порождать в равной степени как добро, так и зло. Свобода для Н.А. Бердяева – это понятие граничное, предельное. Свободе нельзя дать определение или втиснуть её в рамки интеллектуального понятия. Если не было бы свободы, не было бы и зла, но если не было бы свободы, то это уже было бы злом. Для Бердяева свобода – это самодовлеющая сила, равновеликая Богу и Богу не подчиняющаяся. В этом суть его теодицеи. Для Бердяева Бог – это Свет, Смысл, Истина. Свобода же занимает срединное положение между Богом и миром, действуя в последнем и выступая как в форме зла, так и в форме добра.

Н.А. Бердяев фактически говорит об относительности добра и зла, а также об их коррелятивности и невозможности существования одного без другого: «Возможность зла есть условие добра»². Они соотносятся так же, как свет и тьма, рациональное и иррациональное, и весь нравственный трагизм этики закона для Бердяева – как раз в невозможности победы добра над злом в условиях «падшего мира». Объективированный характер нормы не отражает творческую сущность человека и ограничивает его свободу, обеспечивая лишь видимость успеха, ведь за личиной закона могут скрываться зло и несправедливость, косность и безразличие, конформизм и лицемерие. В отличие от законнической, творческая этика должна быть не нормативно-гносеологическим учением о правилах добра, а учением в полном смысле онтологическим о самой сути добра и зла.

¹ Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 436.

² Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 51.

Этику Н.А. Бердяева можно назвать либеральной в духовном смысле этого слова. Такое понимание является по сути постмодернистским, если подразумевать под постмодернизмом этап раскрытия человеческой свободы со всеми преимуществами и издержками на пути искушения человека. О своеобразном христианском постмодернизме говорит В.М. Межуев¹, приводя точку зрения Дж. Ваттимо о том, что постмодерн есть решительный успех христианской цивилизации в борьбе с язычеством в смысле христианского понимания свободы с Богом в отличие от того же модерна, породившего атеизм. Нет свободы без Бога, а Бог без свободы – это уже не христианство. Во многом это соответствует исканиям Н.А. Бердяева, у которого некоторые учёные и философы находят постмодернистские мотивы (Ю.Б. Мелих, М. Сергеев).

То же самое мы должны видеть и в образовании – не отрицание смысла и произвол свободы, а новый этап в развитии самосознания человека и его отношения к свободе. Это не толстовское буквальное применение принципа свободы в воспитании, когда детям нет никакого дела до возвышенных идей учителя, и педагогический процесс превращается в анархию, несмотря даже на недюжинный талант и неукротимую волю классика. Здесь речь идёт об образовании духа человеческого, об истории как всемирном педагогическом процессе, об образовании человеческого сознания, прохождении им пути искушения и обретении потерянного рая после преодоления различия добра и зла.

Если строить этику на основе дарвиновской теории происхождения человека, то мораль сводится к сложной социальной форме инстинкта самосохранения в условиях человеческого общежития. Этические последствия применения взглядов Ч. Дарвина погружают человечество в мир первобытности. Концепт «борьбы за существование» в условиях человеческого общежития – путь самоуничтожения человека. Н.О. Лосский приводит выводы географа и геолога, больше известного как революционер и анархист, П.А. Кропоткина², согласно которым взаимопомощь выступает в качестве определяющего эволюционного фактора в сравнении с естественным отбором, борьбой за место под солнцем и уничтожением слабых. Кроткие существа имеют больше шансов на выживание и овладение жизненным пространством, чем хищники. Это особенно справедливо для наиболее высокоорганизованных форм жизни. Он приводит своего рода кодексы морали у различных представителей животного мира, опровергая устоявшиеся стереотипы об их бе-

¹ Постмодерн: распад цивилизации и политики? Стенограмма передачи «Что делать?» на телеканале «Культура» // Центр Кургиняна. URL:<http://kurg.rtfcomm.ru/publ.shtml?cmd=art&theme=10&auth=&id=2200>.

² Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики // Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – С. 78-80.

зальтернативной жестокости, биологическом эгоизме и отсутствии у них зачатков нравственности.

Закон также не в силах возвысить человека, выступая в данном контексте как способ его поддержания исходя из знания об испорченной человеческой природе, которую необходимо ограничивать. Этика свободы и творчества же есть путь преобразования человека и преодоления его тварности. «Этика и должна быть учением о назначении и призвании человека, и она прежде всего должна познать, что есть человек, откуда он пришёл и куда он идёт»¹.

Подобно всем великим педагогам, Н.А. Бердяев отстаивает идею изменяемости человеческой природы, её преобразования. Но делает он это на глобальном духовном уровне. Этика Бердяева обосновывает историю образования человечества как духовной общности, как путь исполнения призвания человека, путь трудный и трагический, замешанный на свободе, а потому до конца не predetermined. При этом дух человека, его сознание не статичны. За последние две тысячи лет человек сильно изменился. Это уже другое сознание, другая душа, которая страдает новыми грехами и по-новому жаждет избавления, творческого откровения, по-новому хочет понимать и любить Бога. Значение христианства в истории видится философом в явном педагогическом ключе: «Христианство изнутри побеждало варварство и грубость души, образовывало человека»². «Страдание и мука жизни, свидетельствующие о существовании зла, есть великая религиозная школа, которую проходит человечество»³. «Человеческая масса выводится из царства тьмы, из плена у хаоса по ступеням, в процессе воспитания»⁴.

При этом творчество предстаёт как главный инструмент эсхатологии – перевода мира в иную реальность, иное, духовное состояние. Согласно Н.А. Бердяеву, окончательный переход может быть только революционным, резким и недвусмысленным, что, вместе с тем, вовсе не означает, что Царство Божие не приходит к каждому человеку в разные моменты его жизни. Рай, также как и ад, для Бердяева – понятия экзистенциальные, означающие определённые состояния в существовании человека. Философ резко выступал против авторитарных трактовок христианства, в том числе и против поверхностного, экзотерически-арбитражного взгляда на ад и рай. Д.Е. Мартынов⁵ говорит о радика-

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 37.

² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 15.

³ Там же, с. 111.

⁴ Бердяев Н.А. Философия неравенства // Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев; Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. – С. 511.

⁵ Н.А. Бердяев и единство европейского духа / Под ред. Владимира Поруса (Серия «Религиозные мыслители»). – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – С. 108-109.

лизме историософских взглядов Н.А. Бердяева, где теургия сосуществует с авангардистской страстью к будущему, и речь идёт уже не о спасении и преображении мира, а о его ликвидации. Бердяеву принадлежат известные слова, что «смысл истории – в её конце», и «...задача истории разрешима лишь за её пределами»¹. При этом следует избегать излишней абсолютизации этого тезиса и помнить, как отмечает А.В. Гулыга, что «...бердяевская эсхатология это не кликушество о гибели бытия, а творческая программа его преобразования»². Задача истории в понимании Н.А. Бердяева заключается не в победе над страданием и несчастьем как результатом, а в творческой победе над злом и грехом как источником. Но для победы над злом нужно выявить его истинную личину, обнаружить его окончательное ничтожество, пройти путь искушения эдемского змея, и тогда проявится лживость его посулов. Свободный правильный выбор предполагает для начала обретение духовной самостоятельности, упрочение своего личностного, человеческого начала и уже потом выявление различия правдивых обещаний добра и ложных обещаний зла.

Всемирная история – это путь образования человечества. Эта мысль скрыто, неявно, но регулярно появляется на страницах трудов Н.А. Бердяева. Три этапа в развитии этики и есть конкретизация этого пути. История имеет свой, неподвластный нам ход, но это не означает пассивной позиции наблюдателя. Только совместными активными усилиями всех и каждого можно добиться качественного скачка, перехода в новый «мировой эон». Проповедь активизма очень характерна для Бердяева, что обусловлено отчасти его натурой, кипучей энергией, которую он перевёл в область собственной философии: «Человек призван не ждать только и предчувствовать, но действовать и творить. Человек должен перейти из состояния религиозно-пассивного и рецептивного в состояние религиозно-активное и творческое»³.

Своё отличие от различных социологических концепций «рая на земле» Н.А. Бердяев видел именно во внутреннем преодолении человеком зла, собственной изначальной природной греховности. Он не мог принять политические и социально-экономические революции именно потому, что они меняют лишь покровы, внешность, но ничего не меняют изнутри. Поэтому истинная революция есть революция духовная, революция духа,

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – С. 154.

² Гессен С.И. О понятии и цели нравственного образования (Публикация Е.Г. Осовского) // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20-50-е годы XX века. Материалы Второй Всероссийской научн. конф. «Образование и пед. мысль Российского Зарубежья. 20-50-е гг. XX в.» (Саранск, 16-18 окт. 1997 г.) / Под ред. Е.Г. Осовского. – Саранск, 1998. – С. 242.

³ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 115.

глубоко убеждён Бердяев. Такое понимание стало одной из причин, по которым мыслитель размежевался с марксизмом, оставаясь, впрочем, до конца дней согласным с его гуманистическим зарядом. Разницу точно подметила П.Е. Вахренева¹, ведь философия марксизма отстаивает противоположную позиции Н.А. Бердяева точку зрения, определяя человека извне на основе экономических, социальных и политических изменений внешней среды, в то время как Бердяев видит организацию новой жизни, нового общества, нового человека через глубинные внутренние изменения, через перерождение структуры человеческой души в свободном творческом ответе на Божий зов.

Говоря о конце истории, Н.А. Бердяев тем самым подразумевает наличие результата. Прерывание времени, вхождение в вечность, окончание исторического процесса может происходить для каждой конкретной личности, а не только в масштабах всего человечества. К концу жизни философ всё менее верит в возможность скорого разрешения истории в глобальном понимании этого слова, и речь всё больше идёт об экзистенциальном выходе из времени. Н.М. Аверин² обращает внимание на внеисторичность нравственных построений русской идеалистической школы вследствие обращённости к человеку в широком смысле слова вне каких-либо общественно-политических или национальных рамок, что обуславливает определённую утопичность их этических воззрений, в том числе и в педагогическом аспекте. Аверин видит их образовательный идеал духовного человека в далёком будущем. Это именно идеал, мечта, но не конкретная нравственно-педагогическая задача в условиях данного социума. Однако вместе с тем, путь раскрытия и изживания зла – это смысл истории в этическом измерении. Зло должно показать своё лицо, оно должно быть изобличено, так как всегда прячется под маской добра. Открытое зло безобразно и может только отвращать.

Похожие мысли встречаются у И.А. Ильина в лекции «Кризис безбожия»³, где говорится о современности как времени, когда зло обнаруживает свою истинную личину. Только тогда явно, а не скрыто оно ведёт к катастрофе, сбросив с себя ветхие одежды благопристойности и подмены добра. Только безбожие открытое, осмелившееся показать себя на деле, последовательно проводящее свои антихристианские пути безверия, открывает ясный и чёткий выбор между двумя альтернативами: духовной бездной или духовно-религиозным возрождением.

¹ Вахренева П.Е. Н. Бердяев и его философия человеческого достоинства // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – №3. – С. 281.

² Аверин Н.М. Русская религиозно-идеалистическая этика как феномен отечественной и мировой культуры // Вестник ТГУ. – 2008. – Выпуск 9 (65). – С. 29.

³ Ильин И.А. Кризис безбожия // И.А. Ильин. Собрание сочинений в 10 томах. Том 1. – М.: Русская книга, 1996. – С. 357-358.

Н.А. Бердяев излагает свою концепцию нравственного взросления человечества, которую он видит в испытании и преодолении зла через изобличение его небытия, пустоты, тщеты и ничтожества всех его проявлений. Неверно превозносить силу и притягательность пути зла. Соблазнительность зла преувеличена, это ложь и фикция. Князь тьмы обманывает. Зло – это небытие, оно пусто, бесталанно и тоскливо. Но изобличается оно только в своих последних пределах, поэтому обнаружить его истинную природу очень непросто. Изживание зла для Бердяева – это путь образования личности и всего рода человеческого: «Зло есть зло, оно должно быть побеждено, должно сгореть. И зло должно быть изжито и испытано, через зло что-то открывается, оно тоже – путь»¹.

Парадокс зла Н.А. Бердяев видит в его двойственности – с одной стороны, зло отрицательно и бессмысленно, оно есть отвержение смысла и его поругание, а с другой, зло обладает положительным смыслом, ведь оно есть испытание свободы, которая представляет высшее достоинство человека и предполагает саму возможность зла. Этико-педагогический смысл образования заключается в прохождении пути к свету сквозь тьму грехопадения через искушение свободой. Главная движущая сила на этом пути – это творчество, и в этом смысле Н.А. Бердяев удивительно радикален: «Даже у Достоевского зло преодолевается через сознание, у Бердяева – творчеством»².

Вместе с тем, этика Н.А. Бердяева малопригодна для преподавания в традиционной школе в «чистом» виде, потому что в её основе, также как и у Л.И. Шестова, лежит философия трагедии. Шестов вообще считал, что всякая философия есть философия трагедии. Бердяев не был согласен с такой абсолютизацией трагического, но был солидарен с его определяющим значением в разработке этического учения³. Для него проблема морали зарождается именно как проблема трагедии. Этика для Н.А. Бердяева – это тоже во многом философия трагедии с преимущественно эмпирическим, а не рациональным источником, и только люди, осознающие всё значение трагического в жизни обладают нравственным правом судить о добре и зле.

Трагедия человеческой жизни открывает несовершенство закона добра. Против него восстают и С. Киркегор, и Ф.М. Достоевский, и Ф. Ницше. Н.А. Бердяев и Л.И. Шестов также являются последовате-

¹ Бердяев Н.А. Ставрогин // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 14.

² Вахренева П.Е. Н. Бердяев и его философия человеческого достоинства // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – №3. – С. 287.

³ Бердяев Н.А. Трагедия и обыденность // Типы религиозной мысли в России [Собрание сочинений. Т. III]. – Париж: YMCA-Press, 1989. – С. 390-394.

лями этих мыслителей, мучимых поиском правды о человеке. Бердяев пишет, что пришла пора судить не человека «добром», а судить само «добро». Оправдание тривиального понимания добра как власти, давления, насилия, «добра-Бога» должно быть заменено на трагическое добро, «Бога-добра». Отвергая законническое добро, Н.А. Бердяев заменяет его на добро творческое, которое не является рациональным законом, но индивидуальным волением конкретного живого человека. Осуществление добра представляет собой персонально-творческое задание, а не шаблонную, сугубо рациональную деятельность. Л.И. Шестов же говорит о добре трагедии. Только у Бердяева добро – творческое и положительное, у Шестова – трагедийное и отрицательное. Бердяев считает, что Шестов вообще отрицает положительный смысл жизни. Шестов лишь ставит вопросы, Бердяев больше любит ответы. В связи с этим Шестов пишет об учительской направленности творчества Бердяева.

Без подготовки такую этику преподавать нельзя – не то что школьникам, но даже студентам. Трудно вынести выход из норм традиционной морали. Это же будет противоречить «социальному заказу»! Да и принять новую этику только на ментальном уровне, вне собственного опыта очень сложно, если вообще возможно. Это процесс развития всего общества, всего человечества, и внедряться эти идеи в систему образования будут постепенно. Недаром они возникли каких-нибудь 100-150 лет назад и характеризуют кризис сознания, духовный кризис человека, стоящего на пути переосмысления ценностей. Наиболее бескомпромиссно и непримиримо вопрос поставил Ф. Ницше: «Нет ничего истинного, всё дозволено». Отправная точка этического кризиса ставит человека на путь испытания. Весь XX век и начало XXI – прекрасное тому подтверждение. Люди уже не верят в придуманные и навязанные другими идеалы, они ищут свою дорогу, ставят под сомнение само существование истины и уже не на уровне одной личности или кучки героев-индивидуалистов, а в масштабах всего мира. С.Л. Франк писал: «Люди уже не верят в «идею», которая так слаба, что не *есть*, а только *должна быть*»¹.

Если детей ещё можно удержать на почве традиционных ценностей (да и это далеко не всегда получается), то взрослых и самостоятельных людей уже гораздо труднее убедить в том, что противоречит их собственному опыту. Живя в эпоху плюрализма мнений, постидеологизма, практически невозможно навязать всем одну систему ценностей лишь на основе слов. Критерий собственного опыта наиболее убедителен для человека. Человек испытывает этику закона на прочность в пре-

¹ Франк С.Л. Крушение кумиров // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/frank/kumiry.html>.

делах всего человечества. Её значение связано с цементирующей функцией, поэтому она не исчезнет, но уже появилась новая этика, которая набирает силы, зачастую, правда, в отрицании этики старой. Но так или иначе, это тоже этика.

Парадоксальность этики Н.А. Бердяева заключается в сломе её традиционной структуры. Философ по сути отказывается от цели как этической доминанты. Телеологичность он приравнивает к объективации. Этика выходит из скорлупы частного философского знания, становясь философией сама по себе. И эта философия вместо цели основывается на экзистенциалах духа и энергии.

Этика Н.А. Бердяева – это этика средств, а не этика целей. Для него средства определяют цель. Преобладание целей над средствами может переродить добро во зло, и наоборот. Н.А. Бердяев противостоит телеологической точке зрения, идущей от Аристотеля, вкупе с учением о свободе воли¹, обязывающих человека подчинить свою жизнь поставленной ему верховной цели и последовательно подчинить ей все остальные нижепоставленные цели, а свобода воли даёт возможность посвятить свою жизнь достижению этой цели. По мнению философа, подобная весьма распространённая доктрина абсолютно не отвечает ни современным данным психологии, ни христианскому учению и ведёт к рабской этике. Бердяев убеждён, что свободу и достоинство человека с нравственной точки зрения определяет далеко не цель, которой он подчиняет свою жизнь, а источник его моральной жизни и деятельности в мире. Справедливо утверждать, что в определённой мере «средства», к которым прибегает человек, могут оказаться важнее и показательнее «целей», к которым он стремится, поскольку они явственнее раскрывают, какого человек духа. Благие цели не могут оправдать низменных средств, зачастую выступая лишь в качестве прикрытия личины зла. К свободе нельзя прийти путём насилия, истина не приемлет лжи, любовь не вырастает из ненависти, братство не достигается путём раздора. Парадоксально, но подчас выходит, что стремление к «злой» цели с использованием «добрых» средств более предпочтительно. Для Н.А. Бердяева благороднее и выше, если человек идёт к лжи путём истины, к ненависти – тропой любви, к рабству – дорогой свободы. Конечно, это своего рода преувеличение, но оно точно расставляет акценты внутреннего состояния человека и даёт картину его истинных, глубинных побуждений. Свет, благодать и творчество должны неизбежно проявляться как в целях, так и в средствах. При этом подчёркивается живой энергичный характер этики в противовес формальному телеологизму. Свобода

¹ Вышеславцев Б.П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. – М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. – С. 82.

воли, подчинённая высшей цели, перестаёт быть свободой и становится необходимостью, диктуемой этой целью. Важна не свобода воли как таковая, важно какого человек духа. Приоритетное значение имеет не цель, а дух.

Всех создателей этических систем губил рационализм, вера в автономию разума, в его неограниченные возможности. Человек не в силах сделать то, что подвластно только Богу, поэтому, исходя только из своей самости, невозможно выйти из себя, превзойти разум. По-настоящему, убеждён Бердяев, человека можно понять только из того, что выше его, нельзя понять его из того, что ниже. Чтобы взглянуть на себя со стороны, необходимо выйти из себя. С.И. Гессен в статье «О понятии и цели нравственного образования» подчёркивает сверхличную интенциональность становления личности. Если человек исходит только из своей самости, стремится к цели стать личностью, замыкается в себе, то происходит обратная трансформация, и он утрачивает свои личностные характеристики, что равно справедливо как для отдельного индивида-эгоцентрика, так и для всего народного организма, искажённого националистической заразой, которая отрывает его от мирового целого и общечеловеческих ценностей в угоду однобокому партикуляризму.

Нравственность не может быть целью сама по себе. Это не цель, а путь. Нравственность как цель есть объективация и ханжество, поскольку она лишена своего содержания в угоду созданному разумом образу предвосхищаемого результата. С.И. Гессен указывал на такую особенность нравственности как неопределяемость из себя самой, незаикленность на непосредственной моральной идее, ведь в противном случае, в отсутствие конкретной цели, выведенной из жизни, она превращается в фарисейство. При этом указывается, что цель должна быть объективной и предметной, не выдуманной, но жизненной.

Этика свободы и творчества Н.А. Бердяева – этика не телеологическая, а энергийная, это этика пути, а не цели. В этом её отличие от других этических учений. Она не даёт цели образования, она лишь раскрывает его пути. Цель образования нельзя напрямую вывести из системы этики Н.А. Бердяева, но можно говорить о путях образования, опираясь на его этическое учение. В данном случае цель образования в православной педагогике – восстановление образа Божия в человеке – предстаёт не как цель и, тем более, не как средство, а как источник божественного в человеке, из которого исходит его духовная природа. Источник – внутри нас, стоит лишь открыть его в себе. Вот почему философия образования Н.А. Бердяева глубоко антропологична. Она видит исток образования в самом человеке. Однако это вовсе не означает автономии человека, ведь, по глубокому убеждению Бердяева, человек

настолько человечен, насколько он сопричастен Богу. Открыть в себе человека для Бердяева значит обожиться, преобразить свою земную природу – значит очеловечиться. Бог человечен, человек же бесчеловечен, – утверждал Н.А. Бердяев.

Поэтому образование не может иметь выдуманной схоластической цели, оно имеет лишь животворящий источник божественного и путь творчества. Цель статична, скована объективирующим сознанием в отличие от динамических путей творчества, основанных на благодатной духовной энергии. Можно, конечно, ставить любые цели, но они остаются такими же бессильными, как и сознание, придумавшее их, игра слов и не более того. Любая цель для Н.А. Бердяева находится в сфере объективированного, то есть неподлинного существования и отражает лишь отблеск истины, подобно теням в платоновской пещере. Подлинное, духовное существование следует искать в другом месте, но далеко не каждый может и готов повернуться к ним лицом. Критика целей, телеологичности – это, в конечном счёте, ссылка на ограниченные права разума, восстание против диктата рациональности и рабства у времени. Путь творчества для Н.А. Бердяева является фактически ответом на вопрос «что?», а не «как?». Средства определяют цель, источник – путь.

Можно провести вполне определённые параллели с философией В. Дильтея, убеждённого, что «цель педагогики не может быть выведена общезначимым образом из этики», и «усилия построить педагогику научным образом, когда выдвигается некая якобы общезначимая цель и из неё делаются выводы для педагогики, не удались»¹. Он выступает против выдвижения каких-либо общезначимых, абсолютных целей воспитания и образования, утверждая иррациональное содержание целевой структуры педагогики.

В Энциклопедическом словаре по этике (под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова) моральное учение Н.А. Бердяева отнесено к перфекционистским, «согласно которым высшей ценностью является совершенство и каждый должен совершенствоваться в стремлении приблизиться к идеалу»², и ставится по этому критерию в один ряд с учениями Платона, Августина, Б. Спинозы, В.С. Соловьёва. Сопоставим понятия цели и идеала. «Цель – идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; финальный результат, на кото-

¹ Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. – СПб.: РХГИ, 2004. – С. 87.

² Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 276.

рый преднамеренно направлен процесс» (А.Л. Доброхотов)¹. «Идеал – <...> 4) в этическом смысле – в теоретическом плане: (а) наиболее общее, универсальное и, как правило, абсолютное нравственное представление (о благе и должном), в нормативном плане – (б) *совершенство* в отношениях между людьми или – в форме общественного идеала – такое совершенство, которое обеспечивает это совершенство, (в) высший образец нравственной личности» (Р.Г. Апресян)².

В.Г. Иванов отмечает экзистенциальную природу идеала, что отличает его от той же цели: «Идеал — некий путеводный огонёк, он задаёт направление движению, однако сам не достижим, не может быть воплощён в действительность»³. Абсолют как единство истины, добра и красоты (логика, этика, эстетика) достижим лишь в переживании как мгновении озарения: откровение — в религии, катарсис — в эстетике, самоотвержение — в этике, «момент истины» — в науке, восторг от свершения — в творчестве, оргазм — в полноценной любви при слиянии телесного с духовным. Это мгновение переживания Моисея на горе Синай, Христа в Гефсиманском саду, Будды под деревом бодхи... Савла на пути в Дамаск, во время грозы, Августина — услышав «Бери и читай», Лютера в келье августинского монастыря, Лойолы во время отшельничества в пещере... Архимеда в ванне, Ньютона в саду под яблоней, Пушкина — по окончании «Бориса Годунова»⁴. Экзистенциальный характер идеала делает его терминологически более приемлемым по отношению к философии образования Бердяева, чем рациональная цель.

Вместе с тем Н.А. Бердяев не отрицает целей, он лишь говорит о значении пути, ведь «цель имеет смысл лишь в том случае, если её начать осуществлять сейчас же, тут»⁵. Христос учил: «Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний *сам* будет заботиться о своём: довольно для *каждого* дня своей заботы» [Мф 6:34]. В этом высказывании заключается великая истина соотношения целей и средств, целей и путей жизни. Образование — это не подготовка к жизни, это есть в широком смысле сама жизнь. Пропедевтическое обоснование образования как средства для достижения какого-то обьективированного результата

¹ Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: пред. В.С. Степин, заместители пред.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. — М.: Мысль, 2010. — С. 317.

² Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. — М.: Мысль, 2010. — С. 71.

³ Иванов В.Г. ...Ещё раз об идеале // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. Материалы научной конференции. 26-27 сентября 2000 г. Тезисы докладов и выступлений. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. — С. 67. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/ivanov_vg/ethics_24.html.

⁴ Там же, с. 67.

⁵ Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. — С. 614.

не соответствует подлинному соотношению целей и средств, когда средство фактически является целью, то есть образование рассматривается в данном ракурсе не как средство, а как цель само в себе, а по сути, путь совершенствования человека. Школа не должна быть цехом по производству полуфабрикатов, но институтом образования человека. Только интегральный подход к пониманию образования как непрерывного процесса, длящегося на протяжении всей жизни, может отвечать вышеозначенному этическому постулату философии образования Бердяева.

Н.А. Бердяев утверждал, что «этическое всегда есть путь жизни, а не конечная её цель»¹. Путь может быть важнее цели, путь определяет цель, что так явно проявляется в вопросах нравственности: «Характерно, что никто не выставляет прямо злых целей, зло всегда прикрывается добром, всегда крадёт у добра. Зло видно лишь в применяемых средствах»². Примечательно, что мораль в восточной традиции ассоциируется со словом «путь», а также «порядок»³. Для Бердяева этика – это путь, путь жизни человека, определяющий его предназначение. Он был уверен, что «человек – это существо, «живущее не по целям», а в силу заложенной в нём творческой духовной энергии»⁴. Поэтому Бердяев не признаёт критериев истины, считая, что истина даётся лишь непосредственному интуитивному созерцанию, познаётся исходя из неё самой. Выдуманные разумом, рационалистические критерии суть лишь объективации человеческого сознания, в то время как «истина есть путь и жизнь, а не объектный предмет»⁵. В то же время философ сетовал, что померкли цели человеческой жизни, люди перестали понимать, для чего они живут, не имея времени задуматься над смыслом жизни; средства к жизни стали самоцелью, и такая подмена целей жизни средствами очень многое объясняет.

Подводя итог первой части исследования, приходим к выводу, что этика свободы и творчества Н.А. Бердяева во многом презентует его философию образования. Это особая этика человека духовного, этика

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 147.

² Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 612.

³ Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – С. 276.

⁴ Плетнёва Н.В. Учение о добре и зле в философии Н.А. Бердяева: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05. – М.: 2003. – С. 77-78.

⁵ Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – С. 284.

«перерождения структуры души» через внутреннюю революцию, ведь любые внешние, материальные перевороты лишь меняют покровы, оставляя суть неизменной. Можно рассматривать этику как свод правил нравственного, должного поведения в рамках педагогического процесса, а можно посмотреть на неё предельно широко, в полном смысле философски, подобно Бердяеву, как на свободно-творческое антропологическое учение. Выводы, соответственно, будут разными.

В целом, полагается, что философия образования – это творческое наследие, текстовый массив Н.А. Бердяева, имплицитно обладающий педагогическим смыслом, а философ образования – современный исследователь, педагог или философ, реконструирующий и интерпретирующий мысль автора в соответствии с собственным видением и современным развитием философско-педагогических представлений, актуальностью тех или иных проблем образования, а специфика такой педагогической реконструкции существенным образом обусловлена позицией интерпретатора, отвечающего на противоречивый вопрос, является ли Бердяев по своим исконным убеждениям «педагогом» или же «антипедагогом». По формальным критериям нелегко найти его связь с педагогикой, по содержанию и по смыслу же его творчество глубоко педагогично.

Философия образования Н.А. Бердяева легитимируется через апологию познания как содержания и пути образования и сравнение бердяевской позитивной постановки вопроса с отрицательной позицией Л.И. Шестова. Бердяев называет этику сферой познания, сферой синтетической, единой и неделимой. Этическое и гносеологическое рассматриваются в одной плоскости. Этика выступает, по сути, формой образования, «познания в духе». При этом внутренняя целостность и системность легитимируют научное исследование, отражая глубину и основательность позиции Бердяева.

Бессмысленность – один из главных вызовов современности в образовании, выразившийся в философии постмодерна. Этика как «учение о назначении и призвании человека», согласно Бердяеву, отвечает прежде всего на вопрос «что?», а не «как?». Слишком много «как?» и слишком мало «что?» и «зачем?» Дефицит смысла способен компенсировать духовно-нравственное образование. Вот почему необходимо «пришествие» этики в образование и, притом, на более высоком уровне, этики духовной, а не только определённых воспитательных технологий.

Сферы этического и педагогического не могут не пересекаться, взаимодействуя как неразрывные части единого целого. Педагогика этична в той же мере, как и философия может считаться педагогичной, что подтверждает история философско-образовательной мысли и сама

суть этих категориальных общностей. Кроме того, в случае с этикой Н.А. Бердяева, претендующей на всеохватность и определяющей, по сути, всю философию Н.А. Бердяева, этот тезис вдвойне справедлив. Отсутствие у Н.А. Бердяева классической философской системы, с одной стороны, и присущая ему внутренняя системность, с другой, свидетельствуют о наличии специфической философии образования, предлагающей возможности как для рационального критического анализа, так и для иррационального интуитивно-творческого восприятия идей, позволяя выделить определённую структуру, исходя из педагогических задач исследования.

Этика Н.А. Бердяева интересна и специфична своей тотальной целостностью, неразделимостью, синтетичностью, что позволяет рассматривать её как философию в философии, как отражение всей философии образования Н.А. Бердяева. Онтологический, бытийственный характер этики в русской религиозной философии переходит у Бердяева от этики объективированной (этики сущности) к этике экзистенциальной (этике существования).

Этическая сущность образования выражается в таких ключевых этических категориях как образ, идеал, цель. Специфика этики Н.А. Бердяева в контексте философии образования определяет особенности его понимания свободы и творчества в призме идей «свободной» педагогики, представляет «школу нравственного взросления человечества» через опыт разделения добра и зла, ставит проблему соотношения целей и средств как важнейшие педагогические вопросы.

Путь изживания зла можно представить как путь образования человечества, и Н.А. Бердяев сам невольно претендует на место одного из его духовных учителей. Вместе с тем присутствует определённая проблематичность прямого преподавания этики Бердяева, которая обуславливается, во-первых, тем, что это свободная и творческая этика, и любые формы насилия, в частности, преподавание, могут исказить её суть; во-вторых, это трагическая этика, её сложно выдержать неподготовленными умам, трудно принимать даже взрослым, не говоря уже о детях.

Соотношение целей и средств в философии образования Н.А. Бердяева имеет решающее значение. Сложно говорить о цели образования, которую выдвигает Бердяев. Можно судить, скорее, о пути образования, который нужно осуществлять тут же, здесь и сейчас. Средства оказываются реальнее и важнее, чем объективированные цели, фикции человеческого сознания, рациональные симулякры. Однако акцент на пути образования не означает отрицания целей, а лишь свидетельствует об их неразрывной связи со средствами. Наличие целей и идеалов образования внутренне отвечает законам работы человеческого сознания, когда они

имеют экзистенциальную связь с путями образования, реальным развитием и становлением личности. Образование, таким образом, самоценно само по себе, а не только как средство для достижения какой бы то ни было отвлечённой цели. Преодоление разрыва целей и средств в образовании представляет собой одну из важнейших задач философии образования, которую поставил Бердяев в своей системе этики.

Образование – бытийственный, онтологический феномен, также как и этика Н.А. Бердяева. Внутреннее единство философии Бердяева и всеохватность его этики легитимируют интегративный подход к образованию как целостному явлению человеческой жизни. Достаточно оценить широту поставленной проблемы. Если в традиционном подходе академической философии этика – это наука о морали, то в понимании Бердяева этика – учение о назначении и призвании человека. Для Бердяева этика – это в полном смысле практическая философия, философия жизни, жизненная мудрость. Он уходит от научного формализма, приближаясь к мудрецам Востока. Философия для него – призвание и образ жизни, сама жизнь, живое воплощение человеческого существования. Равным образом и этика есть образ действия, алгоритм существования, выраженный в течении жизни. Можно сказать, что предмет философии и предмет этики для него фактически сливаются и неотделимы друг от друга. Это прежде всего человек, а не отвлечённые категории разума.

Образование имеет выраженную этическую структуру, определяя назначение и призвание человека и человечества, целестремительное движение к «образу», полагаемому в качестве идеала. Свобода и творчество как ведущие принципы этики Н.А. Бердяева закладывают соответственно свободные и творческие основания его философско-образовательной концепции. «Образ» обретается в духовном опыте личности и историческом опыте этнических культур и всей человеческой цивилизации через испытание свободой, искушение злом и страстями и, конечно, в творчестве позитивных ценностей.

Градация видов образовательных воздействий весьма обширна. Наряду с образованием личности, можно говорить об образовании общества, народа, страны и всего рода человеческого; кроме институциональной системы огромное значение имеют стихийные влияния и самообразование. Есть педагогика как наука об образовании, воспитании и обучении, есть этика как теория нравственности в рамках научной философии, и есть философия образования, объединяющая обе эти сферы, которая имеет в трактовке Н.А. Бердяева скорее метафизический, чем научный характер.

Структура философии образования Н.А. Бердяева обусловлена структурой его философии как этики. Традиция исследования филосо-

фии и философии образования Бердяева, а также их педагогический потенциал, определили круг ключевых тем, к которым обращается мыслитель: личность, свобода и творчество, объективация, «русская идея». Теория объективации представляет своего рода фундамент философии образования Бердяева, раскрывающий феномен образования на основе интеллектуальной реконструкции; экзистенциалы свободы и творчества определяют идеал личности как идеал образования у Бердяева; тема России и «русская идея» задают национальную специфику его философии образования, что в совокупности позволяет моделировать проблематику общей теории образования, духовно-нравственного и патриотического воспитания.

ГЛАВА II. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЭТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ Н. А. БЕРДЯЕВА

Этика свободы и творчества Н.А. Бердяева столь же всеохватна, сколь и вся его философия. Но его основными темами на протяжении всего творческого пути оставались свобода и личность, творчество и объективация, «русский» вопрос, о чём говорит как сам философ, так и вся традиция изучения его мысли. Педагогический потенциал этики Н.А. Бердяева во многом отражает потенциал его философии образования.

Богатый материал для осмысления феномена образования предоставляет теория объективации, имеющая истоки в философской проблематике отчуждения. В контексте оппозиции «объективированное-духовное» предстаёт весь срез образовательной действительности.

Путь преодоления объективированного выступает в качестве пути образования, понимаемого как творческое становление личности, раскрытие божественного в человеческом. В паре «спасение-творчество» несомненный приоритет отдаётся именно творчеству. Личность видится воплощением духовного начала в человеке, представляет собой целостный образ, который рассматривается в качестве образовательного идеала. Она не только индивидуальна, но и соборна, не может существовать без общения с другими людьми, что делает её личностью в полном понимании этого слова.

Сверхиндивидуальный персонализм Н.А. Бердяева переносится и на национальное, неотъемлемое от индивидуально-личностного, что пролонгирует его этику в проблематику «русской идеи» как учения о призвании и назначении нации, имеющей подобно личности свой дар и свои задачи. Эти задачи одновременно и национальны, и универсальны, поскольку Н.А. Бердяев ведёт речь о соборном объединении человечества на основе любви, духовности и братства, свою важную роль в котором имеет народ России.

2.1. Педагогическое значение теории объективации в этике Н. А. Бердяева

Специфика оригинальной философии духа, предлагаемой Н.А. Бердяевым, во многом определяется тем, что «в отличие от традиционной философии бытия персоналистическая концепция Бердяева связана с провозглашением примата свободы над бытием»¹. Данная установка лежит в основании важнейшего для понимания его философии учения об объективации, которое имеет и этико-педагогический смысл, качественно отличая его философствование. Н.В. Мотрошилова справедливо отмечает, что объективация является ведущей темой всей философии Н.А. Бердяева, ведь не случайно антропологический кризис истории он видит как раз через призму своего объективационного учения. В «Русской идее» мыслитель подчёркивает: «Основной философской проблемой для меня является проблема объективации, которая основана на отчуждении, потере свободы и личности, подчинении общему и необходимому»². Объективация – решающая категория, которая определяет для Н.А. Бердяева разделение философских учений на две группы: объективированные и экзистенциальные, формальные и духовные. Это своего рода каркас, фундамент его философии, фундирующий и этику, и историософию, и онтологию, и гносеологию.

Вне теории объективации невозможно в принципе понять этическое учение Н.А. Бердяева, которая в этом случае вырождается в традиционный нормативный морализм. По словам Е.А. Вологина, «проблема объективации как ложного направления свободы была воспринята Бердяевым не умом, а сердцем. Русский мыслитель никак не хотел примириться с «разорванностью» мира, с разделённостью мира на множество «не-я». Истина для Бердяева была не в абстрактной, отвлечённой от конкретно-индивидуального события эстетике или онтологии, а живой и непосредственной этике; именно как тему этики он воспринял проблему объективации, в этом его основное отличие»³. Творческая этика Н.А. Бердяева и объективированная мораль – это разные ступени эволюции этического познания. Различие имеет коренной смысл: этика традиционная – «по сю сторону добра и зла», этика творческая – «по ту сторону» этого различения, первая есть этика объективированная, вторая – этика духа. Для системы образования гораздо более понятно и приемлемо учение о морали, нежели учение о духе. Этика свободы и творчества не педагогична, а эзотерична.

¹ Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьёв. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов). – М.: Республика; Культурная революция, 2007. – С. 252.

² Бердяев Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 245.

³ Вологин Е.А. Экзистенциально-гуманистическая антропология Н.А. Бердяева: дис. ... канд. филос. наук: 9.00.03. – М.: 2003. – С. 56.

Её нельзя преподать как урок, её можно только выстрадать и пережить. Она персоналистична, а значит, неповторима, поэтому здесь сложно давать конкретные советы. Недаром Новый Завет настолько ненормативен, а подчас и антинормативен.

То же касается и типологии образования, которую можно эксплицировать из общефилософских рассуждений Н.А. Бердяева. Философ уверен, что человек есть носитель двух миров, в нём пересекаются две природы, его образ человеческий зависит от воплощения образа Божественного¹. Таким же образом имеет смысл говорить о двух пониманиях образования: образовании внешнем, объективированном, формализованном, которое находит своё отражение в социальных институтах и образовании внутреннем, субъективированном, экзистенциальном, происходящем внутри каждого человека. С точки зрения философии Н.А. Бердяева подлинным представляется именно внутреннее образование, а не внешнее, которое ограничено и в определённом смысле фиктивно.

В «Философском словаре логики, психологии, этики, эстетики и истории философии» 1904 года под ред. Э.Л. Радлова объективация кратко определяется как «становление объектом»². Ядром понятия является трансформация чего-либо в объект, опредмечивание, материализация, связанные с отчуждением от субъекта. Синонимы, которые Н.А. Бердяев использует для номинирования этого понятия многочисленны: статичность, затвердевание, детерминизм, неподвижность, сковывание, кристаллизация, закрепощение. В книге «Опыт эсхатологической метафизики»³ приводится ряд признаков объективации и её антиподов. Субъект-объектное разделение противостоит общению в симпатии и любви; власть обезличенно-общего над уникально-персоналистическим контрастирует с личностной отнесённостью экзистенции конкретного человека; царство необходимости, принуждения и рабства сравнивается с выходом в область свободы, заданностью изнутри, преодолением всех форм угнетения и подавления личности; конформизм, пресмыкание перед силой социума, приспособленчество противопоставляются качественной составляющей, творческой доминанте. Таким образом, противопоставляются два плана – план объективиро-

¹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря / Сост. и послесловие П.В. Алексеева. – М.: Республика, 1995. – С. 27.

² Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / под ред. Э. Л. Радлова. – СПб. : Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1903-1904. – Приложение к Вестнику и Библиотеке Самообразования. – С. 185.

³ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 427-428.

ванный, ограниченный, опредмеченный и план экзистенциальный, творческий, духовный.

Истоки теории объективации и парадоксальной этики Н.А. Бердяева, как отмечает П.П. Гайденко¹, лежат в философии И. Канта и А. Шопенгауэра, которые также исходят из противопоставления двух миров – мира феноменов («представления» у Шопенгауэра), и мира ноуменального («мир как воля» у Шопенгауэра). Если первый открывается нам извне, с помощью чувств, то второй – изнутри. С одной стороны, человек подчинен закону необходимости в природной среде, а с другой выступает как «вещь в себе», как причина, начинающая ряд явлений, в сфере свободы.

Противопоставление двух миров – центральный пункт философствования Н.А. Бердяева, создающий плацдарм для всех дальнейших размышлений. В.В. Розанов едко замечает по этому поводу: «Право, нет двух вещей, так же ненавидящих друг друга, как мир и «мир» Бердяева»². Наиболее ярко это выражено во вступлении к самой отчаянной и «кричащей» книге Н.А. Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» (1916), где он «поднялся до высшей точки творческого горения»³: «Дух человеческий - в плену. Плен этот я называю «миром», мировой данностью, необходимостью. «Мир сей» не есть космос, он есть некосмическое состояние разобщённости и вражды, атомизация и распад живых монад космической иерархии. И истинный путь есть путь духовного освобождения от «мира», освобождения духа человеческого из плена у необходимости»⁴. Не менее радикально данная мысль главенствует и в поздних сочинениях философа, углубляясь и детализируясь: «В известном смысле можно сказать, что весь видимый объективный мир есть лишь символика мира духовного»⁵. «Видимый мир есть символ мира невидимого»⁶. Только субъективный и персоналистический мир Н.А. Бердяев считает единственно подлинно реальным, а материальный мир связывает с экстериоризацией и объективацией духовных начал, процессами затвердения и сковывания. Всё внешнее выступает лишь как знак внутреннего, материя символизирует глубинные состояния мира духовного, говорит о его разделённости, а не существует сама по себе.

¹ Гайденко П.П. Мистический революционаризм Н.А. Бердяева // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 9.

² Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1 / Сост., вступ. ст. и прим. А.А. Ермичева. – СПб.: РХГИ, 1994. – С. 266.

³ Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 358.

⁴ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 16.

⁵ Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 271.

⁶ Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 621.

Такой подход философ просит не называть спиритуализмом или отвлечённой духовностью, но символизмом, духовностью конкретной.

Наиболее часто Н.А. Бердяев сопоставляет духовное и объективированное как огненное и охлаждённое; дух и творчество находятся в стихии огня, объективации же соответствует холод, остывший огонь духовного творчества¹. О. А. Мень использует не менее наглядное сопоставление с водой в динамике и статике, сравнивая дух с бегущими водами реки, а объективацию с той же, но только замёрзшей водой². Г.Я. Миненков в определении объективации цитирует Дж.Г. Мида, исходящего из оппозиционной пары «свобода-несвобода»: «Это такое конструирование обобщённого другого <...>, когда другой превращается в образец и воплощение истины, и ему, другому, бросают под ноги собственную свободу»³. С.И. Гессен⁴ говорит об «объективированном» духе как пленённом в веществе и как бы ждущем ещё своего избавителя и вновь и вновь усилиями новых поколений «читаемом» духе, вспоминая и непроницаемую самодостаточность и косность исторической традиции, и оторвавшиеся от личности её творения.

А.А. Ермичев разграничивает экзистенцию, интенцию и объективацию у Н.А. Бердяева как различные состояния духа: «Экзистенция — дух в его абсолютной самодостаточности, исключающий применение к себе любых определений, связывающих его с миром; интенция — направленность духа; объективация — тот же экзистенциальный дух, но находящийся в недолжном состоянии — вражды, одиночества, разъединённости, несвободы и т.п., предстающий в виде привычной нам предметной реальности, расположенной в пространстве и времени, подчинённой необходимости и закону»⁵.

В.А. Кувакин вычленяет из философии Н.А. Бердяева следующие формы объективации: «объективация как экстериоризация и овременение (пространство и время — это, по Бердяеву, формы объективированного духа), объективация как социализация, объективация как «охлаждение» творческих актов (превращение свободы в необходимость,

¹ Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. — С. 271.

² Мень А. Николай Александрович Бердяев // Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. Лекции и беседы. — М.: Фонд имени Александра Меня, 1995. — 671 с. / Библиотека Якова Кротова. URL: http://www.krotov.info/library/13_m/myen/00076.html.

³ Н.А. Бердяев и единство европейского духа / Под ред. Владимира Поруса (Серия «Религиозные мыслители»). — М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. — С. 48.

⁴ Гессен С.И. О понятии и цели нравственного образования (Публикация Е.Г. Осовского) // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20-50-е годы XX века. Материалы Второй Всероссийской научн. конф. «Образование и пед. мысль Российского Зарубежья. 20-50-е гг. XX в.» (Саранск, 16-18 окт. 1997 г.) / Под ред. Е.Г. Осовского. — Саранск, 1998. — С. 152-165.

⁵ Ермичев А.А. «Я всегда был ничьим человеком...» // Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1 / Сост., вступ. ст. и прим. А.А. Ермичева. — СПб.: РХГИ, 1994. — С. 17.

творчества в результат, вдохновения в закон и т. п.), объективация как символизация, объективация духа в сознании»¹.

В своей автобиографии Н.А. Бердяев много пишет о роли объективации в собственной жизни. Его нередко упрекали за нелюбовь к славе, достижениям, успеху и победе, реализации, считая это ложным романтизмом. Несимпатия к успевающим и победителям представлялась философу реакцией на приспособление к миру, во зле лежащему. Он не верил в совершенную реализацию в этом объективированном и отчуждённом мировом плане, поражённом глубоким трагизмом, поэтому не жаловал застывшие формы классицизма, иллюзорного совершенства в конечном. Но совершенство достижимо лишь в бесконечном. Только мир субъективный и персоналистический был для него единственно и по-настоящему реальным. Мир «не-я» всегда казался Бердяеву неинтересным для постижения сам по себе, вне связи с внутренним миром «я». Понять И. Канта или Г.В.Ф. Гегеля значило для него раскрыть в самом себе тот же кантовский или гегелевский мир мысли. Нельзя познавать через объект, возможно лишь симпатическое общение с субъектом. Всю жизнь Н.А. Бердяев питал отвращение к официозу, торжественным мероприятиям и церемониям, свадьбам и юбилеям, напыщенным или условным речам, чинам, орденам и званиям. Подобное отвращение выражало глубинный метафизический бунт против объективации человеческого существования. Бердяевский пафос правдивости требовал от него обнаружить, открыть оголённую правду. В этом смысле, никогда не преувеличивая значения собственной творческой и социальной активности, он отдавал дань толстовской или даже нигилистической закваске. Н.А. Бердяеву казалось, что настоящая жизнь – в глубине, за всем этим кажущимся материальным миром. Лишь борения духа, горение творчества, внутренний творческий мир представлялись ему своими, подлинными, первородными, ценными.

Созданные гениальными умами теоремы, положения, открытые законы, теряют энергетику, огонь познания и жажду открытий людей, которые их совершили, застывая, как лава потухшего вулкана, и превращаясь в чёрную породу скучного обязательного знания, теряя ореол озарения и таинственности. Объективированные школьные знания, отделённые от личности создавшего их и их воспринимающего, лишены жизненной силы и продуктивности. Они получают созидающий, преобразующий импульс только в субъективации, под которой Н.А. Бердяев понимает «переход в сферу чистого существования»².

¹ Кувакин В.А. Религиозная философия в России: Начало XX века. — М.: Мысль, 1980. — С. 160.

² Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. — С. 376.

В любых событиях жизни раскрывается противостояние мира объективированного и мира экзистенциального. Обычные житейские наблюдения лишь подтверждают данный тезис. Допустим, следя за ходом футбольного матча, невольно приходишь к выводу, что далеко не всегда счёт на табло отражает течение игры. Бывают, как говорят, результаты по игре и не по игре. Это происходит потому, что счёт – это тоже своего рода объективация, относительность и скованность, омертвление бытия, полностью не отражающее его сути. Только подлинный, экзистенциальный счёт всегда верен. Школьная отметка, объективирующая энергию знания учащегося, также не всегда открывает подлинную экзистенциальную картину образовательного процесса. Само понятие объективной оценки выставляет ученика в качестве объекта, а не субъекта. Много говорится о важности объективной оценки, но мало – о значении субъективной, которая не всегда так уж плоха, как принято думать. Оценка – важнейшая категория этики и образования. Есть формальная оценка и оценка нравственная. Образование также, как и этика, субъективно, отталкивается от человека. Субъективна и оценка. Они имеют дело с человеком. По объективной шкале Н.А. Бердяев в своё время получил «единицу» из 12 баллов по Закону Божьему, но сегодня признан одним из самых выдающихся русских религиозных философов. Такой парадокс объясняется именно формальным подходом, объективированным отношением к человеку как носителю суммы ЗУНов или обладателю компетенции, но не как к индивидуальности и творческой личности. Нельзя превозносить экзистенциальное как единственный путь образования, но также не следует абсолютизировать объективированное, которое по сути своей всё же соотносительно духовному.

К слову, Б.П. Вышеславцев называет «абсолютирование относительного» причиной любой лжи – умозрительной, нравственной, религиозной¹. Так, в современном обществе священную корову сделали из частной собственности, денег, власти, секса, придав им абсолютный характер, в то время как духовно-нравственные ценности оказались преданы забвению. Политики правят народами при помощи мифов, а поддерживают эти мифы такие социально значимые общественные институты, как школа и церковь. Н.А. Бердяев возлагает надежды на перевоспитание человечества в духе правильного отношения к относительному как относительному, а не абсолютному без ложного пиетета перед ним². Позиция Н.А. Бердяева в отношении этики – также принципиаль-

¹ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Сост. В. В. Сапов. – М. : Республика, 1994. – С. 136.

² Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 490.

но антидидактическая, антиханжеская, антипуристическая. Многие системы нравственного воспитания неприятно отдают своей утопичностью, искусственностью и надуманностью. Для Н.А. Бердяева воспитание, как и педагогика выступают, как правило, в качестве ограничителей свободы, особенно, если это касается нравственного воспитания. Морализм для него – злейший враг духовности.

Объективация может быть как внешней, предметной, так и внутренней, идеальной, когда мы строим мыслительные конструкции, абстрагируясь от сущности явлений: «Объективация <...> духа обычно означает подчинение ограничениям сознания. Объективация имеет дело уже с рационализированным миром, с миром, обработанным понятиями. Поэтому тайна существования исчезает из этого мира»¹. Так зачастую само понятие образования становится таким размытым и отвлечённым, что теряет всяческую связь со своим подлинным духовным смыслом. В рациональных схемах и парадигмах теряется главное, то, на чём зиждутся все теории, – человек. В этом случае человек вновь становится средством – незаметно, походя, скрыто, лишая образование своего гуманистического истока, своей человеческой сущности. Такие имплицитные трансформации уводят нас от того, что мы называем гуманистическим образованием, для которого человек, каждая человеческая личность – главная цель.

В детстве влияние идеальной объективации слабее, чем во взрослом состоянии. Для ребёнка окружающие его вещи близки и одушевлённые. Каждый камушек и каждая веточка живы. С возрастом эти ощущения теряются, когда человек всё больше погружается в фиктивный мир, суету, хлопоты и бессмысленную работу, то, что Н.А. Бердяев называл дурной, количественной бесконечностью. Не в силах остановиться и насладиться настоящим, человек просто прожигает жизнь. Вспоминаем слова Христа: «Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний *сам* будет заботиться о своём: довольно для *каждого* дня своей заботы» [Мф 6:34]. Объективация девальвирует ценность жизни, делает скрытую подмену, бросает человека в рабство: или «мира вещей» (квазикультуры: стяжательство, вещизм, мещанство), или «мира идей» (псевдокультуры: эгоизм, пошлость, безнравственный интеллектуализм). Таким образом, человек уводится от собственного экзистенциального ядра, от духовного смысла существования.

В образовании идеальная объективация ещё более опасна, чем предметная, поскольку она менее заметна. Вообще, речь идёт о преодолении отчуждения человеческого духа от знания. А для этого нужно

¹ Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 270.

иметь представления об объективации человеческого духа. Внутренне связать знание с человеческой личностью – вот одна из важнейших задач образования. Н.А. Бердяев считал, что человек способен в конечном итоге только к самопознанию, то есть познанию того, что он есть сам: «Знание само есть бытие, живая функция бытия, ценность развития бытия»¹. Познание бытия и есть познание человека, ведь в определённом смысле человек и есть бытие, микрокосм, включённый и включающий в себя макрокосм. Это ещё одно из принципиальных утверждений Н.А. Бердяева. Только когда информация становится частью личности, она становится знанием. Человек инстинктивно противится всему чуждому, неизвестному, далёкому и стремится к своему, знакомому, душевно тёплому. Знание надо сделать таким духовно близким, связав его с личным опытом человека. Это и есть жизненность знания. По сути дела, знание не может не быть жизненным, потому что оно всегда моё, всегда близкое и родное. Нежизненной может быть пустая, «мёртвая» информация, не зацепившая личности. По мнению А. Трубникова, «образование должно быть по преимуществу ценностным, внутренним, а не просто внешне информативным. Поэтому научность не является единственным идеалом образования. Сильнейшим его мотивом должна быть личностная причастность»².

Личностность знания, личностность образования – ещё один важный постулат, который можно вывести из концепции Н.А. Бердяева. Знание всегда персонально, уникально, индивидуально, что не исключает и его универсальный характер, всеобщую значимость. Знание опирается на вполне конкретный опыт, особое восприятие мира, свойственное каждому человеку, что постулирует принцип индивидуальности в обучении.

Преподавание должно быть от ближнего к дальнему, от экзистенциального к объективированному, от конкретного к отвлечённому. Экзистенция конкретна и близка, объективация же есть процесс отчуждения, а посему её продукты далеки от личности. «Думают, что познавать – значит объективировать, т.е. делать чуждым, но подлинно познавать – значит делать близким, т.е. субъективировать, относить к существованию, раскрывающемуся в субъекте, как существующем»³. «...Познание

¹ Бердяев Н.А. *Философия свободы* // Бердяев Н.А. *Философия свободы* / Н.А. Бердяев; Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. – С. 80.

² Трубников А. *Духовность образования и трансценденция* // *Alma mater. Вестник высшей школы*. – 1998. – №8. – С. 11.

³ Бердяев Н.А. *Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения* // Бердяев Н.А. *Дух и реальность* / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 55.

не противостоит бытию, а совершается внутри бытия и с бытием, оно есть просветление бытия»¹.

Одна из важнейших задач образования – это общение. Но ему препятствует объективированная социальность, угроза столкнуться с Оно. В обществе человек пытается защититься, вступая в ролевую игру по чужим правилам, где он не таков, как на самом деле, объективируя в этой театральности собственное «я». При этом он жаждет выйти из своей «скорлупы» одиночества к другому «я», но опасается встретить не живую личность, а холодный объект. Одиночество, по мысли Н.А. Бердяева, предоставляет человеку право на охранение своего интимного, глубинного существования.

Моё образование – это всегда моё становление, моя жизнь, мой путь. Главное здесь – не поддаться соблазну душного индивидуализма, эгоизма, самозамыкания человека на себе самом: «Нет ничего противнее и разрушительнее, чем когда «я» эгоцентрически погружено в себя и свои состояния, забыв о других, о мире, о множественном и целом, т.е. не трансцендирует себя»².

Личность строится только в общении, в выходе из замкнутости единичного существования, в открытости миру и другим личностям. Н.А. Бердяев был уверен, что найти себя, прийти к себе можно только, если из себя выйти: «Только освобождение человека от себя приводит человека в себя»³. Протагор когда-то назвал человека мерилom всех вещей, что стало источником вдохновения для скептиков, релятивистов и позитивистов. Но заикленный на себе, оторванный от космического организма и абсолютного бытия человек не может выдвигать критериев истины. Как раз в этом заключается смысл соборности, духовного единения людей. Поэтому «Я» должно выйти из одиночества, но не через объективацию или романтическую субъективность, а через нравственно-педагогическую эволюцию личности, развитие духовности как восстановление целостности.

Н.А. Бердяев фактически заимствует диалогические диады М. Бубера «Я-Ты», «Я-Этот» (у Бердяева – «Я-Оно»), добавляя к ним «Я-Мы». При этом «мы» может быть как выраженной объективацией, если речь идёт о внешней социальной данности, так и экзистенциальным субъектом: «Объективированное «мы» есть социальный коллектив,

¹ Бердяев Н.А. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 60.

² Бердяев Н.А. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 82.

³ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 18.

извне данный всякому «я». Но существует «мы», как внутренняя общность и общение между «я», в котором всякий есть «ты», а не «оно»¹.

В этой связи уместно упомянуть И. Иллича и ключевое понятие его педагогической мысли «конвивельность» (conviviality) - искусство дружбы «во всей полноте его смыслов, т.е. дружба, взаимность, доверие и радость творческого взаимодействия»². Аристотель говорил о такой нравственной дружбе, которая даётся в подарок. Эта дружба между учителем и учеником, преподавателем и студентом дарит гораздо больше, чем формальное натаскивание. Позитивно заряженная атмосфера взаимодействия и взаимопонимания, атмосфера экзистенциального диалога позволяет личности выйти из сковывающих рамок социальности к Другому, к Мы. В отдельные моменты искра творчества пробивает экзистенциальное пространство, рождая новое, небывшее знание. Таким образом совершается экзистенциальное образование, образование на уровне существования, а не сущности. По-настоящему реально то, что экзистенциально. Оно имеет большую глубину и укоренённость. Сам Н.А. Бердяев мог захватывать публику, порождая подобную атмосферу доверия и взаимной вовлечённости.

Гений для Н.А. Бердяева – человек, выходящий из себя. Бердяев пересматривает понятие гениальности, представляя его в новом свете. Традиционный взгляд на природу гения сводится к врождённости экстраординарных способностей. Бердяев же убеждён, что каждый человек может быть гениальным. Гениальность для него – это выход из себя, нахождение контакта с Богом, трансценденция, позволяющая человеку проявлять свою божественную природу, когда он творит не из объективного, что есть ремесло, и даже не из субъективного, что есть талант, а из вечного, что преодолевает разрыв объективного и субъективного. Вот почему в творчестве гения говорит не он сам как «я», а вечность в его лице.

У Н.А. Бердяева – выходя из себя, мы приходим к себе. У С.Л. Франка – приходя к себе, мы выходим из себя. «Поэтому, чем глубже человек уходит во внутрь, тем более он расширяется и обретает естественную и необходимую связь со всеми остальными людьми, со всей мировой жизнью в целом»³. Эти два пути, по-видимому, не противоречат, а дополняют друг друга, потому что освещены светом одной

¹ Бердяев Н.А. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 92.

² Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир: (фрагменты из работ разных лет); пер. / И. Иллич; под ред. Т. Шанина; Моск. Высш. Шк. социальных и экон. наук. – М.: Просвещение, 2006. – С. 6.

³ Франк С.Л. Смысл жизни // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». URL: http://www.vehi.net/frank/smysl_zhi.html.

цели – соборного единения человечества, поиском истины. Франк переворачивает традиционное представление о гении как сумасшедшем геро-е-одиночке, фанатично преданном только ему одному интересному делу. У него гений – это самостоятельная личность, отвечающая своему призванию, следующая по своим стезям, всматривающаяся вглубь себя. Это человек востребованный во времени и пространстве, создающий из своих внутренних духовных богатств понятное и ценное для всех. Фигуре гения противостоит человек внешний, суетный, живущий в круговороте поверхностного, пустого общения, не привыкший к индивидуальности выражения, подражающий, конформный тип, бездумная жертва социализации, выброшенный вовне, внутренне одинокий, несмотря на кажущуюся внешнюю активность.

Но «выходя из себя» или «входя в себя» – это лишь внешние характеристики, трактующие один путь к Богообщению. Одинок человек без Бога, а не без сообщения с объектами в тараканьих бегах повседневности. Настоящее одиночество – это одиночество при столкновении с объектом. Призрачное социальное общение не может заменить духовной близости человека. Отгораживая себя от ненужных, пустых связей с объектами, человек должен стремиться к подлинному общению с субъектами. Вот почему бывает много знакомых, но мало друзей. Друзья воспринимают тебя не как объект, от которого можно что-то получить, а как экзистенциальный субъект, не как функцию, а как духовно близкое существо. Бессодержательная муть пустых досужих разговоров – мёртвый прах по сравнению с живым советом любящего и сочувствующего друга. Поистине велик труд педагога на пути преодоления объективации в межличностных отношениях с учеником. Но это единственный путь для того, чтобы найти ключ к его душе, сделать из объекта субъект, открыть его и установить экзистенциальный контакт. Можно сказать, что проблема объективации – центральная для педагогики.

Понимание знания в контексте противопоставления свободы и необходимости имеет двоякую природу. С одной стороны, знание в трактовке Бердяева выступает формой объективации. Но за знанием всегда стоит экзистенциальная сущность мира, открывающаяся при интериоризации знания. Забывают, что знание и информация – не тождественные вещи. Знание – живо, активно, о чём свидетельствует деятельностный подход. Знание хоть и претендует на объективность, но несёт на себе в то же время печать экзистенции. Оно не только объективно, но и субъективно, поскольку появляется в результате субъективации, соотношения с личностным опытом человека. Знание, как и объекты, окружающие нас, во многом символично. Но символ скрывает за собой реальное ядро существования. А посему в глубине своей, знание – экзи-

стенциально. С одной стороны, знание укоренено в мире природной необходимости, определяется его законами, а с другой стороны, оно находится в сфере духа, который тождествен свободе в трактовке Бердяева. Таким образом, налицо противоречие свободы и необходимости знания в русле учения Бердяева. Путь преодоления этого противоречия и есть путь становления человека, то есть его образование, становление определённого образа личности в нём. Данное противоречие, скорее всего, полностью неразрешимо, но здесь ценно само движение, важен сам путь. В течение жизни оно может преодолеваться в актах трансценденции, прорыва из этого мира в мир высший, что называют озарением и относят к существенной характеристике гениальности.

Образование – это трансценденция человеческого духа, который есть в-себе-бытие и имеет такую возможность, как выход за свои пределы в отличие от природного порядка вещей. В природном мире только человек способен трансцендировать, проявляя в этом своё божественное происхождение. Но образование – это не только восхождение духа (тогда это была бы гегелевская трактовка образования), но и нисхождение к человеческому в человеке. Человек не должен отрекаться от своей имманентной природы. Он должен её учитывать. Иначе это приведёт к фикции и лжереальности, поскольку лишает жизнь творческого заряда. Именно в этой связи Н.А. Бердяев критикует аскетизм как уход от мира, уход от жизни, уход от борьбы за то, чтобы сделать мир лучше.

Объективированное образование связано с грехопадением человека. Оно по сути своей всегда ущербно и выражает падшество твари. Н.А. Бердяев отмечает, что греховность человека означает потерю внутреннего Солнца и замену его Солнцем внешним¹. Очутившись во тьме, человек уже не может излучать свет, быть «Солнцем Мира», и вселенная перестала ему подчиняться. Можно вспомнить ветхозаветного Адама, который имел власть давать имена вещам. Ныне люди бьются в темноте и холоде, получая энергию и свет извне. Отсутствие света, тьма, выпадение Солнца из человека и есть объективация духовной жизни человека в понимании Н.А. Бердяева. «Подлинное» образование связано с просветлением, просвещением. В то же время «существует лжепросвещение, просветительство, всегда разрушительное по своим последствиям для религиозной жизни, и есть истинное просвещение, истинный свет знания, подлинное просветление сознания, преодоление того обскурантизма, который задерживает христианство на низшем уровне и скрепляет его с суевериями и предрассудками»².

¹ Бердяев Н.А. Истина и откровение. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. – С. 149.

² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 87.

Нельзя смешивать просвещение Нового времени с русской, православной традицией его понимания, на что обращает внимание А.А. Корольков¹: «Просвещение – это постижение божественного света, света Истины, таков изначальный смысл этого понятия. Просвещение – это труднейший процесс постижения высших смыслов бытия...». Но есть ещё просветительство как «разъяснение усвоенного знания, преимущественно книжного происхождения». Истинное просвещение требует сложнейшего внутреннего делания, духовной работы, аскетического очищения, созерцания, умения выявлять духовные соблазны и лишь отчасти связанного с постижением книжной мудрости. Примером такого просветительского подвижничества может считаться исторический опыт Иосифа Волоцкого с его полемическим сочинением «Просветитель».

Просвещение – это просветление духа человека, обретение им сыновства у Бога, раскрытие своего истинного предназначения. Н.А. Бердяев говорит о свечении изнутри, внутреннем Солнце, свете Истины. Это высшая форма познания, познание богочеловеческое, мистический опыт, дающий целостное восприятие мира, в котором нет разрыва, всё внутри человека, нет ничего внеположного, всё внутри и со мной².

А.Е. Крикунов в монографии «Феномен образования в русской персоналистической философии» приходит к выводу, что Н.А. Бердяев легитимирует образование, прежде всего, как действие объективированного. При этом затухает экзистенциальный смысл образования, который, на наш взгляд, наиболее рельефно проступает в его взглядах. На передний план выдвигается традиционное понимание образования как целенаправленной, специально организованной системы обучения и воспитания, осуществляемой определёнными общественными институтами. Образование предстаёт как нечто оформленное, как структура, даже как остывший продукт творчества, но не как само творчество, не как порыв и прорыв, не как экзистенциальное общение: «...Момент становления структуры, то есть, буквально, момент образования становится очевиден»³. «Он [субъект] теперь выступает как «образованный», то есть наделённый формой, которую сам воспринимает как устойчивую»⁴. Вместе с тем, буквальное рассмотрение философии Н.А. Бердяева как педагогической системы в контексте его отношения к формально понятию образованию, с нашей точки зрения, является малопродуктивным.

¹ Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – С. 18-19.

² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 172-174.

³ Крикунов А.Е. Феномен образования в русской персоналистической философии: монография. – Волгоград: ВГПУ, Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – С. 226.

⁴ Там же, с. 227.

Образование в интерпретации А.Е. Крикунова фактически отождествляется с категорией смирения и предстаёт, по сути, как ограничение свободы. Смирение для него – это «свободное подчинение»¹, которое, с одной стороны, освобождает, а с другой, ограничивает, при том, что здесь отсутствует дерзость неподчинения. Структуру смирения Крикунов недвусмысленно переносит на структуру всего образования, поскольку человек смиряющийся свободно подчиняется истине. Но образование исключительно в качестве послушания и смирения также не даёт нам полной картины бердяевской мысли, в определённой мере ограничивая её.

Наша трактовка исходит из позиции самого Н.А. Бердяева и основ православной антропологии, на которые он, безусловно, опирался. Образование экзистенциальное – это не стремление к конечному, а стремление к бесконечному, не к структуре, а к существованию, не к объективированному, а к духовному. Здесь речь идёт об образовании «подлинном», внутреннем, а не «внешнем», объективированном. Всё сказанное А.Е. Крикуновым справедливо только для второго типа. Поэтому размышлять об образовании как структуре в философии образования Н.А. Бердяева представляется возможным только в отношении объективированного образования, внешнего, институционального.

Образование можно понимать двояко – и как экзистенцию, и как объективацию. Западная этимология этого термина как «построение», «формирование» (лат. *formatio*, нем. *Bildung*) отличается от русского слова «образование», корнем которого является «образ». О.В. Долженко² приводит этимологический анализ слова «образ» как сочетания двух морфем – «об» и «раз», обозначающих объединение различного, двух планов бытия – внутреннего и внешнего. В древности каждая из них имела самостоятельное значение. «Об» – движение по кругу, нахождение рядом с чем-либо, предельно близко к чему-либо, то есть наличие значения собирательности. «Раз» – действие, в результате которого появляется какое-то разъединение, различие, разделение. Значит образ – всегда объединение различного. Когда номинируется противоположный процесс разделения чего-то единого, то «раз» ставится перед «об», как в слове «раз-об-щение». Жизнь, по Долженко, есть самосохранение образа, что само по себе предполагает субъекта, дающего образу жизнь. Помещая себя внутрь образа, он ОБъединяет два РАЗличных пространства: внутреннее (субъектное) и внешнее (объектное); внутреннее простран-

¹ Крикунов А.Е. Феномен образования в русской персоналистической философии: монография. – Волгоград: ВГПУ, Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2007. – С. 216.

² Долженко О.В. Очерки по философии образования: учебное пособие. – М.: Промо-Медиа, 1995. – С. 52-53.

ство образа как бы смыкает внешние, стремящиеся к разъединению элементы. Таким образом, субъект включается в мысленный образ.

Религиозно-философский взгляд в православной традиции, по словам А.А. Королькова, заключается в утверждении, что «образование – это вочеловечивание, предполагающее созидание и самосозидание личности, приближающейся к идеальному Образу»¹. Образование – это восстановление образа Божия в человеке, что прот. Е. Шестун трактует как «восстановление целостности человека, предполагающее развитие всех его сил, всех его сторон, соблюдающее иерархический принцип в устройении человека. Иерархический принцип требует такого устройства человека, при котором образ Божий мог бы раскрыться во всей силе, во всей полноте»². Образ Божий раскрывается «преимущественно в духовной природе человека, в возможности преодолевать свою чувственную природу, возвышаться над законами материального мира, во власти человека над природой, в возможности достижения бессмертия, в разумности человека, в свободе, в совести, в творческих способностях, в способности человека ответить на любовь Божию своею любовью к Нему и к Его творению, в чувстве ответственности человека за все творения»³.

Образование не имеет самостоятельного существования, существует лишь образование человека. Вне человека – это есть лишь продукт идеальной объективации: «Ничто объективное, ставшее объектом, не имеет внутреннего существования. Внутреннее существование имеет лишь субъект, внутреннее существование имею «я» и имеешь «ты», имеем «мы»⁴. Поэтому возможно лишь образование субъекта, но не объекта. Данный подход несёт в себе значительный гуманистический заряд. В связи с этим правильнее было бы говорить о философии образования человека или педагогической антропологии.

Учение Н.А. Бердяева об объективации имеет и более практико-ориентированное приложение, позволяя по-новому посмотреть на конкретные дидактические вопросы. К примеру, хрестоматийная классификация стилей педагогического общения – авторитарный, демократический и либеральный – приобретает иную конфигурацию: стиль открытый (свободный, экзистенциальный) и стиль закрытый (формальный, объективированный).

Если сопоставить идеи Н.А. Бердяева с определёнными философско-педагогическими построениями, то можно прийти к интересным ре-

¹ Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – С. 332.

² Шестун Е. Православная педагогика. – М.: Про-Пресс, 2001. — С. 31.

³ Там же, с. 31.

⁴ Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 260.

зультатам. С.И. Гессен в знаменитых «Основах педагогики», представляя свою образовательную концепцию в духе неокантианства, уделяет внимание значению эпизода в обучении, особенно на начальной ступени¹. В рамках экзистенциальной философии Н.А. Бердяева эпизод будет выступать как личностно значимый момент «рождения» нового знания через контакт с экзистенциальным ядром личности. Всё преподавание вообще следует строить с учётом необходимости проникновения знания в глубины человеческого «Я» и срастания с ним.

Традиционное разделение наглядности по внешним признакам, например, по источнику знания (иллюстрация, демонстрация; предметная, изобразительная и словесная) или источнику восприятия (зрительная, слуховая, тактильная и т.д.) должно быть дополнено внутренней, экзистенциальной составляющей. Внешняя наглядность направлена, прежде всего, на репродуктивную работу органов чувств; внутренняя наглядность предполагает творческое, а, значит, личностное восприятие. Предложенная С.И. Гессеном классификация наглядности как внешней, «эмпирической» и внутренней, активной² очень проста и отражает сущность данного дидактического принципа, удачно вписываясь в рамки концепции объективации (см. таблицу ниже). Если внешняя наглядность объективирует полученную информацию в идеальный план, то внутренняя её субъективирует, переводя на уровень экзистенциального усвоения. Поэтому можно говорить об экзистенциальной наглядности, как методе совмещения знания с личностным опытом человека. Средства же могут быть различными: изобразительные, видео, аудио и т.д. Но всё же важнейшим остаётся влияние личности учителя, экзистенциальное общение личностей.

Наглядность	
внешняя	внутренняя
чувственная, пассивная; преимущественно механическое восприятие	чувственно-интеллектуальная, активная; включение памяти, опыта, ассоциаций
<i>объективация</i>	<i>субъективация</i>
власть объекта	включение личности, субъекта

В рамках теории объективации в новом свете предстаёт проблема адогматического образования. Нередко педагоги забывают, что знание – не догма, а открытая система. Задача такого образования – ставить

¹ Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Отв. ред. и сост. П.В.Алексеев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – С. 276-294.

² Там же, С. 289-294.

научные проблемы, а также помогать учащимся самим выявлять эти проблемы. Догма есть застывшее знание, объективация реальности. Прорыв творческого поиска в науке разрушает эту скованность. Поэтому экзистенциальное преподавание – это адогматическое преподавание науки, открытой для своего развития, не ставшей замкнутой системой, удушливой схоластикой. Прорыв к подлинному научному знанию – это экзистенциальный прорыв.

Концепция объективации Н.А. Бердяева была неоднозначно принята в философских кругах России. Так, В.В. Зеньковский весьма скептически отзывается об этих взглядах, фактически обвиняя мыслителя в солипсизме: «Вообще всё это учение об объективации <...> на том ведь только и держится у Бердяева, чтобы отделить личность от мира, освободить её от мира, до конца вобрать всякое творчество (в том числе и моральное) внутрь человека»¹. Действительно, объективация, на первый взгляд, обесмысливает эмпирическую действительность, признавая всё объективированное фиктивным. Однако подобные упреки в отвлечённом спиритуализме нельзя назвать вполне справедливыми. Как христианский мыслитель, Н.А. Бердяев не мог быть сторонником полного разрыва плоти и духа.

Христианство в отличие от жизнелюбивого греческого культа или отрешённого от мира буддизма предполагает соединение небесного и земного планов бытия. Е.Н. Трубецкой в «Смысле жизни»² выделяет контраст между пустотой индийского неба и яркой наполненностью неба христианского, освящённого Божественным, воплотившимся на земле, оправдавшим материю. Сам символ креста означает это соединение земного и небесного; обе линии, скрещиваясь, отражают два главных направления жизненного пути — горизонтальная линия или плоскостная, и вертикальная или восходящая, стремление перед собой и стремление ввысь. Небеса без земли безжизненны и пусты, оторваны от целостности и от смысла, равным образом как и самоутверждающаяся земля, отъединённая от неба. Поэтому всемирный смысл является только в единении земного и небесного. Каждая из двух линий жизни в отдельности не может быть оправдана; только в скрещении обеих можно найти оправдание жизни как целого. Полное устранение границы потустороннего и посюстороннего может обнаружиться в торжестве всеединного смысла над бессмыслицей. Победу света над тьмой, духа над материей Е.Н. Трубецкой, также как и Н.А. Бердяев, видит в её одухотворении и просветлении, «ибо в предвечном божественном замысле свет, ко-

¹ Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – С. 726.

² Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Сост. А. П. Полякова, П. П. Апрышко. - М.: Республика, 1994. – С. 57.

торый во тьме светит, есть свет животворящий. Победа его над тьмой должна выражаться не в поверхностной игре световых волн, а в одухотворении материи и внутреннем, органическом с нею соединении»¹. Это выражено в христианском откровении воскрешения, которое должно пониматься как «откровение будущей духовной телесности»².

Н.А. Бердяев также не предлагает отказываться от мира. Напротив, он предлагает преобразить этот мир, перейти к реальностям, лежащим в его основе, уйти от фикций сознания. Объективация не означает нереальности внешнего мира, но свидетельствует о недолжном состоянии вражды, рабства, несправедливости, ограниченности, необходимости, в которые мир погружён. Неслиянность, несоединённость, отчуждение и конфликт присущи неподлинному состоянию мироустройства и вызывают к просветлению и преображению феноменального бытия.

Философ прекрасно понимал, что его теория объективации может иметь определённый заряд пессимизма в случае её неправильной, односторонней трактовки. Но данный путь раздвоения, прохождения через испытание разъединённостью, изживания греховного несовершенства необходим, чтобы человек смог вновь вернуться к себе, пережив неизбежную трагичность диалектики духовного развития. Н.В. Мотрошилова подчёркивает, что Н.А. Бердяев далёк от отрицания объективированной духовности³. Он лишь выступает за правильное понимание явления объективации, которая не является основной реальностью, да и в принципе реальностью духа. И только живой, мыслящий, переживающий человек, экзистенциальный субъект способен оживить эту сферу, сделать её реальной.

Немецкая классическая философия в лице И.Г. Фихте находит решение данной проблемы в иерархизации, подчинении низшего начала высшему, царства природы царству свободы, на что обращает внимание Б.П. Вышеславцев: «Независимость от природы означает, следовательно, зависимость природы от нас»⁴. «Не бесконечное отрешение от природы составляет задачу этики, а *бесконечное формирование природы*»⁵. В этике Фихте свобода и природа предстают как взаимосвязанные и взаимозависимые ступени, как высшее и низшее, качественно отличающиеся друг от друга, подчас даже противоположные, но не взаимоисключающие. Как раз наоборот, полное воплощение свободы означает

¹ Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Сост. А. П. Полякова, П. П. Апрышко. – М.: Республика, 1994. – С. 128.

² Там же, с. 137-138.

³ Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьёв. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов). – М.: Республика; Культурная революция, 2007. – С. 272.

⁴ Вышеславцев Б.П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. – Москва: Печатня А. Снегиревой, 1914. – С. 336.

⁵ Там же, с. 337.

преображение природы. Тело же есть храм духа, а не земная необходимость бренного тлена, как полагает отрешённый идеализм. Вышеславцев вслед за Фихте призывает «признать идею одухотворённой, этизированной, спасённой природы»¹.

Подлинное изменение – это всегда изменение внутреннее, а не внешнее. В основе любой материи лежит идея, но идея, не созданная человеческим разумом. Вспомним Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [Ин 1:1]. Во всех материальных объектах заложена духовная ткань экзистенции. При таком понимании мир не девальвируется, но, наоборот, ему придаётся ещё большая ценность, глубина и сложность, он одухотворяется и наполняется неосознаваемым доселе смыслом. В каждом живом существе, во всей неживой природе есть возможность применения творческой энергии и преобразования. Таковую миссию должен выполнить человек как посланник Бога и венец творения. Педагогическое творчество в этой связи – это творчество преобразования себя и окружающего мира. Образование – это и есть путь преобразования.

Однако полное преодоление объективации в рамках этого мира невозможно, иначе мы существовали бы в сфере чистого духа. Понимание феномена объективации помогает нам выстроить более правильное отношение к миру, позволяет увидеть его в большей сложности, чем кажется. Такой взгляд избегает одномерности мышления, ведёт к открытию многомерности мира. Это своего рода этическая легитимация жизни, оправдание мира и образования, придание им большего смысла через раскрытие внутреннего механизма совершенствования путём преодоления объективации. Здесь поднимается вопрос о бесконечности стремления, которое не даёт желаемого результата. Вместе с тем, бесконечность идеала ещё не говорит о его недостижимости также, как потенциальная бесконечность составляющих отрезка между двумя точками или многоугольников, вписанных в круг, не свидетельствуют о фиктивности этих фигур, а лишь указывают на их бесконечность. С точки зрения этики, философии образования, духовно-нравственного воспитания Н.А. Бердяев в своём учении об объективации своеобразно раскрывает христианскую проблематику строения мира и его преобразования, отдавая приоритет духовному началу.

Нельзя отрицать значения объективированного образования. Так, связанное с объективацией насилие является необходимым условием педагогического процесса, о чём знает любой педагог-практик. Б.Т. Лихачёв, анализируя дихотомию «насилие-ненасилие», приходит к выводу

¹ Вышеславцев Б.П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. – М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. – С. 374.

о том, что «в соответствии с законами диалектики, правильно понятая и целесообразно использованная необходимость насилия превращается в добродетель»¹, и, исходя из этого, «можно с полной уверенностью утверждать, что объективное, природно и социально необходимое существующее воспитательное взаимодействие детей и взрослых, целесообразно и жизненно осмысленное, мастерски применённое насилие-благо и есть педагогическое ненасилие»².

В обыденном представлении духовность выступает как качество, противостоящее материальному и телесному, нечто не от мира сего, идеальное и нереальное. Антитеза духовного и плотского прослеживается и в учениях Отцов церкви. Однако абсолютирование духовного, отречение от материального, односторонняя подмена не отражают подлинной сути христианства, являясь, по существу, идеальной объективацией, искажением христианского вероучения, на что обращает внимание Н.А. Бердяев: «Духовность» не противоположна «телу» или «материальному», а означает его преображение, достижение высшей качественности целостного человека, реализацию личности»³. «...Чистое христианство отрицает не мир, т.е. не мир как космос, а мир неправды, лжи, ненависти, рабства, греха и требует его изменения, искания Царства Божьего»⁴. Подобным образом, теория объективации – это не отказ от мира, а призыв к его преображению, и духовно-нравственное воспитание – не схоластический морализм, а путь обретения целомудрия, то есть целостности человека, в объединении духовного и телесного.

Объективация как основополагающая категория философии Н.А. Бердяева имеет выход на проблемы свободы и творчества, которым противостоят рабство и необходимость. Образование объективированное, институциональное противостоит образованию внутреннему, экзистенциальному. Экзистенциальное образование характеризует качество существования человека, отражает его духовное восхождение, стяжание им истины. Объективированное образование связано с количественными, внешними признаками, оно в какой-то мере фиктивно. Погоня за дипломами (то, что в англо-саксонской традиции называется *credentialism*), степенями и званиями, дающими социальный статус, выражает собой явление социальной объективации образования. Неподлинность образования олицетворяет ложь и обман. Поэтому объективированное образование приобретает неизбежно негативную коннотацию. По сути, в этическом измерении это есть проявление зла. Экспликация образова-

¹ Лихачёв Б.Т. Педагогика противления злу ненасилием // Педагогика. – 1998. – №4. – С. 20.

² Там же, с. 21.

³ Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 257.

⁴ Там же, с. 373.

ния экзистенциального и объективированного, образования как добра и зла, конечно, условна, поскольку это понятия разного уровня, но в определённых воплощениях в действительности это приобретает реальный смысл. «Подлинное» образование выражает реальности, истину, а потому имеет позитивную этическую окрашенность. Но следует отметить, что образовательная действительность предполагает взаимопроникновение экзистенциального и объективированного в образовании, не существует какого-то «стерильного» образования – будь то экзистенциальное, или объективированное, и их взаимодействие – это и есть то, что мы называем образованием.

Суммируя вышесказанное, можно сказать, что учение об объективации Н.А. Бердяева имеет фундаментальное значение для теории образования, обосновывая дихотомию «подлинного» (экзистенциального) и «неподлинного» (объективированного) образования, восходящую к противопоставлению ноуменального и феноменального миров И. Канта, а также различению внутренней и внешней образованности И.В. Киреевского. Отдавая должное системе формального образования как неотъемлемого следствия и инструмента претворения этики закона, мысль Н.А. Бердяева всё же устремлена к экзистенции, творческому становлению личности человека на путях этики свободы и творчества. Однако в реальности два плана действительности (экзистенциальный и объективированный) постоянно пересекаются, в том числе и в образовательном процессе, образуя всю сложность феномена образования. Трансценденция, экзистенциальный контакт, прорывы из объективации происходят в ходе педагогического общения, когда обе стороны воспринимают друг друга как субъектов. Субъективирование, переход от объекта к субъекту, открытие Другого – важный «механизм» образования, который творит знание из информации на основе личностной причастности.

2.2. Идеал образования личности в этике Н. А. Бердяева

Один из ключевых признаков объективации – обезличивание. Вместе с тем, по замечанию И.Ю. Добродеевой, «главное для Бердяева – утвердить идею о примате личного над безличным»¹. Замечательно написал по этому поводу Б.П. Вышеславцев: «Личность как самоцель может игнорировать царство целей и отвергать его детерминацию, но царство целей не может игнорировать ценность личности и необходимо содержит в себе личность как самоцель»². Тезис – путь образования важнее, чем его цель – как раз и означает преодоление объективации как рабства у целей. Это значит – образование здесь и сейчас, а не когда-то потом.

Особую опасность представляет собой «подмена духовного идеальным»³, своего рода идеальная объективация. Можно согласиться с Т.А. Кузьминой в том, что «...и идеал, и программа, и цель, <...>, суть лишь определенные объективации и случайные конкретизации человеческих возможностей...»⁴. Выход из объективации – становление личности: «Человек должен реализовать личность. Личность есть дух, свободный дух, и связь человека с Богом. Связь человека с Богом вне объективации и вне ложной погружённости человека в свой замкнутый круг, через неё раскрывается бесконечность и вечность и подлинная красота»⁵. Этика Н.А. Бердяева – ориентир в «духовной навигации» человека (В.М. Розин) на пути становления его личности.

Угроза безличности неизменно фигурирует на страницах трудов Н.А. Бердяева. Нас интересует проблема безличности в образовании. Специалист, функционер, сотрудник корпорации, так называемый «офисный планктон», во многом отражают современный идеал безличности. В.М. Розин приводит один из идеалов образованности настоящего времени, «человека корпоративного», напоминающего в своём логическом пределе античного Протея. Это человек без устойчивого социального лица, перманентно непостоянный, меняющийся, не обладающий устойчивыми чертами, систематически приспособляющийся к текущим условиям⁶.

¹ Добродеева И.Ю. «Новая этика» Н.А. Бердяева // Этнос религиозного опыта / Т.Б. Любимова, А.Н. Лазарева, Д.Н. Казаков и др.; Отв. ред. И.Н. Михеева. – М.: ИФРАН, 1998. – С. 61.

² Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Сост. В. В. Сапов. – М.: Республика, 1994. – С. 103.

³ Добродеева И.Ю. «Новая этика» Н.А. Бердяева // Этнос религиозного опыта / Т.Б. Любимова, А.Н. Лазарева, Д.Н. Казаков и др.; Отв. ред. И.Н. Михеева. – М.: ИФРАН, 1998. – С. 61.

⁴ Кузьмина Т.А. Экзистенциальная этика Н.А. Бердяева // Этическая мысль. Вып. 8 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФ РАН, 2008. – С. 98.

⁵ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря / Сост. и послесловие П.В. Алексеева. – М.: Республика, 1995. – С. 148.

⁶ Розин В.М. Философия образования: Этюды-исследования. — М: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2007. — С. 33.

Здесь уместно вспомнить и о проблеме «социального заказа» как конкретного воплощения обезличивающей универсализации человека, о чём говорит Н.А. Бердяев: «Мы живём в эпоху «социального заказа». Социальный заказ масс определяет, чем должны быть культура, искусство, литература, философия, наука, даже религия. И нет социального заказа на высшую качественную культуру, на духовную культуру, на настоящую философию, на настоящее искусство. Социальный заказ существует главным образом на технику, на прикладное естествознание, на экономику, нет заказа на то, что связано с духом и духовностью»¹.

Видимая безобидность социального заказа создаёт иллюзию его необходимости. И. Иллич справедливо замечает, что «школа сегодня приравнивается к образованию, как прежде церковь приравнивалась к религии»². Он сравнивает школу с рекламным агентством, которое заставляет вас поверить, что вам нужно именно то общество, которое существует. Социальность институционализирует ценности, вымывая их из человека. Вместо личности – функция, роль. По мнению Иллича, ценность человека, завязанного на социальной институционализации, определяется объёмом перерабатываемого им «мусора»³. Поклонение социальности и общественным институтам – это путь дегуманизации человека, и сможет ли мир снова обрести глобальное равновесие, зависит от деинституционализации ценностей.

М. Фуко приравнивает школу к тюрьме, где происходит объективация человека с помощью власти через знания: «Учебный процесс объективирует ученика, который обязан продемонстрировать нужные знания, отсеять случайные. <...> Несмотря на то, что власть реализуется во всём социальном пространстве, в любом учреждении, идеальным пространством её остаётся тюрьма. <...> Тюрьма, равно школа, есть пространство нормализации индивидов»⁴.

Ф. Ницше наиболее радикален. Он заявляет, что «образовательных учреждений не существует!»⁵. Общество требует быстроты образования «для того, чтобы быстро превратиться в существо, зарабатывающее деньги»⁶, и достаточной основательности «для того, чтобы зарабатывать

¹ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 216.

² Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир: (фрагменты из работ разных лет): пер. / И. Иллич; под ред. Т. Шанина; Моск. Высш. Шк. социальных и экон. наук. – М.: Просвещение, 2006. – С. 136.

³ Там же, с. 126.

⁴ Бейсенова Г.А. Мишель Фуко: образование-знание-власть // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – №3. – С. 258.

⁵ Ницше Ф. О будущности наших образовательных учреждений // URL: <http://www.nietzsche.ru/read-13.php>.

⁶ Там же.

их очень большое количество»¹. Культура измеряется интересами наживы и претензией на земное счастье. В поклонении специализму Ницше находит «отдаление от истинного образования: верность в малом, верность ломовика получает значение декламационной темы, невежество относительно всего, что лежит за пределами специальности, выставляется на показ как признак благородной скромности»². Рыночный подход в образовании превращает последнее в рынок, сферу услуг, то, что можно назвать объективированным образованием, задавленным социальностью. Западный протестантский подход, связанный с извлечением выгоды из всего, получением прибыли, «зарабатыванием» во что бы то ни стало и на всём, на чём можно и нельзя, чтобы «делать» из всего деньги, не соответствует духу христианской этики нестяжательства.

Ни для кого не секрет, что доминирование классно-урочной системы объясняется во многом её экономической эффективностью, то есть соотношение затрачиваемых средств и получаемого результата считается оптимальным. На первое место здесь ставятся государственные и общественные интересы, но никак не интересы конкретного человека. Широко распространённый и фактически утверждённый в качестве основной педагогической парадигмы компетентностный подход видит в человеке винтик, элемент социального механизма, профессию, в конце концов, но не личность. Довольно чётко суть подхода определил Ж.-Ф. Лиотар: «В контексте утраты легитимности (делегитимации) университеты и институты высшего образования подчиняются отныне требованию формирования компетенций, а не идеалов: столько-то врачей, столько-то преподавателей той или иной дисциплины, столько-то инженеров, столько-то администраторов и т.д. Передача знаний не выглядит более как то, что призвано формировать элиту, способную вести нацию к освобождению, но поставляет системе игроков, способных обеспечить надлежащее исполнение роли на практических постах, которые требуются институтам»³.

Тип компетентного специалиста, ограниченного своей сферой деятельности, далёк от гуманистических идеалов, формально провозглашаемых программными документами системы образования. Такой подход основан на внешней, но не на внутренней иерархии ценностей, на социальной, но не личностной значимости. Государство заботится о своих интересах, общество – о своих, но и личность не должна забывать о собственном назначении. Для Н.А. Бердяева «в иерархии духовных ценно-

¹ Ницше Ф. О будущности наших образовательных учреждений // URL: <http://www.nietzsche.ru/read-13.php>.

² Там же.

³ Лиотар Ж.-Ф. Преподавание и его легитимация через результативность // Официальный сайт Б.М. Бим-Бада / URL: http://bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1052.

стей первое место принадлежит личности, второе место обществу и лишь третье место государству. Но в мире социальной обыденности, в мире греховном ценность низшая приобретает наибольшую силу, ценность же высшая наименьшую. Наибольшей силой обладает государство, затем следует общество, и наименьшей силой обладает наибольшая ценность личности»¹. Это есть прямое следствие этики закона, которая не считается с внутренним миром человека, но лишь нормирует его внешние проявления, основываясь на внешней иерархии, а не на иерархии внутренней.

Важно понимать, что есть мораль, которая отражает интересы государства или общества – мораль государственная или общественная, и мораль, отражающая интересы личности – мораль личности, и они не всегда совпадают. Н.А. Бердяев напоминает, «что свобода есть не только свобода в обществе, но и свобода от общества, граница, которой не хочет признать общество в отношении человеческой личности»². Суть христианства в том, суббота для человека, а не человек для субботы, равно как и государство или общество для человека, а не наоборот. Для Н.А. Бердяева империи и царства есть ничто в сравнении с человеческой личностью, и должно бороться за священное право автономии человека от тотального диктата государства или общества. Это предполагает высшее духовное качественное состояние освобождения не только и не столько от внешнего подчинения путём социально-политической революции, сколько от рабства внутреннего, поэтому это акт духовного освобождения, великое движение человеческого духа.

У Х. Ортеги-и-Гассета в «Восстании масс» в главе с красноречивым названием «Варварство специализма»³ отмечается, что появился новый тип учёного-специалиста, беспримерный в истории, человек чуть выше среднего уровня, знающий одну-единственную дисциплину, и то лишь ту малую долю, в которой занят. Но пугает то, что он кичится своим невежеством во всём остальном, именуя стремление к широкому целостному знанию дилетантизмом.

Преклонение перед «профессионалами» и клеймление «дилетантов» широко распространено в научных кругах, да и в общественном мнении в целом. Такое положение вещей имеет под собой реальные основания, если мы говорим о мошенниках, шарлатанах, лженаучных и псевдонаучных притязаниях жуликов или же о случаях банальной необразованности или некомпетентности. Но при этом нельзя забывать, что

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 175.

² Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря / Сост. и послесловие П.В. Алексеева. – М.: Республика, 1995. – С. 106.

³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Сб.: пер. с исп. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – С. 104.

диплом вуза не является гарантией профессионализма. Добросовестный знахарь может сделать гораздо больше пользы, вылечить большее количество людей, чем бездарный врач, убивающий своих пациентов и ссылающийся при этом на врачебную ошибку. Фактически он получает лицензию на убийство, за которое его невероятно сложно привлечь к ответу. В случае же ошибки народного целителя, последний получает сполна только за то, что не получил карт-бланш от государственной машины в виде диплома определённого образца. Также хакер-самоучка способен куда лучше научить обращаться с персональным компьютером, чем «зашколенный» преподаватель информатики, погрязший в сухости теоретических формул вместо того, чтобы обеспечить реальную практику работы с электронной машиной.

Но решение цели образования – обожения человека – находится за пределами образования в рамках общества. Н.А. Бердяев видит глубину проблемы не в общественно-государственном устройстве, а в приоритете свободы личности над тиранией общего, безграничной властью социальных и государственных институтов. Подлинная свобода человеческой личности имеет духовные истоки, а не социальные и определяется, прежде всего, её духовной, а не социальной родиной. Социологический позитивизм же провозглашает общество главной ценностью и ориентиром человеческой жизни, но не способен раскрыть таинство свободы.

Духовность – «субъектность существования», преодоление объективации и разделения на объект и субъект. Реален только субъект, объект же есть порождение сознания человека, то есть продукт объективации: «...«Объективное» как раз «субъективно», «субъективное» же «объективно». Ибо субъект — создание Бога, объект же есть создание субъекта»¹. Н.А. Бердяев определяет экзистенциальную философию как познание субъекта через соучастие, приобщение к предмету в отличие от объективированных, интеллектуалистических, антиперсоналистических учений.

У Н.А. Бердяева личность – непреходящая ценность, и поэтому не идёт речи о равноценности субъекта и объекта, хотя он и неоднократно указывает на земную ограниченность данного противопоставления. Личность у Н.А. Бердяева выше и объекта, и субъекта, она трансобъективна, также как и транссубъективна. Идеал – это «трансцендентальный человек», описываемый в «Истине и откровении»² как своего рода глубинный человек, который не находится под властью необходимости и

¹ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 393.

² Бердяев Н.А. Истина и откровение. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. – С. 14.

отчуждения, не знает субъект-объектного различия, выражает сопричастность к подлинной духовной свободе. Его нельзя познать с помощью теорий объективной гносеологии, поскольку он выпадает из сферы действия идеальной объективации.

Преодоление разделения на субъект и объект находится в центре внимания не только Н.А. Бердяева, но и, например, Б.П. Вышеславцева¹. Последний видит разгадку проблемы субъекта и объекта в принципе *coincidencia oppositorum*, единства противоположностей. Различение снимается, когда оно будет исчерпано, в чём можно усмотреть один из смыслов истории и образования как её движущей силы. Вышеславцев видит этот путь в переходе от онтологии (логики), где субъект есть источник заблуждения, а объект означает подлинность, к этике, где, наоборот, субъект есть цель, а объект – средство, и, наконец, к эстетике, где важность и ценность субъекта и объекта сливаются, где они равнозначны. В нашем исследовании это важно с точки зрения снятия объективации в идеале образования, где этика выступает в качестве пути к инобытию трансцендентального человека Н.А. Бердяева.

Одухотворение, преображение, обожение человека предполагает, что настоящий человек, настоящая личность стремится преодолеть власть тлена. Одухотвориться, преобразиться, обожиться значит выполнить своё человеческое предназначение, очеловечиться в трактовке Н.А. Бердяева, то есть выйти из под власти объективации, земных рамок, ограничений природы и общества². При этом преображении душа и тело не умерщвляются, но одухотворяются, обретают новое качество существования³.

Образ личности, выдвигаемый мыслителем, приоткрывает перед нами его образовательный идеал. Это не массовый индивид и не замкнутая в себе индивидуальность, но творческая личность. Человек в понимании Н.А. Бердяева есть субъект существования, преодолевающий мир и себя самого на путях творчества. Выход из давящей необходимости действительности, определённости, замкнутости мира составляет основную загадку творчества, поэтому «в этом смысле творчество есть трансцендирование. В более глубоком смысле творчество есть победа над небытием»⁴. Творчество, наряду со свободой, выступает в качестве ведущей категории персонализма Н.А. Бердяева. Личность у него

¹ Вышеславцев Б.П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. – Москва: Печатня А. Снегиревой, 1914. – С. 262-263.

² Бердяев Н.А. Истина и откровение. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. – С. 17.

³ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 44.

⁴ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 507.

есть энергичное средоточие творчества. И спасение уготовано личности творческой.

Важнейшая личностная константа – духовность – понимается Н.А. Бердяевым как целостность: «Личность может быть определена как единство в многообразии, единство сложное, духовно-душевно-телесное»¹. «Личность есть целостный образ человека, в котором духовное начало овладевает всеми душевными и телесными силами человека»². Из этого утверждения следует призыв к синтезу, полноте, целостности существования, то есть к духовности и связанному с ней творчеству. Дух означает синтез, собирает целое жизни воедино, скрепляя душу и тело. Духовность же, в понимании Бердяева, – это и есть целостность существования, без которой начинается разложение личности³. Понятие цельности, полноты имеет ключевое значение для Бердяева в православном нравственном учении, поскольку само явление зла связано с утратой цельности, автономизацией человека в изоляции от духовных истоков, когда разные элементы обретают независимое бытие. Добро предполагает внутреннюю целостность, субординацию низшего, душевно-телесного перед высшим, духовным⁴. Человек изначально разделён, неполон вследствие грехопадения, и для него это натуральное состояние от рождения. Поэтому естественный путь зла лёгок в отличие от искусственного пути добра, требующего веры, воли и разума.

В контексте этики свободы и творчества Н.А. Бердяева речь должна вестись об индивидуальном пути каждого человека, о самообразовании, об установке на сохранение и развитие собственного дара: «Быть до конца личностью и личности не изменять, быть индивидуальностью и индивидуальным во всех актах своей жизни есть абсолютный нравственный императив, который формулируется парадоксально. Это значит: будь самим собой, не изменяй себе. <... > Быть самим собой — значит осуществлять Божий замысел о себе, Божью идею»⁵. Это значит отстаивать своё призвание, бороться за его реализацию, как бы ни труден был путь. Общество и государство выдавливают человека в сферу, отвечающую лишь их интересам. Социальный заказ формирует рынок труда, но не может формировать личность. Н.А. Бердяев выступает за

¹ Бердяев Н.А. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 127.

² Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря / Сост. и послесловие П.В. Алексеева. – М.: Республика, 1995. – С. 18.

³ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 155.

⁴ Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – С. 302.

⁵ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 123.

определение человека изнутри, а не снаружи, и основную задачу этики видит в борьбе за первичный идеальный образ личности, за свободу в самоопределении от давящей социальности: «Человек не только не имеет права зарывать свои таланты в землю, но он должен героически бороться за осуществление своего творческого призвания против притягивающей вниз социальной обыденности, семейной, экономической, политической, профессиональной и пр.»¹. При этом нельзя забывать, что человек ответствен за выполнение своего предназначения и за реализацию своего дара не только перед государством, обществом и перед самим собой, но, в первую очередь, перед Богом. «Великий нравственный императив гласит, что человек всегда должен быть самим собой, а это значит быть верным не только своему духовному «я», но и тому «индивидуальному» пути, которым оно осуществляется. Человек имеет священное право свободно следовать своему «призванию», и это призвание не может быть ему навязано никакой собирательной эмпирической единицей. <...> Величайшее нравственное преступление есть обезличение, измена своему «я» под давлением внешней силы»².

Творческая природа личности неукротима социальными и другими насилующими влияниями, в том числе и «образовательными», которые обрели в тоталитарных системах абсолютный характер. Существование раскрывшейся личности не совместимо с практикой имитаций или внушений в воспитательной сфере (в пример Н.А. Бердяевым приводятся общественные структуры фашизма, национал-социализма и коммунистический строй)³, ведь существо личности неразрывно связано со свободой. Если говорить о воспитании, то только свободном и творческом, ведь личность без свободы немыслима.

Для Н.А. Бердяева свобода – это свобода от мира, когда мир подчинён человеку, а не человек миру: «Есть два пути отношения человека к миру: или человек подчиняет себя миру как часть его, или человек вбирает в себя мир, и мир делается как бы частью человека»⁴. Конечно, в таком взгляде присутствует немалая доля утопизма, вообще свойственного религии и религиозной философии. Вопрос в том, как отно-

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 211.

² Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis*. Опыт философские, социальные и литературные (1900-1906 гг.) / Составление и комментарии В.В. Сапова. – М.: Канон+, 2002. – С. 107-108.

³ Бердяев Н.А. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 139-140.

⁴ Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 556.

ситься к этому утопизму, как его воспринимать, поскольку он может иметь как позитивные, так и негативные последствия своего воплощения. Как идеал это вполне допустимо, так как идеал по сути своей недостижим. Как практическая рекомендация к действию это сомнительно, так как результат известен заранее.

Полная свобода от мира в рамках этого мира невозможна вследствие греховной природы человека. Призыв стать как Бог является кощунственным и есть неприкрытая ересь. Но не надо забывать, что призывает стать богами князь мира сего, а не Бог. Н.А. Бердяев видит смысл существования человека в преображении и обожении человеческой природы через творчество, в совершении своеобразной исторической мистерии, в которой человек научится пользоваться своей свободой. Князь мира сего предлагает стать «богами» без Бога, Н.А. Бердяев предлагает стать преображёнными людьми с Богом. Атеизм предлагает оставаться людьми, но вот оставаться людьми без Бога нельзя, уверен Н.А. Бердяев. В таком случае человек скатится к животному состоянию, если не будет Того, Кто его превышает, если не к Кому будет стремиться. В этом философ видит главное отличие богоподобного человека от ангелоподобных животных. Сама идея развития человека свидетельствует о его божественном происхождении и религиозно обосновывает образование. У животных не может быть образования. Образование доступно только человеку.

Н.А. Бердяев сетует на отсутствие в современном обществе идеала целостной личности, как то было в прошлые эпохи. Древний Восток и Древняя Греция дали образ мудреца, средневековая Европа – высокие и целостные идеалы святого и рыцаря. С ними, убеждён Бердяев, нельзя сравнивать образы буржуа или рабочего, учёного или артиста, которые половинчаты и неполны. Формально провозглашаемая цель образования – воспитание всесторонне развитой личности – фактически является профанацией. Действительный же идеал утилитарен и связан со специализацией человека, с его общественной функцией, но не всегда с его личностью, даром и призванием. Таким образом, человек воплощает не личный, а общественный идеал. Но нельзя забывать, утверждает Н.А. Бердяев, что верховной ценностью является личность как отражение образа Божьего в человеке: «Идеал человека есть прежде всего идеал личности. Идеал же общества есть идеал, производный от личности. Духовное общество есть реальность, но реальность, сращённая с личностями. Идеальный образ человеческой личности есть раскрытие образа и

подобия Божьего в человеке. Идеальный образ человека есть образ Божий в нём. И этот образ есть образ целостный, а не раздробленный»¹.

Идеальный образ для Н.А. Бердяева – это человек-творец, реализующий свою миссию в мире и использующий таланты, полученные им от Бога для земного служения Ему. Только такой образ можно считать идеалом, образом целостным и не расколотым². Целостность образа есть целостность идеала, не сводимого к прагматико-утилитарным целям жизни, образ, определяемый не из того, что ниже, но из того, что выше человека. Этическая ценность личности в нравственной жизни немыслима в отсутствие универсально-сверхличного. То есть само существование человека подразумевает существование Бога³. Именно в этом плане нужно понимать этический смысл целомудрия. Целомудрие предполагает не растрату энергии и сил, но их обретение и сохранение в целостном образе человеческом.

Н.А. Бердяев понимает творчество предельно широко, как духовный феномен существования: «В известном смысле я сам есть мой творческий акт, мир есть мой творческий акт, другой человек есть мой творческий акт, Бог есть мой творческий акт»⁴. Творчество как образ жизни, на каждом шагу, в каждом действии – это также своеобразная философия жизни. Творчество есть главная образующая человека сила. Это продолжение евангельского откровения, раскрытие смысла притчи Христа о талантах, скрытый механизм человеческого существования.

Понятие творчества лежит в основе всего этического учения Н.А. Бердяева: «Не добро, а творчество, по Бердяеву, противоположно греху. В этой антитезе – суть его парадоксальной этики»⁵, – пишет Б.В. Емельянов. Главной характеристикой творчества является свобода: «Творчество есть переход небытия в бытие через акт свободы»⁶. Творчество, по Бердяеву, – это всегда творение нового, небывшего, творчество из ничего, нарушающее все законы этого тленного мира, в том числе и закон сохранения энергии. Творчество – это не компиляция и не перестановка слагаемых, а необъяснимая с точки зрения науки эманация

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 211.

² Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 211.

³ Там же, с. 214.

⁴ Бердяев Н.А. Истина и откровение. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. – С. 75.

⁵ Емельянов Б.В. Антроподицея Н.А. Бердяева // Проект «РУНИВЕРС». Журнал «Логосфера». URL: http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/59050/?sphrase_id=36938.

⁶ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 45.

энергии, не предполагающая её потери, но допускающая её приращение: «Во всяком творческом акте есть абсолютная прибыль, прирост»¹.

Для Н.А. Бердяева творчество – это доказательство божественного происхождения и предназначения человека, признак неотмирности человека, трансцензус, выход из себя, преодоление и возвышение. Творчество – это искра Божья, извечная тайна, великая неизъяснимая энергия духа. Христианство – это путь открытия человеческого предназначения творить мир вместе с Богом, дать ответ на призыв Бога, осуществить предвечный замысел Творца о преображении твари. Изначально «человек есть существо, недовольное самим собою и способное себя перерастать», и «самый факт существования человека есть разрыв в природном мире»², «человек есть существо, преодолевающее себя и мир»³.

Назначение и миссию человека Н.А. Бердяев видит в творчестве, которое представляет собой «трансцензус, выход из человеческой замкнутости и ограниченности»⁴. Творчество есть выражение персонализма, путь реализации человека, воплощение его миссии на земле. В представлении Бердяева Бог – это конкретная Личность и Творец, человек – конкретная личность и творец, также как весь мир – конкретная, персональная и творчески заряженная совокупность живых существ, личностей, способных осуществлять творческий прирост бытия. Данная творчески-персоналистическая картина мира очень характерна для философии образования Бердяева, так как она определяет задачу становления личности как творческой единицы, действующей в мистерии вселенского образования.

Философию Н.А. Бердяева можно считать христианской апологией творчества. Е.А. Вологин полагает, что у Бердяева «этика христианства является этикой благого человеческого творчества»⁵. Это уже не прикладная деятельность из учебников по народным ремёслам и не способ досуга, но образ и содержание жизни в становлении личности, то есть путь образования. Ставя вопрос соотношения творчества и святости, сопоставляя идеалы гения и святого, А.С. Пушкина и Серафима Саровского, Бердяев приходит к выводу о том, что в творчестве, порыве самоотречения художник может быть выше святого в его аскетическом

¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 134.

² Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 55.

³ Там же, с. 57.

⁴ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 199.

⁵ Вологин Е.А. Экзистенциально-гуманистическая антропология Н.А. Бердяева: дис. ... канд. филос. наук: 9.00.03. – М.: 2003. – С. 56.

подвиге¹. Пушкин не занимался самотворчеством, но создавал бесценное наследие для родины и всего мира, жертвуя собой. В жизни же святого Н.А. Бердяев видел работу, прежде всего, по самоустроению, духовному самосовершенствованию. Серафим спасал свою душу, а Пушкин как бы губил её, исходя из себя в порыве самоотречения в гениальном творческом горении. Забота о личной чистоте и личном подъёме, характерные для христианской аскетики, толстовства, буддизма и ряда оккультных практик, не всегда творчески оправдана и творчески продуктивна, считал Бердяев. Ведь Христос однажды сказал: «Сберёгший душу свою потеряет её; а потерявший душу свою ради Меня сбережёт её» [Мф 10:39].

Пути гениальности и святости противопоставлены как пути творчества и смирения, активности и пассивности, дерзновения и послушания. Н.А. Бердяев при этом не отрицает значения аскетизма, по своей методике пути отрицательного, но имеющего положительный смысл обращения к Божией Правде, и даже оправдывает его с точки зрения творчества: «Творчество предполагает аскетическое преодоление мира, оно есть положительная аскетика»². Он предполагает взаимодействие двух путей – аскетического и творческого, но подчёркивает, что покаяния и смирения недостаточно для победы над тьмой и поднятия над «миром». Безусловный приоритет отдаётся творчеству как главному предназначению человека: «Не со смиренным послушанием должен обратиться человек к миру, а с творческой активностью»³.

Творчество двояко: оно осуществляется в мире, но и освобождает от мира. В связи с этим Н.А. Бердяев различает понятия таланта и гениальности⁴. Талант ограничен, обусловлен культурой, наукой, искусствами, законами «мира», завязан на смирении и послушании, основан на приспособлении, в то время как гениальность неотмирна, безгранична, свята и жертвенна в дерзости и смелости своего свободного творческого горения. То есть талант выражает своего рода индивидуальность человека, гений же открывает его связь с божественным.

В книге «Спасение и творчество» ярко прослеживается означенная в данном заглавии бинарная оппозиция. Различие составляющих оппозиционной пары сводится к следующему: «Смирение есть внутреннее духовное делание, в котором человек занят своей душой, самопреодолением, самоусовершенствованием, самоспасением. Творчество есть ду-

¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 178.

² Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 170.

³ Там же, с. 173.

⁴ Там же, с. 183.

ховное делание, в котором человек забывает о себе, отрешается от себя в творческом акте, поглощён своим предметом»¹. Архимандрит Амвросий (Погодин) критикует бердяевскую концепцию творчества с позиций православия: «Бердяев говорит, что не спасение, а творчество является целью человеческой жизни, и то творчество не связанное никакими моральными требованиями, потому что и чрез зло можно прийти к высшему добру. И то и другое Православная Церковь отвергает. Спасение является целью человеческой жизни, а что касается творчества, то оно должно служить спасению души»². Это высказывание может дезориентировать, поскольку Н.А. Бердяев говорил о творчестве подлинном, «бытийственном», освещённом смыслом Христовой Истины и неподлинном, «небытийственном» творчестве, «злой» свободе, связанной с распылением личности в отсутствие нравственных основ: «...Оправдание религиозного смысла творчества не есть оправдание всякого творчества, – есть и злое, небытийственное творчество»³. «Подлинное творчество никогда не может быть творчеством во имя своё, во имя человеческое. Подлинное творчество всегда есть творчество во имя того, что выше человека, во имя Божье, хотя бы имя Божье для человеческого сознания было прикрыто истиной, красотой, справедливостью и пр.»⁴. Но совершенно верно то, что для Н.А. Бердяева цель жизни, а значит и цель образования – не спасение, а преображение человека через творчество. По мнению В.А. Васильева, «это этика ценности, а не спасения»⁵. Однако при этом спасение не отрицается. Н.А. Бердяев говорит лишь о том, что человек живёт не только для того, чтобы спастись, но и для того, чтобы творить: «Человек есть не только существо спасающееся, он есть и существо творящее»⁶.

Образование есть путь творчества, если цель образования понимается в христианском ключе как восстановление образа Божия в человеке, ответ на призыв Божий. Н.А. Бердяев считал идею Бога величайшей идеей человека, а идею человека называл величайшей Божьей идеей. Смысл творческого откровения в том, что человек ожидает проявления Божественного в своём существе, а Бог ожидает рождения в Нём чело-

¹ Бердяев, Н.А. Спасение и творчество [Текст] / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 647.

² Погодин А. Оценка религиозных воззрений Н.А. Бердяева с точки зрения учения Церкви // Православный путь (Церковно-богословско-философский ежегодник; приложение к журналу «Православная Русь» за 1991 год). Типография преп. Иова Почаевского, Свято-Троицкий монастырь Джорданвилль, Н.И., 1991. – С. 129.

³ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 143-144.

⁴ Там же, с. 154.

⁵ Васильев В.А. Н.А. Бердяев о происхождении добра и зла // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – №2. – С. 172.

⁶ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 32.

века. Трудно переоценить дерзость мысли Н.А. Бердяева о потребности Бога в творческом ответе человека на Его зов.

И.И. Евлампиев указывает, что познание у Н.А. Бердяева само по себе имеет творческую природу, и в акте интуитивного постижения подлинного бытия (Абсолюта, Бога) «личность не столько обнаруживает содержание бытия, сколько созидает его; подлинное бытие – это не нечто статичное и данное, оно тождественно самому акту жизни и, значит, в определённом смысле «творится», «становится», а не просто есть»¹.

Весь творческий пафос Н.А. Бердяева насыщен активизмом, противостоит «мёртвой» теории, направлен на практическую реализацию, непосредственно связан с жизнью. Бердяев не мог смириться с пассивной созерцательностью философии. В марксизме его привлекала как раз реализуемость идей на практике, их реальная сила, их отдача. Отвлечённая рассудочность критиковалась им не менее, чем его идеологическими предшественниками из лагеря славянофилов А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским. Философия активизма – это философия жизни духа в бердяевской трактовке. Но Бердяев не отрицал и активный характер созерцания, которое может быть таковым в зависимости от направленности сознания человека. Философию Н.А. Бердяева можно охарактеризовать как философию действия. В его философском существовании не было желания только познать мир, но всегда было также и стремление преобразить его.

Концепция творчества Н.А. Бердяева не даёт нам исчерпывающего ответа на то, что же такое творчество. По природе и сути своей творчество неизъяснимо, это загадка и тайна, прежде всего тайна свободы, бездонная и неизъяснимая бездна. Стремление избежать объективированных определений – существенная сторона апофатического описания творческого процесса у Бердяева. Этика свободы и творчества Н.А. Бердяева – это в какой-то мере эзотерическое знание. И.А. Бескова отмечает, что «ядро творческого процесса действительно составляют стадии неосознаваемой переработки информации. И они-то как раз в наименьшей степени поддаются рациональной реконструкции. Но именно в них – загадка, тайна, волшебство творчества»².

В традиции восточных практик творчество непосредственно связано с выходом из субъекта и переходом в особое состояние сознания к «слитой субъект-объектной реальности»³. Так, чтобы нарисовать что-

¹ Евлампиев И.И. Человек, мир и история в антропологической концепции Николая Бердяева // URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/berdyayev/berd_i1.htm.

² Бескова И.А. Проблема творчества и буддийская традиция [Текст] / И.А. Бескова // Вопросы философии. – 1999. – №7. – С. 159.

³ Там же, с. 169-170.

либо с поразительной точностью и отразить его суть, надо фактически слиться с ним воедино. Бескова задаётся вопросом, как художник смог углубиться в дух изображаемого растения на примере знаменитой картины XIII в. Моккея (Муцзи) с изображением гибискуса. Данная работа является национальным сокровищем Японии и хранится в храме Дайтокудзи в Киото. Секрет в том, чтобы стать самим растением, поскольку уже само стремление человека нарисовать растение или животное подразумевает наличие чего-то соответствующего этому растению или животному, то есть художник вполне может стать объектом, который желает изобразить. Поэтому так важно состояние «подлинного отождествления, слияния с проблемой»¹.

О проблеме стирания границы, уничтожения разделения на субъект и объект много пишет Н.А. Бердяев. Он принимает фрейдовскую концепцию (подсознание, сознание, сверхсознание), что выражает в ступенях генезиса духа: «первоначальная стихия, райская целостность, целостность досознательная, не испытавшая свободы и рефлексии; раздвоение, рефлексия, оценка, свобода избрания; и целостность и полнота после свободы, рефлексии и оценки, сверхсознательная целостность и полнота»². Исходя из этого, предлагается трёхступенчатая классификация развития религиозного сознания, в которой много общего с восточной традицией³. Религиозная жизнь включает прохождение следующих характерных этапов: объективного (понятия народности, коллективизма, природы и социальности); субъективного (понятия индивидуализма, личности, души, духа) и этапа достижения высшей духовности (снятие противоположности субъективного и объективного).

Образование в мире сем – это обретение образа и подобия Божия через познание и достижение сверхсознания как высшей ступени развития человека. Обязательное условие и сущность образования – свобода, находящая своё выражение в творчестве как божественном механизме возвышения человека. Образование, как и творчество, есть миссия человека на земле, цель и смысл его существования.

Творчество для Н.А. Бердяева неразрывно связано с таким качеством личности и особенностью всей его линии философствования как аристократизм. Творчество по сути своей аристократично. Религию Христа нередко называют демократической, анархической, и это правда. Но правда и то, что христианство глубоко аристократично по своему духу. Не каждый сможет подставить другую щёку и раздать имущество,

¹ Бескова И.А. Проблема творчества и буддийская традиция // Вопросы философии. – 1999. – №7. – С. 171.

² Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 50.

³ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 16.

жить сегодняшним днём и собирать себе сокровища на небе, а не на земле. «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» [Мф 7:13-14], – вот подлинно аристократический девиз христианства.

Этика Н.А. Бердяева – этика аристократическая в том же смысле, в каком аристократично христианство. «Ибо много званых, а мало избранных» [Мф 22:14], – говорил Христос. Христианство для сильных духом, и христианская этика требует постоянного мужества и силы духа, так как она не от мира сего, но в мире сем, чтобы человек был выше мира: «Христианская мораль есть в духовном смысле аристократическая, а не рабья мораль, мораль сильных духом, а не слабых. Именно христианство призывает идти по линии наибольшего сопротивления миру и требует героических усилий»¹.

Н.А. Бердяев связывает аристократизм с благородством, чувством личной вины и неприятия обиды, а христианство проповедует беспощадное отношение к злу в самом себе и снисходительность к ближнему, нравственный максимализм к себе, а не к другим. Псевдоморализм как раз и проявляется в этом внешнем максимализме. Благородный человек, аристократ должен понимать, что всё, что возвышает его – от Бога, а всё, что его унижает – результат его вины.

Аристократизм Н.А. Бердяева носит онтологический, метафизический характер. Аристократизм для него есть дух, а материя – плебейство. Аристократично само его оправдание существования Бога: «Если нет Бога, то я раб мира. Существование Бога есть существование моей независимости от мира, от общества, от государства»². При этом глубоко заблуждаются те, кто критикуют Бердяева за снобизм и презрение к массам. Напротив, философ считал духовным плебейством желание пробиться в первые ряды, а расовый подбор сравнивал со скотоводством. Аристократическая раса для него была понятием духовным, а не социальным или биологическим: «Аристократический склад души может быть и у чернорабочего, в то время как дворянин может быть хамом»³. Будучи аристократом по крови, философ ратовал именно за духовный аристократизм, который единственно отвечает назначению человека. Борьба двух идей – кровно-расового подбора и духовной ари-

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 109.

² Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Н.А. Бердяев. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – С. 324.

³ Бердяев Н.А. Философия неравенства // Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев; сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. – С. 585.

стократии – есть борьба биологического и духовного в человеке, начала гуманистического и начала бесчеловечного.

Этика свободы и творчества Н.А. Бердяева в своей высшей точке преодолевает разрыв между этикой аристократической и этикой демократической. Мыслитель называет такое учение «этикой восхождения и нисхождения человека»¹. Духовный аристократизм предполагает не благодатное только восхождение к Божественному, горнему миру, но и драматическое нисхождение к человеческому миру греха и страдания. Бердяев не поддерживает гордый уход от мира в презрении к несовершенству и слабости человеческой природы. Путь личного восхождения для него немыслим вне общения с другими личностями, отдачи духовной энергии и стяжании таким образом духовной силы. Творчество щедро отдаёт, приобретая богатство любви. Гордыня себялюбца и благородство аристократа духа – разные ступени нравственно-педагогического познания.

Философия образования Н.А. Бердяева – это путь духовного образования, и не только в плане личностном, но и в плане всемирно-человеческом, где вся мировая история предстаёт в виде великого образовательного процесса. Причём исход этого процесса зависит от человека и от его свободной воли. Бог предоставил человеку великую честь – творить мир вместе с Ним и дал великое благо и великую ответственность в виде свободы. И каждый должен сам сделать свой выбор. Элитарность предполагает закрытость, замкнутость, косный консерватизм, духовный аристократизм же – открытость. Этим же отличаются всемирные религии от сект. Только этика универсальной ответственности имеет право называться истинно христианской и подлинно аристократической. Бердяев пишет о возможности эстетической, культурной аристократии, но недопустимости аристократии спасения. Нельзя заботиться исключительно о личном восхождении и спасении только своей души, верховное назначение личности состоит в творчестве всей мировой жизни².

Большой этико-педагогической дилеммой является существование элитного и элитарного образования, которые обычно путают. Элитное образование, отмечает Г.К. Ашин³, есть образование высококачественное (high quality education), а также образование, ориентированное на воспроизводство социальной элиты. Элитарное образование – это си-

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 138.

² Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 249.

³ Ашин Г.К. Проблемы элитного образования в зарубежной социологии // Социологические исследования. – 2005. – №2. – С. 88.

стема закрытого образования замкнутой элиты, которая ведёт в дальнейшем к распаду этой системы и самой элиты. Только система открытого элитного образования способна к генерации подлинной интеллектуальной элиты, отбору действительно лучших и достойнейших, отвечая этическим нормам и запросам здорового свободного общества. Философия образования Н.А. Бердяева фактически оправдывает только духовную элиту, духовную иерархию, элиту качеств личности, оценивает человека по тому, что он есть, а не по тому, что у него есть. Поэтому имеет смысл говорить об элитном образовании в плане духовного совершенствования личности, поднятия себя до божественной истины и нисхождения в мир для его возвышения.

Ф. Ницше считает истинным только то образование, «которое связано с аристократической природой духа», но одновременно провозглашает «служебную роль массы, её верноподданническое послушание, её инстинкт верности скипетру гения»¹. Демократизм в образовании для него неприемлем, он настороженно-враждебно относится к народному образованию и к тем, кто его продвигает. Ницше верит в природный подбор, его пугает варварство масс, их неограниченная свобода вне естественного отбора и природной иерархии. Он убеждён, что их представители призваны прислуживать и повиноваться вследствие исходной природной заданности, поэтому в качестве образовательной цели Ницше видит «не образование массы, а образование отдельных избранных людей, вооруженных для великих и непреходящих дел»².

Аристократизм Н.А. Бердяева – это не элитарное эзотерическое образование Ф. Ницше или элитаристская концепция Х. Ортеги-и-Гассета. Г.К. Ашин относит взгляды Н.А. Бердяева к элитологической философской антропологии и элитологическому персонализму³. Персонализм Н.А. Бердяева рассматривает личность как высший цивилизационный смысл, а её богоподобие зиждется на уникальной творческой миссии, связанной со стремлением к сверхчеловеческому идеалу, возвышению с задачей превзойти себя, из себя выйти. Следовательно, представляется логичным, заключает Г.К. Ашин, что педагогика, основанная на персоналистических постулатах, ориентирована на элитизацию личности, и её можно номинировать как «элитопедагогика».

Таким образом, имеет смысл говорить о духовном аристократизме, элитизме, но не об элитаризме философско-образовательной концепции Н.А. Бердяева. Аристократизм Бердяева есть аристократизм христиан-

¹ Ницше Ф. О будущности наших образовательных учреждений // URL: <http://www.nietzsche.ru/read-13.php>.

² Там же.

³ Ашин Г.К. Философская составляющая элитологии // Вопросы философии. – 2004. – №7. – С. 70-71.

ский, позволяющий по-новому взглянуть на христианское нравственное учение как на этику духовной силы. Это этика духовного благородства, личной вины и ответственности всех за всех. Философия образования Н.А. Бердяева позволяет говорить об элитопедагогике, ориентированной на самостановление личности в рамках христианской системы ценностей. Образовательный идеал предстаёт перед нами в новом свете – аристократическом. Путь творца есть дорога нелёгкая, предполагающая труд, лишения и самоограничения. Причём данный аристократизм предполагает выделение «лучших» на основе качественного критерия, а не социальных привилегий. Избранным может стать любой человек, готовый пожертвовать подчас личным благополучием во имя сверхличных ценностей. Это в полной мере соответствует христианскому вероучению в вопросе о спасении души.

Педагогической импликацией философии свободы и этики творчества Н.А. Бердяева можно считать воспитание такого важнейшего нравственного качества в человеке как характер. Формирование характера является основой образования джентльмена у Д. Локка и вообще находится в центре английской педагогической традиции. В русской религиозно-философской мысли к апологетам данного подхода вполне можно отнести Н.А. Бердяева. Характер он считал важной отличительной особенностью человека духовного и связывал его наличие с внутренним аристократизмом личности, залогом нравственной стойкости человека. Характер предполагает не пассивное ничегонеделанье, не умование рук, не чувственное растворение личности, а активную борьбу, внутреннюю и внешнюю, борьбу с собой, аскезу, смирение, и одновременно, активное несогласие на рабство на пути сохранения и восстановления божественного образа. Рабство легко, свобода тяжела.

Бердяев в своём определении характера не одинок в контексте русской религиозной философии. Поразительно схожи трактовки характера у Н.А. Бердяева и И.А. Ильина, из чего следует, что, несмотря на разногласия по многим другим вопросам, они выдерживают общую линию понимания духовности человека, её выраженности в характере как необходимого условия достойного и осмысленного человеческого существования. Приведём лишь несколько сравнений из книги «О рабстве и свободе человека» Н.А. Бердяева¹ с отрывками из статьи И.А. Ильина «Кризис безбожия»²:

¹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря / Сост. и послесловие П.В. Алексеева. – М.: Республика, 1995. – С. 28.

² Ильин И.А. Кризис безбожия // И.А. Ильин. Собрание сочинений в 10 томах. Том 1. – М.: Русская книга, 1996. – С. 354-355.

«Характер есть победа духовного начала в человеке». – «Истинный характер есть смертная верность духовному».

«Характер – форма личности». – «Характер есть школа предметности».

«Личность, характер личности означает, что человек сделал выбор, совершил различие, что он не безразличен, не смешивает». – «Истинный характер <...> есть выбор, ведущий его и указывающий ему цель».

«Характер есть овладение собой, победа над рабством самому себе, которая делает возможным и победу над рабством окружающему миру». – «Он [характер] сам является центром живого самоуправления и дисциплины, а вера в Бога даёт ему силу истинной неустранимости».

Активность, борьба, долженствование, целенаправленность формирования характера однозначно определяют образовательный путь его становления, воспитания. Здесь Н.А. Бердяев очень близок И.А. Ильину, который уверен, что «жизнь человеческая покоится вообще на управлении самим собою и на самовоспитании; искусство жить есть искусство воспитывать себя самого к Божественному»¹. Для обоих характер имеет духовное измерение, то есть понимается не как что-то исключительно психологическое, созданное, в том числе и природой, и обществом, а прежде всего как завоевание личности, как проявление божественного в человеке, одухотворение его смыслом самодисциплины и воли. Характер есть школа свободы, путь наперекор, путь искусственный, а не естественный; настоящий характер есть «узкие врата». Для Н.А. Бердяева понятия личности и характера во многом тождественны. Характер – это выбор, это сознательный выбор, волевой, свободный. Характер всегда содержателен, оформлен, предметен, осмыслен, поэтому соответствует свободе содержательной, а не небытийственной.

Посыл Н.А. Бердяева имеет явный педагогический, воспитательный смысл. Свобода у него не означает постмодернистической разнужданности личности, но предполагает предельную самодисциплину и постоянный жёсткий моральный ценз пользования даром свободы. Педагогическая система Н.А. Бердяева может быть названа дисциплиной духа, чей девиз формулируется следующим образом: «Основное положение этики, понявшей парадокс добра и зла, может быть так сформулировано: поступай так, как будто бы ты слышишь Божий зов и призван в свободном и творческом акте соучаствовать в Божьем деле, раскрывай в себе чистую и оригинальную совесть, дисциплинируй свою личность, борись со злом в себе и вокруг себя, но не для того, чтобы оттеснять

¹ Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Приложение к журналу «Вопросы философии» / И.А. Ильин. Сочинения в двух томах. Том 2. Религиозная философия. – М.: Московский философский фонд издательство «Медиум», 1994. – С. 448.

злых и зло в ад и создавать адское царство, а для того, чтобы реально победить зло и способствовать просветлению и творческому преобразению злых»¹.

Саморегуляция, самоконтроль, предельная ответственность, к которым призван человек – вот качества личности, характеризующие направленность морального восприятия Бердяева. Но все они ничто без свободы. А свобода у Н.А. Бердяева, как мы помним, – одно из оснований всего сущего. Но это свобода ответственности, свобода тяжёлая, горькая, которую люди с радостью меняют на лёгкое рабство, прельщаясь искушением Великого Инквизитора. Это этика единиц, этика избранных, этика героев и аристократов духа, этика людей, ставящих истину и смысл превыше счастья и блага, и поэтому говорить о её массовом внедрении в школе не приходится. Она может лишь стать толчком для человека на путь истинный, но не авторитарно-дидактической системой, подобной традиционному обучению и воспитанию как в светских, так и в духовных школах. Это этика экзистенциальная, этика личного пути. Однако в отличие от индивидуалистической установки большинства западных философов-экзистенциалистов, это путь вместе с другими личностями, без которых невозможно духовное единство, ведущее к обретению Нового Неба и Новой Земли, то есть соборности. Христианство Бердяева – творческое христианство, христианство не только святых, но и творцов, где Серафим Саровский равновелик в своём духовном подвиге с Александром Пушкиным в его творческом горении.

Н.А. Бердяев не претендует на выдвижение идеала образованности своей эпохи. Он говорит о вещах предельных, об эпохе грядущей. Недаром он видит себя в качестве пророка, а не учителя. Стремясь внушить и убедить, он не назидает, но приоткрывает своё видение назначения человека в мистерии мировой и своей собственной жизни. Идеал образованности в традиционном понимании имеет исторический контекст, идеал образования Н.А. Бердяева по сути внеисторичен, эсхатологичен и непедagogичен.

Человек-творец, человек-гений, аристократ духа, для которого характер – это духовный стержень личности, а творчество – это содержание жизни. Быть человеком – значит быть личностью. Воплощение божественного в человеке есть преобразование животного начала и открытие человеческого. Человек бесчеловечен, Бог же человечен, – любил повторять Н.А. Бердяев. Раскрытие образа Божьего в человеке через творчество есть путь образования личности. Для Бердяева это не только

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 252.

самообразование, но и диалог с другими личностями, стремление к преодолению объективации, власти тлена, выход к экзистенции.

Идеал Н.А. Бердяева – это идеал целостный, а не половинчатый, это не функция, не компетенция. Компетентностный подход фактически означает выход этики из образования. Образование перестаёт выполнять свою аксиологическую роль, становясь обучением, тренировкой (training). Но этика Н.А. Бердяева – это не только выход из образования (объективированного), но и выход из этики. Этика свободы и творчества исключает насилие, которое философ понимал как становление объектом. Насилие же – это неотъемлемая часть образования формального, неизбежно основанного на принуждении и ограничении свободы. Но ведь есть и другое образование, образование человеческого в человеке, о чём в последнее время говорят всё меньше и меньше. Экзистенциальное образование по определению не может быть насильственным. Цель, идеал, образ – всё неподходящие, объективирующие слова, не отражающие свободной и творческой природы этого образования. Это образование целостно, а не частично, экзистенциально, а не объективировано, свободно, а не насильственно, оно – творческое, а не формальное.

Этика Н.А. Бердяева – это уже не этика, а духовно-энергичное учение о назначении и призвании человека, мистический путь творческого восхождения, путь образования личности.

2.3. Педагогический смысл «русской идеи» в этике Н. А. Бердяева

Российскому обществу поставлен диагноз – дегуманизация, нравственное разложение, духовный кризис (В.В. Варава, А.А. Гусейнов, А.В. Миронов, В.Ю. Троицкий, А.А. Корольков, О.Д. Олейникова и многие другие). Очень трудно найти работы, где утверждалось бы обратное. Этот вопрос обсуждается в критической плоскости или его вообще обходят стороной. Общим местом стало признание морального упадка как глобального явления, охватившего всё мировое общество потребления. Однако такое положение вещей не отменяет тот факт, что в каждой отдельной стране имеются свои особенности и причины. Вот почему исследование национального характера всегда актуально во время кризисных явлений, происходящих в обществе. Мы пытаемся понять, почему это с нами происходит, кто в этом виноват: мы ли или какие-то внешние силы, и что нам в этой ситуации делать. Самоанализ и рефлексия приходят на помощь в понимании, обретении смысла как посредствующего звена для конкретных действий. Действия эти, как правило, связываются с образованием, как системным, так и стихийным.

Русские религиозные мыслители отдавали должное великой силе воспитания, видели в нём мощнейший инструмент сохранения национального самосознания, соединяли в своих трудах философию с педагогикой, ставили вопросы, которые приобретают новые значения и смыслы в наше время.

Н.А. Бердяев значительную часть своего творчества посвятил России, исследованию русской души и духовной истории отечества. Наиболее ценными представляются его этические воззрения, которые нашли своё отражение в «русской идее». При этом их мнимая непедagogичность очевидно контрастирует с глубоким философско-образовательным смыслом, заложенным автором. В самом начале «Русской идеи» одно из первых предложений довольно точно определяет характер и содержание задач, которые ставил перед собой Н.А. Бердяев: «Меня будет интересовать не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа, его идея»¹.

Э. Келли отмечает, что «русская идея» - это эсхатологический поиск, который является главной отличительной чертой русской философии»². Существуют различные трактовки «русской идеи»: националистические, космополитические, религиозные, светские. Данной проблематикой занимаются философы, историки, социологи, публицисты, пи-

¹ Бердяев Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 13.

² Kelly A. Russian philosophy. – In E. Craig (Ed.), Routledge Encyclopedia of Philosophy. – London: Routledge. URL: <http://www.rep.routledge.com/article/E042>.

сатели, журналисты, политологи, педагоги. Среди множества дефиниций в научной и философской литературе можно выделить ряд основных направлений осмысления «русской идеи»¹: 1) Любовь к России, к Родине — характер русского, точнее, российского патриотизма. 2) Историческая миссия России и её народа. 3) Исторический путь России, его своеобразие и его пересечение с путями других народов, стран, регионов (Россия и Запад. Россия и Восток. Россия как Евразия). 4) «Русская душа», или специфика национального характера русского народа. 5) Свообразие российской национальной культуры. 6) Российская государственность.

Нас будет интересовать этико-педагогический контекст «русской идеи» Н.А. Бердяева, охватывающий вопросы индивидуализма и персонализма, национализма и патриотизма, мессианизма, универсализма, коммюнитарности и соборности, всечеловечности, антиномичности, тоталитарности мышления и сверхкультурного максимализма. Вполне оценить этику Н.А. Бердяева без учёта его «русскости» невозможно, впрочем, также, как и его «русскость» без этики, о чём он однозначно заявляет: «Свою русскость я вижу в том, что проблема моральной философии для меня всегда стояла в центре»². Н.А. Бердяев говорит о «русской потребности всё в мире осмыслить морально и религиозно»³ и «моралистическом складе русской души»⁴.

Можно сказать, что озабоченность этической проблематикой свойственна всей традиции русской религиозной философии так же, как и русскому самосознанию в целом. По мнению Н.О. Лосского, русская мысль есть, прежде всего, мысль этическая, что определяет основной дар России: «Высокое развитие нравственного опыта сказывается в том, что все слои русского народа проявляют особый интерес к различию добра и зла и чутко подмечают примеси зла к добру»⁵. Главной чертой русского народа Лосский считает поиск абсолютного добра, и в этом видит истоки эмпирической многогранности и многообразия талантов на Руси. Историк моды А. Васильев, долгое время проживший во Франции, приводит интересное наблюдение: если в России детей учат, что такое хорошо и что такое плохо, то во Франции — что такое красиво и что такое некрасиво, то есть для французов характерно эстетическое мировосприятие, в то время как для русских — этическое.

¹ История философии: Запад-Россия-Восток (книга третья: Философия XIX-XX в.). — М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шигалина, 1999. — С. 301-302.

² Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. — М.: Эксмо, 2008. — С. 352-353.

³ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. — М.: Астрель, 2007. — С. 55.

⁴ Там же, с. 84.

⁵ Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. — М.: Политиздат, 1991. — С. 257.

М.Н. Громов отмечает такую особенность русской философии как «рассредоточение во всём контексте культуры»¹, в связи с чем вполне уместно говорить о её педагогических аспектах, включая и «русскую идею». По словам Р.И. Александровой и А.И. Белкина, «исторически сложилось так, что в России философия чаще всего была ориентирована на нравственные ценности, и одной из глубинных её функций была воспитательная»². Философ в русской интеллектуальной традиции – это не только «творец умозрительных систем, но учитель и наставник, созидающий жизнесторительную философию. Он учит не только тому, как надо думать, но прежде всего тому, как надо жить»³.

Свою этику Н.А. Бердяев называет парадоксальной. Парадоксальна и его «русская идея». При всей своей внешней непедagogичности она внутренне глубоко педагогична и несёт огромный воспитательный заряд. «Русская идея» Н.А. Бердяева актуальна и сейчас, когда вопрос народного единства стоит столь остро. Отступление от своей миссии, обезличивание и подмена могут завести в цивилизационный тупик. Отречься от национальной традиции в культуре и образовании значит подрубить корни у древа народной жизни, о чём свидетельствуют неоднократно предпринимавшиеся в российской истории топорные попытки искусственно пересадить чуждые ценности на отечественную почву. Образование – фундамент общества, и что, если не оно, должно отражать призвание народа России. Очевидно, что такой подход оправдан не только для России, но и для других стран. Стоит вспомнить японское чудо, которое во многом связано с тем, что японцы сумели совместить требования современности и западную модель со своими традициями в принципе «Вакон есай» («Японский дух – западная технология»), следствием чему является высокотехнологичная экономика знаний, основанная на достижениях системы образования.

Е.П. Белозерцев в курсе лекций «Образование: историко-культурный феномен» проводит мысль о том, что образование не может не быть национальным: «Система образования выстраивается на основе философии образования, центральной темой которой является тема человека и народа. В данном контексте философия человека, антропология есть основа гуманистического направления образования. Философия народа, его характеристические черты определяют национальное со-

¹ Громов М.В. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии // Вопросы философии. – 1994. – №1. – С. 54.

² Александрова Р.И., Белкин А.И. Философия образования Российского Зарубежья: духовно-нравственные искания // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20-50-е годы XX века. – Саранск, 1998. – С. 43.

³ Громов М.В. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии // Вопросы философии. – 1994. – №1. – С. 60.

держание и характер образования»¹. Можно сказать, что «русская идея» как конструктивная мысль, показывающая направление и путь развития России определяет соответственно и путь развития отечественного образования. Национальная специфика прослеживается не только в общеобразовательной школе, но и в профессиональном образовании, особенностях воспитания и преподавания, характере организации труда и производства. «Национальная идея напрямую связана с образованием, которое по содержанию и характеру – национальное, а по мере ответственности за него – государственное»². Национальная идея – это идеология национального образования, считает Белозерцев, поскольку «национальная идея не может не быть воспитывающей идеей (или педагогической идеей)»³.

В.А. Кобылянский видит угрозу педагогического применения общей, объединяющей патриотической идеологии в лице псевдогуманистических тенденций, которые прослеживаются в современной теории образования: «Негативное отношение к использованию идеи патриотизма, национальной (и любой другой общей) идеи в образовательно-воспитательном процессе может диктоваться соображениями «личностной» педагогики. Логика рассуждений здесь такова, центральным объектом (и субъектом) образования и воспитания является человек, личность. Каждая личность самобытна, индивидуальна. В качестве таковой выступают и учащийся, и педагог. Любая же общая идея якобы неизбежно нивелирует личность, делает её несвободной, способствует обезличиванию, а не воспитанию. Однако подобная аргументация несостоятельна. Без руководства в своей деятельности общей идеей, идеалом принципиально невозможны обеспечение совместного действия учителей и учеников, организация всего сложного и многостороннего процесса их взаимодействия»⁴.

Прояснить философско-образовательное значение «русской идеи» для педагогики может помочь идейно близкий в этом вопросе Н.А. Бердяеву мыслитель – Н.О. Лосский. У него своё видение возможного применения философских идей в организации национального и патриотического воспитания. Лосский обосновывает силу и потенциал данной импликации на такой черте народного характера русских как «могучая сила воли»⁵, которая «выражается, <...>, в том, что, заметив в себе какой-

¹ Белозерцев Е.П. Образование: историко-культурный феномен. Курс лекций. – СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 110.

² Там же, с. 83.

³ Там же, с. 141.

⁴ Кобылянский В.А. Национальная идея и воспитание патриотизма // Педагогика. – 1998. – №5. – С. 54.

⁵ Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – С. 263.

либо недостаток и осудив его, русское общество начинает решительную борьбу против него и достигает успеха»¹. Интересен, безусловно, сам механизм переноса абстрактных понятий и обобщений, таких как «русская идея», в педагогическую плоскость. Н.А. Бердяев писал, что «не нужно придавать слишком большого значения сознательно утверждаемым идеям»², которые «часто затрагивают лишь поверхность человека»³. У Лосского⁴ же речь идёт о своего рода «вживании», интеллектуальном и эмоционально-волевом, в жизнь народа и в отечественную культуру, что составляет важнейшую задачу системы образования. Сожалея об отсутствии в современной ему педагогике разработанной системы национального воспитания, Лосский предупреждает, что суть национального характера и национальной культуры, как и всего индивидуального, нельзя выразить в отвлечённых понятиях, поскольку нация есть личный живой организм, конкретное бытие, и любые абстрактные понятия бессильны в отражении национального культурного богатства. Теоретический аспект, конечно, важен, но он не может заменить практическое разнообразие живого народного духа. При этом нельзя забывать и о межкультурной коммуникации, культурных связях, выходе к другим для лучшего понимания себя. Здесь не менее важно подобное сочувственное восприятие представителей других культур как личностей – своих, близких, родственных. Не случайно Е.П. Белозерцев подчёркивает необходимость индивидуального принятия национальной идеи, ведь «искать нужно не то, что объединяет всех, а то, что важно для каждого»⁵.

Персоналистический подход позволяет этически встроить «русскую идею» в систему воспитания. Одно из главных требований этического учения Н.А. Бердяева – будь собой, не изменяй себе, что относится не только к отдельной личности, но и ко всему народу. У каждой нации, как и у каждого человека, своё предназначение от Бога. Использовать свой дар, воплотить, реализовать свой талант – таково призвание любого народа. В «русской идее» Н.А. Бердяев рассказывает о даре народа России, о том, каков этот дар. Философско-образовательный взгляд на «русскую идею» Бердяева, как религиозно-философское выражение пути России, обладает несомненным конструктивным зарядом в силу её позитивной нравственной направленности, утверждения веч-

¹ Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – С. 299.

² Бердяев Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 65.

³ Там же, с. 204.

⁴ Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – С. 324-325.

⁵ Белозерцев Е.П. Образование: историко-культурный феномен. Курс лекций. – СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – С. 141.

ных идеалов и духовных ценностей в отношении российского народа как представителя общечеловеческой семьи.

«Русская идея» как творческая идея есть выражение неповторимой судьбы и творческого задания русского народа, творчества нации. Нация – это творческая личность, только задачи её более глобальны и у каждой нации они свои. Этический персонализм Н.А. Бердяева связывает партикулярность каждого конкретного человека с целым всей нации: «Народ – прежде всего я сам, моя глубина, связывающая меня с глубокой великой и необъятной Россией»¹. Народ есть неотвлекимое понятие от себя как представителя нации. Нация видится Н.А. Бердяевым персоналистически, и в этом заключается его этическое отношение к ней как к неотъемлемой части человека, выражающей его идентичность на сверхиндивидуальном уровне. Нация – это я, народ – это я, поэтому любить Отечество, быть патриотом – это значит любить себя и других, в которых также содержится это сверхиндивидуальное. Ведь не любя себя, нельзя любить других. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» [Мф 22:39]. Бердяев намеренно обращает внимание на этический парадокс, который заключается в том, что люди злые, как правило, себя не любят, а добрые, напротив, нравятся себе и себя любят². Удивительно, но эгоцентризм может сочетаться с ненавистью к собственному «я», что является одним из истоков трагизма человеческого существования. Нельзя забывать, что любовь к ближнему предполагает и любовь к самому себе как образу и подобию Божию. Национальное лицо есть такое же конкретное, индивидуальное лицо, как и лицо каждого отдельно взятого человека. Но в том-то и суть, что человек не берётся отдельно. Он – часть нации, также как и нация – часть его. Поэтому сохранение национального лица есть сохранение личности.

В.В. Зеньковский призывает любить Родину как мать, как своё, родное, потому что «не чужое нечто мы любим в родине, но любим то, от чего сами родились, что светит нашей душе, как её самое подлинное и самое глубокое существо. Высшая точка национального эроса дана не в гордом сознании своей принадлежности к родине, не в тщеславном упоении тем, что наша родина краше и лучше других стран, эта высшая точка в чувстве, что родина мать, что её мы дети, её создание...»³.

Эмигранты полюбили Родину, когда её лишились. Им не надо было специально прививать это чувство, оно рождалось само, и это знает

¹ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2007. – С. 330.

² Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 77-78.

³ Зеньковский В.В. О национальном воспитании / Российский гуманитарный научный фонд. «Педагогика Российского Зарубежья». URL: <http://pedagogics.narod.ru/obzor/zarub17.txt>.

каждый, кто жил на чужбине. Не случайно русский вопрос – один из критически важных для понимания творчества философов-изгнанников из России. Русская тема пронизывает все аспекты их деятельности, в том числе и этическую проблематику. Так, В.В. Зеньковский говорит о том, что «максимальное расширение, на которое идёт без усилий чувство родины, есть связывание его с моральным миром»¹. В основу всего национального воспитания он ставит моральную идею служения, обосновывая её, прежде всего, духовно-религиозно. Примечательно, что Н.А. Бердяев также подчёркивает этический характер патриотизма через долженствование, что отмечает Т.В. Беспалова: «Н.А. Бердяев обосновывает необходимость на уровне должного «любви ни за что» и «любви до», тем самым подчёркивая самоценность, самодостаточность любви к России как таковой»². Фактически Н.А. Бердяев даёт нравственное обоснование патриотизма.

В.В. Зеньковский подчёркивает особое отношение православия к национальному аспекту³, отмечая, что только православное христианство должным образом обнаруживает духовный смысл национального, в то время как католичество, признавая его естественный характер, видит в нём нечто лишнее, атавистическое, поэтому богослужебным языком у католиков является мёртвая латынь, а не живые народные языки. Протестантизм в целом также игнорирует сакрализацию национального вопроса. Н.К. Гаврюшин видит «своеобразие русской мысли в том, что она стремилась <...> к осмыслению Православия как универсального мировоззрения»⁴. Это сказывается и на понимании личности, в корне отличающемся от западной установки, на что обращает внимание Ф. Гиренок: «Человек, в понимании русских философов, – не титан, не автономная личность, а непрерывно доопределяющееся в Боге существо»⁵.

«Русская идея» – это обоюдоострый теоретический конструкт. Опасности национализма и идеологизации сочетаются в ней с объединяющей и патриотической направленностью. При этом более опасной, чем универсалистическая «русская идея» Н.А. Бердяева, представляется её культурная тень, незнание и непонимание подлинной её сути, которые могут вырождаться в нечто прямо противоположное изначально вла-

¹ Зеньковский В.В. О национальном воспитании / Российский гуманитарный научный фонд. «Педагогика Российского Зарубежья». URL: <http://pedagogics.narod.ru/obzor/zarub17.txt>.

² Беспалова Т.В. Патриотизм в концептуальной версии Н.А. Бердяева: социально-философский анализ // Философия права. – 2009. – № 1. – С. 85-88. Научная электронная библиотека E-library.ru. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15260360>.

³ Зеньковский В.В. О национальном воспитании / Российский гуманитарный научный фонд. «Педагогика Российского Зарубежья». URL: <http://pedagogics.narod.ru/obzor/zarub17.txt>.

⁴ Вологин Е.А. Экзистенциально-гуманистическая антропология Н.А. Бердяева: дис. ... канд. филос. наук: 9.00.03. – М.: 2003. – С. 68.

⁵ Православное учение о человеке. Избранные статьи. – М.-Клин: Издательство «Христианская жизнь», 2004. – С. 361.

гаемому смыслу благодаря недобросовестному жонглированию критиков. Сам Н.А. Бердяев, будучи страстным поборником христианского универсализма, видел в «русской идее» прежде всего задание и ответственность, а не благо и привилегию.

Иностранный исследователь России и русской души В. Шубарт говорит о двух культурных типах – прометеевском, героическом человеке и иоанновском, мессианском человеке¹. Европейцы представляют по большей части первый тип, русских же он относит ко второму. В личности Н.А. Бердяева мессианский дух был так же силен, как и прометеевский. И по культуре, и по крови философ принадлежал не только России, но и европейской цивилизации, чем можно отчасти объяснить его всеобщее признание на Западе. Германо-латинский творческий активизм, стремление к преобразованиям сочетались в нём с чисто русской всечеловечностью. Отсюда – его обращённость к синтезу, экуменизм, открытость, гибкость, готовность к приятию чужого, на что указывает ещё один иностранец М. Бегзос: «Бердяев страстно пытался наладить философский контакт между Востоком и Западом в течение всей своей жизни, что ему удалось лучше, чем кому-либо ещё из его соотечественников. Бердяев всегда старался примирить Восток с Западом ни через компромисс или дипломатию, а с помощью философии»². Межцивилизационная миссия Н.А. Бердяева может быть названа вполне успешной, что является едва ли не исключением из общего правила замалчивания и недооценки русской философии на Западе. Его медиативный феномен требует отдельного исследования и в целом подтверждает выдвигаемый им постулат о вселенскости русского человека.

Универсализм Н.А. Бердяева, лежащий в основе такой важнейшей характеристики русского народа как всечеловечность, имеет нравственно-персоналистическое обоснование. У Бердяева можно увидеть три линии философии образования: личность, народ и человечество. Философия образования личности даёт смысл жизни человеку, философия образования народа – смысл существования нации, философия образования человечества – смысл истории всей человеческой цивилизации. Все они взаимосвязаны и входят одна в другую подобно матрёшкам. Но у Бердяева самая большая «матрёшка» – это не Вселенная, а личность, ведь «в основании философии лежит предположение, что мир есть часть

¹ Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – С. 244.

² Begzos M.P. Nikolaj Berdjajew und die Byzantinische Philosophie. Zur metaphysischen Tragweite der patristischen Theologie / Theologie 64, Athen Jan-Feb. 1993. URL: <http://www.myriobiblos.gr/texts/german/begzos.html>.

человека, а не человек часть мира»¹. Отсюда следует вывод, что не столько личность – часть народа, сколько народ – часть личности. Это революционное утверждение находится в основе всей экзистенциальной философии, знаменуя «коперниканский» переворот, который выражается в переходе от объекта к субъекту философствования. Концепт единства в многообразии разрешает дихотомию универсального и партикулярного радикально – через макрокосм личности мы видим микрокосм Вселенной. Богатство человеческой личности предполагает как целостность, так и конкретность. Нельзя отказываться от своей национальной, социальной или профессиональной принадлежности, но и партикулярные характеристики не должны затмевать универсальность человеческого призвания быть братом или сестрой всем людям.

Н.А. Бердяев считал, что лишь в универсальности достигается полнота человеческого существования, радикально связывая свой статус экзистенциалиста с универсалистским мировоззрением: «Я называю экзистенциальным философом того, у кого мысль означает тождество личной судьбы и мировой судьбы»². Он пишет не о спасении каждого, но о спасении всех. Один человек, одна личность, какой бы великой она не была, не в силах произвести революцию духа и изменить не то что мир, но и себя без духовной революции всех окружающих, соединённых незримыми духовными нитями: «Творение, предоставленное своим собственным силам, бьётся над решением проблемы бытия и не находит ни счастья, ни смысла, не спасается от смерти и страдания. Личность ждёт универсального разрешения своей судьбы, и в этом скрыта уже жажда веры и религиозного исхода. Чтобы человеком стать, нужно, чтобы Бог был и чтобы Богочеловек являлся»³. Настоящее спасение и преображение в подлинно христианском понимании – это всеобщее, универсальное действие, где все ответственные за всех, где вопрос «Каин, где брат твой Авель?» равнозначен вопросу «Авель, где брат твой Каин?». Только такая этика универсальной ответственности имеет право называться истинно христианской. В русском жалостливом, мягком, сердечном характере мыслитель видит ростки подлинного христианского универсализма, которым он готов поделиться со всем миром.

Однако Н.А. Бердяев – не космополит, не безликий «человек мира» в той же мере, как и любая настоящая личность, которая обладает индивидуальностью, присущей ей изначально. Так вот национальное и национальность можно сравнить с такой индивидуальностью для лично-

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 25.

² Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 360.

³ Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев; Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. – С. 204.

сти на уровне коллективного бессознательного. Поэтому отказ от национальности равнозначен отказу от индивидуальности, в том числе и в личностном плане. Вместе с тем индивидуальность не должна довлеть над самой личностью, которая для Н.А. Бердяева связана прежде всего со свободой и творчеством и является целостностью души и тела, объединённых духом. В связи с этим «личность не может быть вполне гражданином мира и государства, она гражданин Царства Божьего»¹. Национальность есть лишь один из признаков, составляющих человека как целостность, наряду с такими как пол, возраст, социальное положение, профессия, от которых нельзя отвлечься, когда мы говорим о конкретном человеке. Но вместе с тем, судя о человеке только по его национальности или профессии, мы лишаем его конкретности, абстрагируясь от полноты, то есть универсальности. Оценивать человека только по группе, которой он принадлежит, значит судить о нём безлично, то есть, по мысли Н.А. Бердяева, объективировать его.

Следует отметить ту этическую корреляцию, которая наблюдается между индивидуализмом и национализмом в интерпретации Н.А. Бердяева. Признавая ценность личности, как и нации, которая есть «соборная личность», Н.А. Бердяев выступает решительно против душного индивидуализма, также как и против партикуляристического национализма. Индивидуализму Н.А. Бердяев противопоставляет персонализм: «Персонализм имеет тенденцию коммюнитарную, хочет установить братские отношения между людьми. Индивидуализм же в социальной жизни устанавливает волчьи отношения между людьми»². «...Индивидуализм всегда был нам чужд, и мы не связывали с ним нашего пафоса личности»³, «индивидуализм приводит к обезличиванию, к разложению личности»⁴. Н.А. Бердяев считал национализм не только аморальным, но всегда недалёким и смешным, подобно индивидуальному эгоцентризму, испытывая нескрываемое презрение и отвращение к националистической ограниченности. Философ противопоставляет патриотизм национализму в той же мере, в какой любовь к своей родине, земле и народу несовместна с коллективным эгоцентризмом, самовосхвалением, волей к власти и превосходству над другими. Н.А. Бердяев справедливо подмечает политизацию, идеологизированность и надуманность национализма, которые отсутствуют в истинном патриотизме. Он сравнивает

¹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря / Сост. и послесловие П.В. Алексеева. – М.: Республика, 1995. – С. 22.

² Там же, с. 82.

³ Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи // Н.А. Бердяев. Истина и откровение. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. – С. 241.

⁴ Там же, с. 256-257.

национальное самомнение и эгоизм с личным самомнением и эгоизмом, однако последствия их могут быть куда как более серьёзными.

При этом национализм как извращённое чувство индивидуализма означает у Н.А. Бердяева отказ от персонализма, предательство и измену в отношении к личности, страшный грех перед образом Божиим в человеке. Не по-христиански гнать инородца или иноверца, будь он еврей, араб или африканец. Эмоции национализма закрывают человеческую личность, «выбрасывают человека на поверхность»¹, делают его рабом бесчеловечной идеи, «кидают» в объективацию. Антиперсоналистическая стихия национализма противна самому существованию личности. В этом смысле Н.А. Бердяев, вслед за славянофилами и Ф.М. Достоевским, продолжает традицию подтверждения и осмысления всечеловечности русского народа, которая сильна до сих пор. Так, А.А. Корольков уверен, что «нет нации более чуждой племенному национализму, чем русская нация»².

М.В. Богуславский вполне заслуженно именует Н.А. Бердяева «убеждённым сторонником взаимозависимости универсальных и национальных ценностей»³. Разрывая порочный круг спора западников и славянофилов, Бердяев справедливо утверждает, что этот спор – дело прошлого, пройденный этап национального самопознания и философского взросления мысли. Настоящий патриот не может быть ни консервативным охранителем, ни беспочвенным либералом. Подлинный патриотизм, по Бердяеву, связан со вселенскостью русского народа, его открытостью другим культурам. Национальное лицо России – это многообразие. Россия – это единство в многообразии. В.А. Тестов⁴ находит воплощение «идеи единства во множестве» в образе Святой Троицы на знаменитой русской иконе Андрея Рублева. Этот Божественный символ уходит корнями в глубокую древность, связывая Россию со всем человечеством. В русской религиозной философии символ единства во множестве заключается в понятии соборности как зерна русской идеи, выражающей концепцию синергии, в которой взаимодополняются западные и восточные ценности: свобода и единство. Россия сильна именно своей универсальностью, готовностью впитывать и усваивать чужое, делая его своим. Русская культура – глубоко синтетическая культура

¹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря / Сост. и послесловие П.В. Алексеева. – М.: Республика, 1995. – С. 103.

² Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – С. 442.

³ Богуславский М.В. Ценности образования в наследии философов Русского Зарубежья (1920-е – 50-е гг.) // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20-50-е годы XX века. – Саранск, 1998. – С. 38.

⁴ Тестов В.А. Ценности российской цивилизации как стратегические цели образования // Педагогика. – 2009. – №1. – С. 17.

всех народов, населяющих Россию. Живучесть России основана именно на поликультурности, гибкости и подлинном либерализме во взаимоотношениях её этносов. Бердяев определяет нацию как единство исторической судьбы, а национальное сознание есть сознание этого единства¹. Можно согласиться с В.А. Кобылянским, что «...русская идея является вместе с тем Российской в том смысле, в каком идеалы, представления о мире, интересы русского народа совпадают с таковыми у других народов России»².

Подобные взгляды Н.А. Бердяев считает по-настоящему русскими: «Я русский мыслитель и писатель. И мой универсализм, моя вражда к национализму – русская черта»³. Идея русского народа согласно Бердяеву – это всеобщее спасение, свобода и братство, а миссия – в осуществлении более справедливого и человеческого социального строя, чем существующий на Западе, в осуществлении братства людей и братства народов, соединение Востока и Запада в единое христианское человечество. Сотериологический девиз православия выражает вселенский дух христианства: «Спасаться мы должны вместе, миром, соборно, а не в одиночку»⁴. В единстве – сила, правда и вера – вот подходящий лозунг «русской идеи». Объединение, а не разделение, общение, а не сообщение, соборность, а не сборность – так можно сформулировать её важнейшие принципы.

Государственно-политические и духовные устои многонациональности, поликультурности и многоязычия России обосновываются Н.А. Бердяевым универсалистическим складом русской души. Он называл русский народ самой коммюнитарной в мире нацией, потому что для русских в наибольшей мере характерен универсализм и идея всеобщего спасения. С этим связана жертвенная история русского народа, которому свойственны национальное бескорыстие, жертвенность, самоотречение, почти доходящее до самоотрицания.

Мессианизм Н.А. Бердяева – по словам О.Д. Волкогоновой, единственный в своём роде ненационалистический мессианизм – полностью находится в русле христианского универсализма, предполагающего задание и ответственность, а не благо и привилегию: «Мессианизм не означает, что мы лучше других и на большее можем притязать, а означает, что мы больше должны сделать и от большего способны отречь-

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства // Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев; Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. – С. 550.

² Кобылянский В.А. Национальная идея и воспитание патриотизма // Педагогика. – 1998. – №5. – С. 56.

³ Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 263-264.

⁴ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 206.

ся»¹. Религиозный критерий отделяет мессианизм от национализма: «Россия для русских» – это языческий национализм. «Россия для мира» – это христианский мессианизм. <...> Загадка России разгадывается лишь в мессианизме христианском и универсальном. Россия нужна не для своего национально-эгоистического процветания, а для спасения мира»². Вместе с тем Бердяев является противником мессианизма националистического, притязающего на исключительность, потому что не может быть одного избранного народа Божьего в христианском мире, всё христианское человечество есть избранный народ Божий. Миссия народа России – творчески-религиозная, поэтому «если русский народ окончательно перестанет быть христианским народом, то он потеряет своё значение в мире»³.

Сверхнациональная «русская идея» находит своё продолжение в надкультурном определении образования. Известный историк образования Г.Б. Корнетов анализирует западные трактовки образования со времён античной пайдеи до философской антропологии и герменевтики XX века и прослеживает закономерность, заключающуюся в культуроцентричности европейского подхода к образованию⁴. Пайдейя – присущее древним грекам стремление к образованию и культуре. Римское понятие «гуманизм», которое впервые встречается у Цицерона, во многом заимствует греческий идеал пайдеи и принцип калокагатии и связан с открытием человеческого в человеке, а именно культуры, прежде всего «духовной» культуры. Средневековая мистика понимает «образование» «в значении культивирования души посредством раскаяния, очищения и обращения к божественной природе». Мыслители эпохи Возрождения и Нового времени видели целью образования культивирование и развертывание имеющихся у людей от рождения задатков. Достаточно вспомнить Я.А. Коменского и его сравнение учителя с мудрым садовником, который возвращает детей подобно растениям в саду, помогая проявиться их врождённым качествам. Для И.Г. Гердера образование есть «возрастание к гуманности», что значит «культивирование человечности», возможное лишь в обществе, в пространстве созданной людьми культуры, которой, по его мнению, присущ единый источник и универсальный общечеловеческий характер. У Г. Гегеля образование — это

¹ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2007. – С. 104.

² Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков // Алексей Степанович Хомяков. Миросозерцание Достоевского. Константин Леонтьев. [Собрание сочинений. Т. V.] – Париж: YMCA-Press, 1997. – С. 187.

³ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2007. – С. 767.

⁴ Корнетов Г.Б. Феномен образования и его педагогическая интерпретация // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии Университета РАО. – Вып. 3: Теория и история педагогики. – М.: Изд-во УРАО, 2001. – С. 5-27.

способ осуществления человеком себя как духовного, разумного, свободного существа посредством подъёма ко всеобщему, восхождения к культуре, выхода за пределы ограниченности собственной природной данности. По М. Шелеру, образование человека есть «культура души», соответствующая, с одной стороны, собственному индивидуальному своеобразию и предназначению, а с другой — объективной серьёзной культуре знаний своего времени. Х.-Г. Гадамер видит в образовании основу, позволяющую человеку войти в коммуникационное пространство культуры, освоить мир как некий текст, постичь его значения, наполнить их личностным смыслом. Г.Б. Корнетов приходит к выводу, что «в классической западноевропейской интеллектуальной традиции утвердился взгляд на образование как на процесс и результат обретения человеком своего образа в пространстве культуры»¹, или, говоря словами Ф.В.А. Фрёбеля, образование должно включить человека в прошлое, настоящее и будущее культуры.

Если западная трактовка образования сплошь культурна, согласно Г.Б. Корнетову, то российская – сверхкультурна также, как и «русская идея» по Бердяеву: «... Русская идея не есть идея цветущей культуры и могущественного царства, русская идея есть эсхатологическая идея Царства Божьего»². На Западе всё устроено, Град Земной обретён. Русские же – это «взыскующие Града Небесного». Они не удовлетворены вполне земным обустройством и материальным благополучием в той мере, в которой доволен западный человек. Бердяев объясняет это тем, что «русская идея», в отличие от идей других великих народов и цивилизаций, например, западной, не ограничивается культурным строительством, но стремится к тотальному преобразованию мира, к целостному творчеству жизни, её просветлению и преображению³.

Культура внешняя, безусловно, важна, но не определяет духовного ядра личности. Ещё раз вспомним предложенное И.В. Киреевским разделение двух видов образованности: первая, «высшая» – «внутреннее устройство духа силою извещающей в нём истины»⁴ и вторая, «внешняя» – «формальное развитие разума и внешних познаний»⁵. Внешняя культурность есть ничто без внутреннего стержня. Если на Западе ценится культура внешняя, то в России отношение к ней скептическое, как

¹ Корнетов Г.Б. Феномен образования и его педагогическая интерпретация // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии Университета РАО. – Вып. 3: Теория и история педагогики. – М.: Изд-во УРАО, 2001. – С. 11.

² Бердяев Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 147-148.

³ Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи // Н.А. Бердяев. Истина и откровение. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. – С. 313-314.

⁴ Киреевский И.В. Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и примеч. Ю.В. Манна; Редкол.: М.Ф. Овсянников (пред.) и др. – М.: Искусство, 1979. – С. 189.

⁵ Там же, с. 189.

к чему-то искусственному и вторичному, неподлинному. Образование объективированное и образование экзистенциальное коррелируют в данной классификации в проблемном поле концепта культуры.

Тоталитарность, целостность и догматизм русского мировосприятия выражается в поиске смысла жизни: «Всякий истинно русский человек интересуется вопросом о смысле жизни и ищет общения с другими в искании смысла»¹. Показательны в этой связи результаты исследования значимости вопроса о смысле жизни на постсоветском пространстве: «...Процессы жизненной устойчивости в странах СНГ на 84% зависят от духовного состояния общества и только на 16% — от материальных условий. Следовательно, в России физическая жизнеспособность населения зависит не только от условий бытия, но и от нравственной атмосферы и эмоционального состояния общества»².

В этом сверхкультурном максимализме счастье и горе России. Русский человек недооценивает культуру внешнюю, при этом он видит большой смысл и глубину внутри. Одарённость русского народа контрастирует с дефицитом оформленности, его безгранностью и стихийностью. С этим связан и ставшей притчей во языцех свойственный русским правовой нигилизм. Русские, в отличие от западных людей, ставят содержание выше формы и не хотят быть законниками. Бердяеву вторит в этом вопросе Н.О. Лосский, объясняя бедность и неустроенность материального быта у русских малым интересом к внешней культуре³.

Пренебрежение к культуре нередко приобретает нигилистический характер. Определённую вину за это Н.А. Бердяев возлагает на православное воспитание и в отличие от славянофилов настроен к нему крайне критически, призывая не отрекаться от культуры: «Наше народное религиозное воспитание не было благоприятно культуре. <...> Культура сама по себе также не может быть обоготворяема, но в культуре есть ценности, которые несут на себе отблеск божественного света и которые заслуживают почитания и бережного к себе отношения. <...> Народ наш без смирения перед культурой и без творческого отношения к культуре обречён на разложение и гибель»⁴. Вывод же следующий: «Если возможна в России великая и самобытная культура, то лишь культура религиозно-синтетическая, а не аналитически-

¹ Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. — М.: Эксмо, 2008. — С. 550.

² Перевезенцев С.В. О смысле бытия и философии образования русского народа // Педагогика. — 2001. — №8. — С. 94.

³ Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. — М.: Политиздат, 1991. — С. 331.

⁴ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. — М.: Астрель, 2007. — С. 756-757.

дифференцированная»¹. То есть, в конечном итоге, Бердяев верит в религиозный тип целостной культуры как единственно возможный и продуктивный для России.

Критический подход к российской действительности можно считать характерной особенностью темы России у Н.А. Бердяева и многих других русских религиозных философов². Т.В. Беспалова обращает внимание на аксиологическую обусловленность патриотизма в концептуальной версии Бердяева, критерием истины которого выступает историческая правдивость: «Правда представляется философом одной из высших ценностей, она непосредственно связана с патриотическим порывом»³. Действительно, этический постулат правдивости – важнейший для Бердяева: «Правдолюбие есть основная онтологическая добродетель, первая из добродетелей. Будь прежде всего правдив перед Богом, перед самим собой и перед людьми. С этого начинается реальная нравственная жизнь, т.е. различение нравственных реальностей, жизнь в реальностях, а не в фикциях»⁴.

Если человек не ставит перед собой задач, то он разлагается как личность. Равным образом, если перед нацией отсутствуют великие задачи, если нет объединяющей идеи, она деградирует и вымирает. «Русская идея» – это как раз и есть такая духовная сверхзадача русского народа и других братских народов, объединённых под крылом единой российской цивилизации.

Есть объективированное понимание патриотизма; это так называемый государственный или «квасной» патриотизм, формальный, напоказ, неподлинный. Истинный патриотизм, по Н.А. Бердяеву, должен основываться на прочной нравственной основе таких добродетелей, как правдолюбие и честность, а также этическом долге быть верным самому себе, своему индивидуальному национальному лицу в универсальном единстве всего человечества. Любить свою страну и свой народ не значит ненавидеть других, потому что через них мы лучше можем понять себя. Вспоминаем посыл Бердяева, что выходя из себя, мы приходим к себе. Закладывание таких моральных постулатов с ранних лет в процессе воспитания формирует правильное отношение к многонациональному обществу и разнообразию мира.

¹ Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков // Алексей Степанович Хомяков. Мирозерцание Достоевского. Константин Леонтьев. [Собрание сочинений. Т. V.] – Париж: YMCA-Press, 1997. – С. 202.

² История философии: Запад-Россия-Восток (книга третья: Философия XIX-XX в.). – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шигалина, 1999. – С. 305.

³ Беспалова Т.В. Патриотизм в концептуальной версии Н.А. Бердяева: социально-философский анализ // Философия права. – 2009. – № 1. – С. 85-88. Научная электронная библиотека E-library.ru. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15260360>.

⁴ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 148.

В.М. Хаустов связывает сущность феномена патриотизма с акцентированным выражением самосознания нации, народа¹. В.А. Коробанов считает патриотизм одним из явлений общественного сознания, выделяя три уровня: подсознательный (интуитивные представления о Родине), активистски-волевой (эмоционально-действенный) и идеологический (духовно-нравственные убеждения личности). Согласно В.И. Далю, «патриот» – это «любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник»². Г.Г. Дилигенский рассматривает патриотизм как сумму позитивных сознательных и бессознательных ориентаций относительно своей родины и своего народа³. Патриотизм как базовое понятие патриотического воспитания есть положительная этическая ценность, творческое качество, направленное на созидание и единение, предполагающее понимание и уважение иного в отличие от национализма, для которого характерен «образ врага», неприятие чужого, поиск виновного, эмоционально-негативное восприятие другого на аффективном уровне. Патриотизм в России как многонациональной и поликультурной державе всегда имел интернациональный характер, отвечающий глубинной сути христианского универсализма и делающий Россию по-настоящему великой цивилизацией в духовном смысле этих слов.

Нередко национальные характеристики, в том числе и образовательные, сводятся к перечислению достоинств, ценностей, базовых основоположений культуры народа, освещаемых преимущественно в положительном ключе, делается ли это сознательно или бессознательно. В результате получается своего рода апология национального достоинства, чем грешат, к примеру, те же славянофильские идиллии. Это же касается стратегий национального воспитания. Упор в них делается, как правило, на положительных чертах народной души. При этом как-то в тень уходят негативные моменты. На таком фундаменте сложно построить адекватную систему самосовершенствования. Нужны цели и задачи, к выполнению, которых нужно и должно стремиться. Такую аксиологическую основу с русским акцентом предоставляет этическая концепция Н.А. Бердяева, укоренённая в его теме России.

Исторической судьбой России предопределено воплотить в социальную реальность идеи всечеловечности и справедливости, свободы и братства. Собственно в этом Н.А. Бердяев видит смысл «русской идеи»⁴.

¹ Хаустов В.М. Патриотизм и патриотическое воспитание // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – №4. – С. 326.

² Там же, с. 328.

³ Там же, с. 326-327.

⁴ Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность // Бердяев, Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / Составление и комментарии В. В. Сапова. – М.: Канон+, 1999. – С. 255-256.

Не случайно, что именно в России впервые в мире была сделана попытка по устройению общества на христианских основаниях свободы, равенства и братства, эксперимент, который несмотря на западные основы, имел чисто русскую специфику. Сам марксизм удивительным образом переродился, стал русским по сути и по духу, исполняя заветные чаяния российского народа. И это не просто социальный мотив, это мессианская мечта русского человека, убеждён Бердяев, мечта, которая вместе с тем носит вполне конкретный, а не отвлечённый характер подобно абстрактным гегелевским построениям. Вот почему этическое так сильно вплетено в сознание россиян. По мнению Бердяева, доминирование морального начала над метафизическим в русской душе раскрывает страстное желание преобразить весь мир¹. Как пишет С. Хоффман, «для Бердяева миссия России – духовная, обусловленная чувством долга по отношению ко всему человечеству. Это не мессианизм, требующий власти для её достижения»².

Склонность к поиску правды, в том числе и социальной, к первоосновам во многом объясняет неприятие русских к условностям и условной социальной лжи, что имеет своё отражение в неприятии высокой культуры, настороженности по отношению к интеллигенции. Главным у русского человека искони считалось то, что внутри у человека, а не то, что снаружи, образованность внутренняя, нравственный стержень, который может быть и у простого неграмотного крестьянина. Внешняя формальная образованность, не подкреплённая духовной целостностью, ничего не стоит. Поэтому для русских так характерно неприятие и изобличение патетической неправды.

В свете теории объективации Н.А. Бердяева по-новому проявляется такая черта русского человека как открытость. Она проявляется в общительности, контактности, готовности излить душу, потому что русский видит в человеке субъекта, а не объекта. Н.О. Лосский находит в этом доказательство своей теории интуитивизма. Открытость русской души другому наводит его на мысль о том, что в сознание таким образом проникают реальные предметы, а не их умозрительные копии³. Ответственность приобретает своё предельное выражение как ответственность всех за всех и за всё, когда каждый отвечает как за субъективный,

¹ Бердяев Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 65.

² Hoffmann S.P. Taylor University. Nicholas Berdyaev, the Russian Idea, and Liberty. P. 245 / URL: http://campus.houghton.edu/offices/acad_dean/Hoffmann01_Nicolas_Berdyaev.htm.

³ Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – С. 258.

так и за объективный аспект своих действий, как за их форму, так и за содержание¹.

На Западе сложился устойчивый стереотип, который, к сожалению, разделяется почти всеми и в самой России, что нам якобы чужды представления о ценности личности и свободы. Н.А. Бердяев решительно с этим не согласен и говорит почти кощунственные для западников вещи, что личность в России и внутренняя свобода всегда проявлялись ярче, чем в западных безликих технизированных формальных демократиях, недаром же А.С. Хомяков полагал, что русские должны открыть Западу «таинство свободы»². Характерно, что иностранка М.-М. Дави пишет о Н.А. Бердяеве: «Только бескрайняя земля России, с её универсалистской религиозной верой, сочетающей западное и восточное, смогла произвести на свет столь страстно преданного свободе человека»³.

Н.А. Бердяев не был склонен идеализировать русский народ, считал, что многие его лучшие качества находятся ещё в потенции. Русский человек сильно поляризован и противоречив. Потребность всё в мире осмыслить морально и религиозно порождает антиномичность, дуализм нравственных состояний. В «Духах русской революции», в сборнике «Судьба России», опубликованных в 1918 году, Бердяев обрушивается с жёсткой критикой на застарелые пороки русского нравственного сознания, наглядно проявившиеся в революционной смуте. Он пишет об «омертвлении русских душ»⁴, о том, что «...нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам»⁵, а «колоссальное мошенничество, бесчестность» характеризует как «болезнь русской души»⁶. «Для русского человека так характерно это качание между святостью и свинством»⁷. «Русского человека слишком легко «заедает среда». Он привык возлагаться не на себя, не на свою активность, не на внутреннюю дисциплину личности, а на органический коллектив, на что-то внешнее, что должно его подымать и спасать. <...> Принцип «всё или ничего» обычно в России оставляет победу за «ничем»⁸.

¹ Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики // Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – С. 126.

² Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи // Н.А. Бердяев. Истина и откровение. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. – С. 252-253.

³ Davy, M.-M. Nicolas Berdyaev: Man of the Eighth Day. – Transl. by L. Siepmann. GEOFFREY BLES LTD., London, 1967. – P. 24.

⁴ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2007. – С. 782.

⁵ Там же, с. 780.

⁶ Там же, с. 782.

⁷ Там же, с. 80.

⁸ Там же, с. 81.

В статье «К вопросу об интеллигенции и нации»¹ Н.А. Бердяев видит характерную особенность русской интеллигенции в личной безответственности, соединённой с идеей равенства, в то время как только ответственность личности за себя, свой народ и общество может означать подлинную нравственную революцию, моральный переворот сознания. Для Бердяева свобода и ответственность идут рука об руку, ведь только свободный ответствен, а ответственный свободен. Критика толстовской морали непротivления как выражения пассивности русского человека, у которого «сердце преобладало над умом и над волей»², позволяет говорить об основной «болезни русского нравственного сознания», заключающейся «в отрицании личной нравственной ответственности и личной нравственной дисциплины, в слабом развитии чувства долга и чувства чести, в отсутствии сознания нравственной ценности подбора личных качеств»³. «Русский народ, быть может, самый духовный народ в мире. Но духовность его плавает в какой-то стихийной душевности, даже в телесности»⁴. Актуальность такой постановки вопроса очевидна в свете опроса ВЦИОМ о состоянии нравственности в обществе, который показывает, что в России «чувство свободы не связывается с участием в общественных делах и для многих оно означает отсутствие ответственности и участия»⁵. Показательно, что, говоря о снижении уровня нравственности, россияне главную причину видят в политике государства, в то время как те же американцы, также недовольные моральным состоянием социума, ищут истоки деградации в семье, в каждом конкретном человеке.

Н.А. Бердяев, как истинный патриот, убеждён, что с этими пороками должно бороться. В статье с характерным названием «Большая Россия» он выступает представителем традиционного народного сознания, видящего причину бед в отходе от Бога, от правды Христовой и призывает вернуться на путь истинный и покаяться: «Большая Россия должна сознать свои грехи и искупить их, терзающие её бесы будут изгнаны. Основа же греха есть внутреннее богоотступничество»⁶. Обширная публицистика, посвящённая теме России, особенно военного и революционного времени, наполнена призывами к самоотрезвлению и ис-

¹ Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / Составление и комментарии В.В. Сапова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 133.

² Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2007. – С. 87.

³ Там же, с. 798.

⁴ Там же, с. 87.

⁵ Нравственность и сила // ВЦИОМ: Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=4123>.

⁶ Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / Составление и комментарии В.В. Сапова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 97.

правлению, самодисциплине и ограничению, поскольку «русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безгранность не освобождает, а порабощает её»¹. Настоящая самобытность России должна проявиться в силе и развитии, выплеске творческой энергии, духовной самостоятельности. Нельзя перекладывать бремя тяжёлых решений и необходимых действий на кого-то со стороны. Н.А. Бердяев ратует за западную прививку уважения к человеку, его правам, ответственности и мужественности. В связи с этим понятно, почему некоторые учёные называют его не вполне русским человеком (А.А. Корольков), западником (Н.А. Нарочницкая).

В своей военно-революционной публицистике Н.А. Бердяев пытается найти рецепты преодоления этих пороков. Русский мыслитель видит решение в становлении и закале личного начала, характера и, как следствие, духа, призывает Россию пройти через духовно-религиозное освобождение личности, выковывание личного духа, перейти от коллектива безликого и природного к персоналистической и соборной общности. Одной веры в силу России недостаточно, нужно ещё и явление силы России. Поэтому ключевым русским вопросом Н.А. Бердяев считал «вопрос пробуждения человеческой, народной самодеятельности»². В статье «Оздоровление России»³ говорится о необходимости серьёзной нравственной реформы, которая создала бы новый нравственный закал характера русской личности. Долгая идеализация слабости в России требует дозы здорового нравственного индивидуализма, подбора качественно возвышающихся личностей, нужна личная инициатива и личная ответственность, необходимо усилить чувство обязанности и нравственного долга, при этом следует уменьшить притязательность. Н.А. Бердяев говорил о задаче глубокого перевоспитания русского народного характера и русской личности. Безволие, чувственное существование, эмоционально-заинтересованное мышление, неприятие объективного душат русского человека. Оздоровление возможно через укрепление в нём воли, разума, ищущего истину. Политико-педагогический аспект посыла Н.А. Бердяева заключается в задаче образования демократии как задаче образования национального характера.

Н.А. Бердяев не делится конкретными рецептами патриотического или национального воспитания, считая, что русские – «малопедагогичны»⁴, а благоустроительно-педагогические мотивы у нас были либо не

¹ Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2007. – С. 70.

² Там же, с. 479.

³ Там же, с. 772-774.

⁴ Бердяев Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 255.

выражены, либо представлены «ужасами» «Домостроя»¹. Педагогичность же больше свойственна Западу, что ярко проявляется в критике католицизма, слишком «земного» понимания христианства, с которым Н.А. Бердяев связывал стремление к общественному обустройству и педагогическому руководству паствой в ущерб мессианской устремлённости к Царству Божию: «...Запад был слишком замкнут в цивилизации, слишком социализирован, христианство было слишком педагогическое»².

Однако, педагогичность Н.А. Бердяева в том, что он верит в воспитание русского народа, но скорее не формально-институциональное, а внутренне-духовное. Это, скорее, философско-образовательный, а не дидактико-методический подход: «Будущее зависит от нашей воли, от наших духовных усилий»³. «Я верю в возможность изменения сознания, революцию сознания, переоценки ценностей, духовного перевоспитания человека. И иному сознанию предстанет и иной мир»⁴. В этом он видит смысл и содержание исторического процесса, означающего по определению временность и изменяемость. Это воспитание духа через испытания, которые суждено пройти России, русскому народу. Н.А. Бердяев призывает к активному и целенаправленному изменению народного сознания. У российского народа огромный потенциал и он способен к этому изменению, о чём свидетельствует трансформация взглядов философа в вопросе о половой структуре русской души.

В 1915 году в статье с характерным названием «О вечно бабьем в «русской душе» русский народ характеризуется Н.А. Бердяевым как народ женственный. Он обнаружил в строках восхищения В.В. Розанова при виде марширующих военных преклонение перед государством, послушание личности коллективу, податливость и мягкотелость, благоговение перед силой, которые автоматически перенёс на весь русский народ. Интересно сравнить такую постановку вопроса с позицией Н.О. Лосского⁵, который отрицал гегемонию исключительно женственного начала в русском народе, подчёркивая именно его мужественность как наследие суровых исторических времён. Вместе с тем русским свойственно удивительное гармоническое сочетание мужественной силы и женственной мягкости.

¹ Бердяев Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 198.

² Там же, с. 219.

³ Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи // Н.А. Бердяев. Истина и откровение. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. – С. 326.

⁴ Там же, с. 180.

⁵ Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – С. 290.

«Русская идея» зачастую проявляется в критические моменты развития России. Такими моментами бывали войны, когда народ объединялся на борьбу с неприятелем. Тогда просыпались поистине христианские особенности русского национального самосознания – жертвенность, героизм, стойкость, готовность к лишениям и страданиям, неприхотливость и братский дух единения, «коммунотарности» в терминологии Н.А. Бердяева. Подвиг русского народа в Великой Отечественной войне заставил его пересмотреть свои взгляды в послевоенной «Русской идее» (1946): «В действительности русский народ всегда был способен к проявлению большой мужественности, и он это докажет и доказал уже германскому народу. В нём было богатырское начало. Русские искания носят не душевный, а духовный характер»¹.

В заключение, стоит отметить, что национальная по форме, «русская идея» Н.А. Бердяева универсальна по смыслу и содержанию. Посредством «русской идеи» национализм перерождается в универсализм. Моралистические призывы к толерантности направлены исключительно на сознание и основываются на сознательности, и в этом их слабость. Призывы националистические имеют глубокие корни в коллективном бессознательном, которое необычайно сильно в каждом из нас. Сознание бывает зачастую не в силах справиться с напором «шевелиющегося хаоса» (Ф.И. Тютчев) в архаических недрах человеческой психики. Ужасный опыт нацизма показал всю звериную мощь и неукротимость разбуженных националистических инстинктов, также как и страшную цену, которую заплатило за них человечество. Если сознание бессильно в борьбе с подсознанием, то ему на помощь приходит сверхсознание, то, что превосходит человеческое разумение. А. Трубников связывает образовательные задачи именно с этой высшей сферой, доступной человеку: «Система образования, <...>, должна найти ключ к личности через систему её ценностей на уровне «сверх-Я»². Так вот «русская идея» Н.А. Бердяева имеет опору в сверхсознательной области веры и религиозно санкционирует просветляющие мессианизм, универсализм и патриотизм в противовес узкому национализму и безликому космополитизму. Демонам подсознания он противопоставляет силы сверхсознания. Это своеобразная «пневмотерапия» по Н.А. Бердяеву (С.А. Титаренко).

Этико-педагогический аспект «русской идеи» Н.А. Бердяева создаёт философско-образовательный фундамент для патриотического воспитания. Его универсализм зиждется на христианском мессианизме,

¹ Бердяев Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 254-255.

² Трубников А. Духовность образования и трансценденция // Alma mater. Вестник высшей школы. – 1998. – №8. – С. 11.

согласно которому каждый народ имеет своё собственное религиозно-творческое призвание. Оставаясь национальным, образование должно быть универсальным, поскольку национальность представляет индивидуальное лицо каждого человека, в то время как личность есть универсальность, то есть конкретная целостность всех партикулярных признаков в человеке. Мнимая непедagogичность «русской идеи» контрастирует с её глубинным воспитательным смыслом. Н.А. Бердяев заявляет, что русские – «малопедagogичны» и одновременно говорит о необходимости духовного перевоспитания русского народа. Малопедagogичность русских связывается с пренебрежением к внешней, материальной культуре в пользу сверхкультурной задачи преображения всей жизни, в чём проявляется тотальность русского миропонимания «взыскующих Града Небесного». Вместе с тем Н.А. Бердяев беспристрастно и правдиво обнажает пороки нравственного сознания россиян и предлагает пути решения проблемы. Воспитательный «заряд» «русской идеи» заключается в мысли о том, что без внутреннего изменения невозможны никакие внешние революции. Уважение к личности и правам человека, почитание культуры, воспитание характера, воли, ответственности, ограничение и самодисциплина – таков этико-педагогический рецепт Н.А. Бердяева.

Педагогическая проблематика этики Н.А. Бердяева раскрывается в концепции объективации, идеале свободной и творческой личности, «русской идее» как темах общей теории образования, духовно-нравственного и патриотического воспитания.

Теория объективации имеет ключевое значение для понимания всей философии образования Н.А. Бердяева и наиболее полно отражается в его этическом учении. Онтологическая дихотомия духовного (экзистенциального) и объективированного как «подлинного» – «неподлинного» фундирует педагогическую экспликацию в виде противопоставления экзистенциального и объективированного образования. Образование «подлинное» экзистенциально, духовно, свободно, эзотерично, гениально, аристократично, основывается на творческом призвании личности. Образование «неподлинное» объективировано, формально, основано на необходимости и насилии, экзотерично. Если «неподлинное» образование имеет дело с объектом, то «подлинное» видит в человеке субъекта. Гуманистический смысл образования заключается в его экзистенциальности, понимании образования как образования человека, без отрыва от его антропологической сущности. Образование в контексте этики Н.А. Бердяева рассматривается как путь человека по выполнению

своего творческого призвания, ответ на зов Божий. Речь идёт об экзистенциальном образовании, но при этом признаётся необходимость и неустрашимость объективированного образования. Они переплетаются и сосуществуют, но смысл «подлинного» образования заключается в преодолении неподлинности, связанном с выходом в экзистенцию, трансценденцией человека.

Образовательный идеал Н.А. Бердяева полностью определяется его этическими воззрениями. Это целостный образ личности-творца, аристократа духа, борца за свободу, имеющий глубокий религиозный смысл. В дополнение к православной трактовке, видящей цель образования в спасении души, Н.А. Бердяев говорит о её творческом преобразовании, отдавая приоритет именно творчеству, а не спасению. Становление личности для Н.А. Бердяева – это путь «подлинного» образования, путь преодоления объективации, выход к экзистенции. Важный личностный компонент, имеющий духовное определение, связывается с характером человека, становление которого обуславливает активное применение средств духовно-нравственного воспитания. Такое качество личности как аристократизм также обладает духовным содержанием, задаёт качественный ценз, внутреннюю иерархию в отличие от объективной социальности, позволяет номинировать философию образования Н.А. Бердяева как «элитопедагогику» (Г.К. Ашин). Частичные общественные, функциональные идеалы преобразовались в компетенции, что превращает современное образование в обучение, тренировку (training). Тип специалиста объективирует человека как общественную функцию в контексте «неподлинного», объективированного образования. Идеал, который утверждает Н.А. Бердяев, заключается в обретении образа человеческого как образа Божия, а потому есть идеал «подлинного», духовного образования.

Патриотическое воспитание в контексте философско-образовательной мысли Н.А. Бердяева является по сути воспитанием духовно-нравственным, а «русская идея» – концепцией этической и педагогической. Этика играет ключевую роль в понимании национального призвания народа России, выраженного в «русской идее», имеющей универсальное, общечеловеческое значение и выходящей из узких сугубо национальных и конфессиональных рамок. Поэтому в определённом смысле можно обозначить «русскую идею» как идею общероссийскую. Она заключается в духовном объединении человечества на основе «коммунотарности» русского человека, его всемирной отзывчивости и этической обращённости. Вместе с тем христианский универсализм сочетается с признанием национального лица каждого человека как представителя определённой общности, обладающей своим даром, талантом

и предназначением на пути преображения человечества. При этом краеугольным камнем позиции Н.А. Бердяева выступает утверждение, что нация – часть личности, а не личность часть нации. Таким образом, этический персонализм Н.А. Бердяева разрешает дихотомию «универсальное-партикулярное» как одну из основополагающих проблем патриотического воспитания. Внешняя «непедагогичность» народа России, вероятно, характеризует объективированное понимание педагогики Н.А. Бердяевым и не относится к пониманию «подлинного» образования уже на глобальном уровне как обретению божественного на пути национального творчества. Н.А. Бердяев утверждает сверхкультурное предназначение русского народа как «взыскующих Града Небесного», но одновременно призывает пройти путь культурного творчества, не отрекаться от материального и не абсолютизировать духовного. Духовная миссия России предстаёт перед нами в явно педагогическом ключе, поскольку у Н.А. Бердяева идёт речь о воспитании нравственного характера русской нации. Прохождение «великой религиозной школы» этического взросления уготовило России путь тяжёлых исторических искушений и страданий, преодоление которых очищает и одухотворяет каждого представителя единой целостности нации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И зучение этического учения Н.А. Бердяева выявило его значительный педагогический потенциал. Теория объективации, идеал личности, экзистенциалы свободы и творчества, категории добра и зла, целей и средств, ряд конкретных вопросов морали, «русская идея» являются, судя по вниманию к ним самого Н.А. Бердяева и исходя из традиции осмысления его философии, ключевыми для раскрытия этико-педагогической проблематики, освещая темы общей теории педагогики, духовно-нравственного и патриотического воспитания.

Творческое наследие Н.А. Бердяева исследуется в качестве оригинальной философско-педагогической концепции в русле современного междисциплинарного подхода к осмыслению феномена образования. Скептическое отношение мыслителя к педагогическим институтам складывалось на фоне особенностей личностного развития и негативных детских воспоминаний. Творческая природа и ярко выраженный индивидуализм, внешняя и внутренняя аристократичность, врождённая гордость и свободолюбие Бердяева не вписывались в строгие каноны учебных заведений. Жёсткая дисциплина, ориентация на средний уровень, количественный ценз вместо качественного отталкивали юного мечтателя от формального образования, которому он предпочитал самообразование, называя себя автодидактом. Однако непедагогичность, а подчас и антипедагогичность ряда высказываний Бердяева имеют поверхностный характер и не отражают глубинное содержание его философии. Если рассматривать образование как путь познания, в том числе этического познания, как на уровне отдельной личности, так и в глобальном масштабе, то этот путь утверждается и даёт основания для построения определённой системы философии образования. В оправдание этического смысла познания фактически легитимируется ценность образования. Сам стиль философа – очень педагогичный, нацеленный на убеждение и внушение. При этом Н.А. Бердяев выступает в качестве потаённого наставника, который учит ненавязчиво и прикровенно и лишь тех, кто внутренне готов понять и услышать этот глас. Некоторые полагают, что Н.А. Бердяев манипулирует читателем, завораживает его своим слогом и гениальной простотой мысли, заставляя без сомнений и возражений следовать за автором (В.А. Кувакин). Но нельзя не согласиться, что дар внушения, умение убедить и найти контакт с другой личностью – это тоже учительский талант. Манипуляция не является целью автора, а если и присутствует, то лишь как невольный побочный эффект на пути свободного приобщения к знанию.

С точки зрения нынешней философии образования, в принципе допустима и возможна педагогическая трактовка любого философского учения, ведь образовательная действительность, также как и вся челове-

ческая культура, не дискретна, но, напротив, существует в виде неразрывной целостности. Фактически общая философия как форма выражения педагогических идей – это важнейший источник для философии образования. Являясь по сути «протофилософией образования» (А.П. Огурцов, В.В. Платонов), имея имплицитный характер, философия образования Н.А. Бердяева нуждается в педагогической реконструкции. Основным методом выступает критический анализ, основанный на «аналогичной духовной устремлённости» и «следовании духу автора» (С.А. Титаренко), то есть речь идёт, по сути, о «субъективной реконструкции» (С.А. Титаренко), основанной на личной позиции интерпретатора и его творческом диалоге с автором, сопричастности, которые являются необходимыми условиями подлинного гуманитарного познания.

Философия образования Н.А. Бердяева имеет скрытый эзотерический смысл, требующий расшифровки, язык его символичен и не допускает буквальности понимания, а стиль размашист и показательно свободен. Однако за мнимой противоречивостью и хаотичностью прослеживается внутренняя стройность и последовательность мысли, задающая целостность и систематичность его философии, что позволяет говорить об основаниях для научного анализа его текстуального корпуса, обуславливая наличие структуры исследования. Этическая система Н.А. Бердяева – это ключ ко всей его философии, которую можно назвать «Большой Этикой» (Н.В. Плетнёва). В определённом смысле этика выступает также в качестве поля всей философии образования Н.А. Бердяева как «учение о назначении и призвании человека».

Этическая проблематика в образовании весьма обширна и не ограничивается конкретными вопросами нравственности, которые можно эксплицировать в систему духовно-нравственного воспитания. Этика в педагогике не сводится исключительно к воспитательным технологиям, но даёт срез всей философии образования. Важнейшее значение для педагогического прочтения текстов Н.А. Бердяева имеет теория объективации, обладающая глубоким этическим смыслом. Это учение раскрывает перед нами всю картину мироздания через дихотомичность «подлинного» и «неподлинного» «миров», что справедливо и для понимания двуединой природы образования – экзистенциального и объективированного, которые сосуществуют в нашем разделённом мире. Критика объективации как формы искажения экзистенциальной реальности выступает в качестве критики формального образования, социальных институтов, являясь, по сути, предтечей критической и постмодернистской педагогики, связанной с именами И. Иллича, П. Фрейре, М.Фуко. «Подлинное» образование всегда экзистенциально, свободно, ненасильствен-

но. Это есть раскрытие образа Божьего в человеке на пути выполнения своего призвания – творческого ответа на призыв Божий.

Цель, идеал, образ – лишь несовершенные слова, вербальные объективации, выражающие результат образовательного пути человека. Но Н.А. Бердяев уверен, что путь может быть важнее результата, а средства цели. Поэтому, несмотря всё же на наличие такой цели – обожения человека, главное внимание уделяется пути, по которому идёт человек к этой цели. Православное понимание цели образования проникнуто у мыслителя творческим активизмом. Фактически человек – это со-творец мира, отвечающий на зов Бога. Образ человека творческого воплощается в идеале личности, предлагаемой Бердяевым. Для философа путь становления личности – это путь преодоления объективации, путь вхождения в экзистенциальное пространство, обретения сыновства у Бога, путь образования. Образ Божий есть духовная основа личности как образа человеческого. Личность не даётся даром, она обретается в борьбе за осуществление собственного предназначения, всегда индивидуального, уникального, воплощающего талант, и вместе с тем всеобщего и универсального, обуславливающего этику вселенской взаимозависимости, когда «все ответственны за всех». В этой связи особую важность приобретает становление и воспитание характера, понимаемого как духовный стержень, активно-творческое начало, основа духовного аристократизма личности.

Взаимосвязь одного человека и всего рода человеческого выражена в историческом пути нравственного образования. В этом смысле конец истории как её смысл, по Бердяеву, означает и завершение образования. Образование в этом мире происходит в борьбе добра и зла. Даже путь зла может быть путём образования, если он приводит к его изобличению, раскрытию его ничтожества, пустоты и небытия.

Народ как часть человечества есть личность в человеческой семье. Нравственно-педагогический смысл национального образования также заключается в выполнении своего призвания, которое у каждого народа, в зависимости от его дара, своё. Быть личностью для Н.А. Бердяева значит иметь своё национальное лицо, что не исключает универсального предназначения человека. Персонализм Н.А. Бердяева разрешает противоречие между национальными и общечеловеческими ценностями, создавая этико-педагогическую основу для духовно-патриотического воспитания, закладывая аксиологию стратегического развития российского образования. «Русская идея» – это особая миссия, выпавшая на долю народа России в историческом деле образования. Миссия эта, согласно Н.А. Бердяеву, объединяет всё человечество, но ещё необходимо пройти путь преодоления пороков нравственного сознания, воспитать себя до

осознания своей роли, зачатки которого живут в каждом из дочерей и сынов великой России. В основе самой идеи подлинного патриотизма в понимании Н.А. Бердяева лежит онтологическая честность, правдивость перед собой. Опыт внешних революционных изменений в истории нашей страны показывает, что исключительно материальными средствами невозможно прийти к благоденствию и процветанию, и только внутренняя революция, совершившаяся в душе человека, приводит к истинному преображению. Проблема духовности и нравственности каждого человека в отдельности и всего общества в целом является основополагающей для педагогики. Н.А. Бердяев говорит об этико-педагогических вопросах, актуальных для нашего общества и нашего времени, но пути решения видит вечные, универсальные, единые для всего человечества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аванесова Г.А., Вахренева П.Е. Духовный проект Н. Бердяева. (Опыт системного подхода к наследию) // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 2005. – №4. – С. 37-57.
2. Аверин Н.М. Русская религиозно-идеалистическая этика как феномен отечественной и мировой культуры // Вестник ТГУ. – 2008. – Выпуск 9 (65). – С. 24-34.
3. Агошкова Е.Б. Категория «система» в современном мышлении // Вопросы философии. – 2009. – №4. – С. 57-71.
4. Агошкова Е.Б., Ахлибининский Б.В. Эволюция понятия системы // Вопросы философии. – 1998. – №7. – С. 170-178.
5. Александрова Р.И., Белкин А.И. Философия образования Российского Зарубежья: духовно-нравственные искания // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20-50-е годы XX века. – Саранск, 1998. – С. 42-51.
6. Антипин Н.А. Мировоззренческие и методологические проблемы разработки философии образования для XXI века // Инновации и образование. Сборник материалов конференции. – Серия «Symposium», выпуск 29. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 15-27.
7. Апресян Р.Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии. – 2006. – №5. – С. 3-15.
8. Арламов А.А. Проблемы современной педагогической науки и философия (замечки педагога-методолога) // Вопросы философии. – 2008. – №1. – С. 163-168.
9. Арламов А.А., Почтер Р.В. Проблемы методологии педагогики: постнеклассический период // Педагогика. – 2008. – №5. – С. 98-104.
10. Асташова Н.А. Концептуальные основы педагогической аксиологии // Педагогика. – 2002. – №8. – С. 8-13.
11. Ашин Г.К. Проблемы элитного образования в зарубежной социологии // Социологические исследования. – 2005. – №2. – С. 87-95.
12. Ашин Г.К. Философская составляющая элитологии // Вопросы философии. – 2004. – №7. – С. 60-72.
13. Бейсенова Г.А. Мишель Фуко: образование-знание-власть // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – №3. – С. 250-261.
14. Белозерцев Е.П. Образование: историко-культурный феномен. Курс лекций. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 704 с.
15. Белозерцев Е.П., Крикунов А.Е., Павленко А.И. Школа и семья в философско-педагогической публицистике В.В. Розанова: монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. – 275 с.

16. Бердяев Н.А. Автобиография // Вестник Русского Христианского движения. – № 177 (I-II, 1988). – С. 122-134.
17. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков // Алексей Степанович Хомяков. Миросозерцание Достоевского. Константин Леонтьев. [Собрание сочинений. Т. V.] – Париж: YMCA-Press, 1997. – С. 9-202.
18. Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 227-378.
19. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции / Н.А. Бердяев; Составление и комментарии В.В. Сапова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 399 с.
20. Бердяев Н.А. Истина и откровение. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. – 384 с.
21. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 220 с. / Библиотека Якова Кротова. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1937_042_2.html.
22. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев // Алексей Степанович Хомяков. Миросозерцание Достоевского. Константин Леонтьев. [Собрание сочинений. Т. V.] – Париж: YMCA-Press, 1997. – С. 382-576.
23. Бердяев Н.А. Лев Шестов // Путь. – 1936. – №50. – С. 50-52.
24. Бердяев Н.А. Лев Шестов и Киркегор // Типы религиозной мысли в России [Собрание сочинений. Т. III]. – Париж: YMCA-Press, 1989. – С. 397-405.
25. Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи // Н.А. Бердяев. Истина и откровение. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. – С. 157-326.
26. Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность // Бердяев, Н.А. Новое религиозное сознание и общественность / Составление и комментарии В. В. Сапова. – М.: Канон+, 1999. – 464 с.
27. Бердяев Н.А. О достоинстве христианства и недостоинстве христиан. – Париж: YMCA-Press, 1928. – 29 с.
28. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 19-252.
29. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря / Сост. и послесловие П.В. Алексеева. – М.: Республика, 1995. – С. 3-162.
30. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 379-564.

31. Бердяев Н.А. Основная идея философии Льва Шестова // Путь. –1938-1939. – №58. – С. 44-48.
32. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914-1922 / Н.А. Бердяев; вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2007. – 1179, [5] с.
33. Бердяев Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 12-256.
34. Бердяев Н.А. Самопознание // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. – М.: Эксмо, 2008. – С. 257-623.
35. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 176 с.
36. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 16-336.
37. Бердяев Н.А. Спасение и творчество // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 628-653.
38. Бердяев Н.А. Ставрогин // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – С. 5-15.
39. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 157-226.
40. Бердяев Н.А. Трагедия и обыденность // Типы религиозной мысли в России [Собрание сочинений. Т. III]. – Париж: YMCA-Press, 1989. – С. 362-396.
41. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев; Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. – С. 475-728.
42. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – 480 с.
43. Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев; Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. – С. 25-262.
44. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 565-671.
45. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – С. 254-358.

46. Бердяев Н.А. Этическая проблема в свете философского идеализма // Бердяев Н.А. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900-1906 гг.) / Составление и комментарии В.В. Сапова. – М.: Канон+, 2002. – 656 с. – (История философии в памятниках).

47. Бердяев Н.А. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. *Дух и реальность* / Николай Бердяев; вступ. ст. и сост. В.Н. Калюжного. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. – С. 23-156.

48. Бердяева Л.Ю. Профессия: жена философа / Л.Ю. Бердяева; Сост., авт. предисл. и коммент. Е.В. Бронникова. – М.: Мол. гвардия, 2002. – 262 с.

49. Бермус А. Возможна ли иная методология образования? // *Alma mater*. Вестник высшей школы. – 2005. – №4. – С. 31-38.

50. Бермус А.Г. Гуманитарная методология в образовании: истоки, контексты, опыт // Педагогика. – 2008. – №6. – С. 15-22.

51. Бескова И.А. Проблема творчества и буддийская традиция // Вопросы философии. – 1999. – №7. – С. 158-173.

52. Беспалова Т.В. Патриотизм в концептуальной версии Н.А. Бердяева: социально-философский анализ // Философия права. – 2009. – №1. – С. 85-88. Научная электронная библиотека E-library.ru. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15260360>

53. Бим-Бад Б.М. Джон Дьюи как педагог // Официальный сайт Б.М. Бим-Бада / URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=206&binn_rubrik_pl_articles=69.

54. Богачёва И.Н. Проблематика «антроподицеи» и её педагогический смысл в творчестве Н.А. Бердяева // История педагогики сегодня. – Спб., 1998. – С. 50-71.

55. Богомолова Л.И. Педагогика Российского Зарубежья в контексте диалога // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20-50-е годы XX века. – Саранск, 1998. – С. 62-67.

56. Богуславский М.В. Генезис гуманистической парадигмы образования в отечественной педагогике начала XX века // Педагогика. – 2000. – №4. – С. 63-70.

57. Богуславский М.В. Ценности образования в наследии философов Русского Зарубежья (1920-е – 50-е гг.) // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20-50-е годы XX века. – Саранск, 1998. – С. 22-42.

58. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма: Философия существования / Отто Фридрих Больнов; [Сост. Ю. А. Сандулов]; Научные

редакторы: А. С. Колесников, В. П. Сальников; [Пер. С. Э. Никулина]. – СПб.: Лань, 1999. – 222 с.

59. Бонецкая Н.К. Апофеоз творчества (Н. Бердяев и Ф. Ницше) // Вопросы философии. – 2009. – №4. – С. 85-106.

60. Бордовская Н.В. Системная методология современных педагогических исследований // Педагогика. – 2005. – №5. – С. 21-29.

61. Бродский А.И. Нормативная этика: от объективизма к конструктивизму // Этическая мысль. Вып. 1. М.: ИФ РАН, 2000. – С. 148-158.

62. Валицкий А. По поводу «русской идеи» в русской философии // Вопросы философии. – 1994. – №1. – С. 68-72.

63. Ванина И.Н. Идеи духовно-нравственного воспитания личности в трудах В.С. Соловьёва: автореф. дисс. ... канд. пед. н. – Курск: КГУ, 2008. – 20 с.

64. Варава В.В. Этика и образование. Проблемы и перспективы воспитания в высшей школе // Вестник ВГУ. – Серия: Проблемы высшего образования. – 2008. – №1. – С. 47-53.

65. Васильев В.А. Н.А. Бердяев о происхождении добра и зла // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – №2. – С. 162-178.

66. Вахренева П.Е. Н. Бердяев и его философия человеческого достоинства // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – №3. – С. 275-289.

67. Видякова З.В. Становление русской школы в теории и практике с древнейших времен до октября 1917 г.: автореф. дисс. ... д. пед. н. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. – 38 с.

68. Вишнякова О.В. Этика Бердяева. – М.: Гардарики, 2000. – 184 с.

69. Владимиров А. Урок целомудрия // Педагогика. – 1997. – №4. – С. 52-57.

70. Волкогонова О.Д. Н.А. Бердяев: Интеллектуальная биография. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 112 с.

71. Волкогонова О.Д. Образ России в философии Русского Зарубежья. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. – 325 с.

72. Вологин, Е.А. Экзистенциально-гуманистическая антропология Н.А. Бердяева: дис. ... канд. филос. наук: 9.00.03. – М.: 2003. – 125 с.

73. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Б.П. Вышеславцев; Сост. В. В. Сапов. – М.: Республика, 1994. – 368 с.

74. Вышеславцев Б.П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. – М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. – 437 с.

75. Гаврюшин Н.К. Русская философия и религиозное сознание // Вопросы философии. – 1994. – №1. – С. 65-68.
76. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Русские философско-педагогические учения XVIII—XX вв.: культурно-исторический аспект. – 2-е изд., 2008. – 312 с.
77. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
78. Гайденок П.П. Мистический революционаризм Н.А. Бердяева // Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Республика, 1993. – С. 5-18.
79. Гершунский Б.С. Концепция самореализации личности в системе обоснования ценностей и целей образования // Педагогика. – 2003. – №10. – С. 3-7.
80. Гершунский Б.С. Образование в третьем тысячелетии: гармония знания и веры // Педагогика. – 1998. – №2. – С. 49-57.
81. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века // Мир образования. – 1996. – №4. – С. 49-54.
82. Гессен С.И. О понятии и цели нравственного образования (Публикация Е.Г. Осовского) // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20-50-е годы XX века: материалы Второй Всероссийской научн. конф. «Образование и пед. мысль Российского Зарубежья. 20-50-е гг. XX в.» (Саранск, 16-18 окт. 1997 г.) / Под ред. Е.Г. Осовского. – Саранск, 1998. – С. 152-165.
83. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Отв. ред. и сост. П.В.Алексеев. – М.: «Школа-Пресс», 1995. – 448 с.
84. Гребенюк Н.И. Н.А. Бердяев о трёх началах познания // Страницы истории педагогики. – Пятигорск, 1997. – Вып. 8. – С. 38-39.
85. Громов М.В. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии // Вопросы философии. – 1994. – №1. – С. 54-61.
86. Гулыга А.В. Русская идея и её творцы. – М.: Изд-во Эксмо. – 2003. – 448 с.
87. Гуревич П.С. Психология элитарного образования // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – №4. – С. 128-138.
88. Гусейнов А.А. Об идее абсолютной морали // Вопросы философии. – 2003. – №3. – С. 3-12.
89. Гусейнов А.А. Этика // Вопросы философии. – 1999. – №8. – С. 81-91.

90. Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире (Вступительные заметки к теме конференции) // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 2001. – №1. – С. 18-26. URL: http://old.philos.msu.ru/vestnik/philos/art/2001/guseynov_ethics.htm.
91. Гусинский Э.Н., Турчанинова Ю.И. Введение в философию образования. – М.: Издательская корпорация «Логос», 2000. — 224 с. URL: http://www.pedlib.ru/Books/2/0137/2_0137-1.shtml#book_page_top.
92. Даллмар Ф. Глобальная этика: преодоление дихотомии «универсализм-партикуляризм» // Вопросы философии. – 2003. – №3. – С. 13-29.
93. Добродеева И.Ю. «Новая этика» Н.А. Бердяева // Этнос религиозного опыта / Т.Б. Любимова, А.Н. Лазарева, Д.Н. Казаков и др.; Отв. ред. И.Н. Михеева. – М.: ИФРАН, 1998. – С. 56-67.
94. Додонов В.И. Бердяев о духовно-нравственном развитии личности // Педагогика. – 1994. – № 3. – С. 73-75.
95. Долженко О.В. Очерки по философии образования: учебное пособие. – М.: Промо-Медиа, 1995. – 240 с.
96. Дудина М.Н. Этическая педагогика: проблемы компетентности учителя // Педагогическое образование. – 2008. – №2. – С. 4-11.
97. Дьюи Д. Индивидуальная психология и воспитание // Официальный сайт Б.М. Бим-Бада / URL: http://bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=373.
98. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. Глава первая // Официальный сайт Б.М. Бим-Бада / URL: http://bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=617.
99. Дьяченко Г.В. Символ в философском дискурсе Н. Бердяева: лингвокогнитивный аспект: дис. ... канд. фил. наук. – Луганск, 2008. – 258 с.
100. Евлампиев И.И. Человек, мир и история в антропологической концепции Николая Бердяева // URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/berdyaev/berd_i1.htm
101. Емельянов Б.В. Антроподицея Н.А. Бердяева // Проект «РУНИВЕРС». Журнал «Логосфера». URL: http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/59050/?sphrase_id=36938.
102. Завгородняя А.Л. Творчество как экзистенциальная основа антропологической концепции Н.А. Бердяева в контексте современной гуманитарной культуры: автореф. ... дис. канд. культурологии. – СПб, 2009. – 22 с.
103. Закирова А.Ф. Герменевтическая интерпретация педагогического знания // Педагогика. – 2004. – №1. – С. 32-42.

104. Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.
105. Зеньковский В.В. О национальном воспитании // Российский гуманитарный научный фонд. «Педагогика Российского Зарубежья». URL: <http://pedagogics.narod.ru/obzor/zarub17.txt>.
106. Иванов В.Г. ...Ещё раз об идеале // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. Материалы научной конференции. 26-27 сентября 2000 г. Тезисы докладов и выступлений. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 66-68. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/ivanov_vg/ethics_24.html.
107. Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир: (фрагменты из работ разных лет): пер. / И. Иллич; под ред. Т. Шанина; Моск. Высш. Шк. социальных и экон. наук. – М.: Просвещение, 2006. – 160 с.
108. Ильин И.А. Кризис безбожия // И.А. Ильин. Собрание сочинений в 10 томах. Том 1. – М.: «Русская книга», 1996. – С. 331-358.
109. Ильин И.А. О русской идее // Интернет-журнал Сретенского монастыря. Сайт Православие.ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/050926172642.htm>.
110. Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Приложение к журналу «Вопросы философии» / И.А. Ильин. Сочинения в двух томах. Том 2. Религиозная философия. – М.: Московский философский фонд издательство «Медиум», 1994. – С. 303-471.
111. Ильин И.А. Религиозный смысл философии (Три речи) // Приложение к журналу «Вопросы философии» / И.А. Ильин. Сочинения в двух томах. Том 2. Религиозная философия. – М.: Московский философский фонд издательство «Медиум», 1994. – С. 6-72.
112. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – Москва: ИНИОН РАН (Отдел литературоведения), INTRADA, 2001. – 384 с.
113. История философии: Запад-Россия-Восток (книга третья: Философия XIX-XX в.). – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шигалина, 1999. – 448 с.
114. Кабанов П.Г. Вопросы совершенствования методологической культуры педагога: учебное пособие // URL: <http://www.asf.ru/Publ/monogr/soderz.html>.
115. Кельнер, М. Жизнь и творчество Мартина Бубера // ЛЕХАИМ ИЮНЬ 2000 СИВАН 5760 — 6 (98) / URL: <http://www.lechaim.ru/ARNIV/98/kelner.htm>.
116. Кёглер Г.Г. Этика после постмодернизма // Вопросы философии. – 2006. – №3. – С. 111-117.

117. Киреевский И.В. Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и примеч. Ю.В. Манна; Редкол.: М.Ф. Овсянников (пред.) и др. – М.: Искусство, 1979. – 440 с.
118. Кобылянский В.А. Национальная идея и воспитание патриотизма // Педагогика. – 1998. – №5. – С. 52-58.
119. Козырев Ф.Н. Религиозный компонент духовно-нравственного воспитания // Педагогика. – 2008. – №9. – С. 62-71.
120. Колесникова И.А. Воспитание к духовности и нравственности в эпоху глобальных перемен // Педагогика. – 2008. – №9. – С. 25-33.
121. Корнетов Г. Педагогические парадигмы базовых моделей образовательного процесса // Сибирь. Философия. Образование. – Новокузнецк, 1999. – №3. – С. 13-22.
122. Корнетов Г.Б. Феномен образования и его педагогическая интерпретация // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии Университета РАО. – Вып. 3: Теория и история педагогики. – М.: Изд-во УРАО, 2001. – С. 5-27.
123. Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – 739 с.
124. Краевский В.В. Воспитание или образование? // Педагогика. – 2001. – № 3. – С. 3-10.
125. Краевский В.В. Методология педагогики: прошлое и настоящее // Педагогика. – 2002. – №1. – С. 3-10.
126. Крикунов А.Е. Образование в перспективе онтологии (онтологическое обоснование педагогических практик в русской религиозной философии): монография. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2010. – 224 с.
127. Крикунов А.Е. Феномен образования в русской персоналистической философии: монография. – Волгоград: ВГПУ, Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – 293 с.
128. Кротов Я. О Бердяеве. Что такое «бердяевский стиль» // Библиотека Якова Кротова / URL: http://krotov.info/yakov/6_bios/58_xx/_berdyaev.htm.
129. Крылова Н. Реконструкция пайдеи. Что может дать философский конгресс рядовому учителю // Народное образование. – 1999. – №1-2. – С. 80-85.
130. Кувакин В.А. Религиозная философия в России: Начало XX века. – М.: Мысль, 1980. — 309 с.
131. Кузьмина С.Л. Философия и педагогика: методологические аспекты истории взаимосвязи // Педагогика. – 2001. – №5. – С. 8-12.

132. Кузьмина Т.А. Экзистенциальная этика Н.А. Бердяева // Этическая мысль. Вып. 8 / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФ РАН, 2008. – С. 87-127.
133. Кулаков Ю.И. Синтез науки и религии // Вопросы философии. – 1999. – №2. – С. 142-153.
134. Культурология. XX век. Энциклопедия / В 2-х тт. — СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. – Т. 1. – 447 с. – Т. 2. – 446 с.
135. Кумарин В.В. Вместо педагогики «философия образования»? // Педагогика. – 1997. – №3. – С. 110-118.
136. Курцвайль Ц. Мартин Бубер и современная педагогическая мысль // Педагогический Альманах «Новая еврейская школа», №6. URL: [http://old.ort.spb.ru/\(Eng\)/nesh/njs6/kurts6.htm](http://old.ort.spb.ru/(Eng)/nesh/njs6/kurts6.htm).
137. Кутырев В.А. Осторожно, творчество! // Вопросы философии. – 1994. – №7-8. – С. 72-81.
138. Лай В.А. О соотношении школы и жизни // Официальный сайт Б.М. Бим-Бада / URL: http://bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=545.
139. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. – М.: Канон, 1996. – 496 с.
140. Либман Г.И., Варбузов А.В., Сухарева Э.О. Теории элит // Социально-политический журнал (Социально-гуманитарные знания). – 1997. – №4. – С. 106-115.
141. Лиотар Ж.-Ф. Преподавание и его легитимация через результативность // Официальный сайт Б.М. Бим-Бада / URL: http://bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1052.
142. Литчфилд К.Э. Свобода человека в философии н. А. Бердяева (этические и метафизические аспекты): автореф. ... канд. филос. наук. – СПб, 2007. – 21 с.
143. Лихачёв А.Е. Нравственное разложение и православие // Педагогика. – 1999. – №6. – С. 114-119.
144. Лихачёв Б.Т. Педагогика противления злу ненасилием // Педагогика. – 1998. – №4. – С. 18-23.
145. Логвинов И.И. Философия образования и педагогика // Педагогика. – 1997. – №3. – С. 105-110.
146. Лосский Н.О. История русской философии. – М.: «Высшая школа», 1991. – 559 с.
147. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики // Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – С. 24-236.

148. Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – С. 237-360.
149. Любимова Б.Т. Интуиция – творчество – знание – опыт // Ориентиры... – М., 2001. – С. 8-32.
150. Лямцев Е.В. Экзистенциальный персонализм Н.А. Бердяева в контексте отечественной и западной философской мысли: автореф. дис. ... канд. филос. н. – М., 2007. – 27 с.
151. Мень А. Николай Александрович Бердяев // Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. Лекции и беседы. – М.: Фонд имени Александра Меня, 1995. – 671 с. / Библиотека Якова Кротова. URL: http://www.krotov.info/library/13_m/myen/00076.html.
152. Меньшиков В.М. Нравственное воспитание: духовно-историческая преемственность // Портал «Вера и время». URL: <http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=27>.
153. Мескин В.А. Н.А. Бердяев: воспитательный идеал и реальный человек // Педагогика. – 1993. – №1. – С. 88-95.
154. Мигولاتьев А.А. Проблема свободы и ответственности человека // Социально-политический журнал (Социально-гуманитарные знания). – 1998. – №4. – С. 49-62.
155. Микешина Л.А. Герменевтические смыслы образования // Философия образования. – М., 1996. – С. 37-52.
156. Микешина Л.А. Специфика философской интерпретации // Вопросы философии. – 1999. – №11. – С. 3-12.
157. Мильдон В.И. Индивидуализм и эгоизм (введение в современную этику) // Вопросы философии. – 2008. – №6. – С. 43-55.
158. Миронов А.В. Кризис духовных ценностей на социокультурном пространстве современной России // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – №3. – С. 39-51.
159. Миронов В.В. Онтологическая сущность этики // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – №1. – 2001. – С. 13-17.
160. Михайлов Ф.Т. Философия образования: её реальность и перспективы // Вопросы философии. – 1999. – №8. – С. 92-118.
161. Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада (В. Соловьёв. Н. Бердяев. С. Франк. Л. Шестов). – М.: Республика; Культурная революция, 2007. – 477 с.
162. Н.А. Бердяев и единство европейского духа / под ред. Владимира Поруса (Серия «Религиозные мыслители»). – М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – 336 с.

163. Н.А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1 / Сост., вступ. ст. и прим. А.А. Ермичева. – СПб.: РХГИ, 1994. – 573 с. – (Русский путь, т. I).
164. Назаров В.Н. Опыт хронологии русской этики XX века: второй период (1923-1959) // Этическая мысль. Вып. 2. – М.: ИФ РАН, 2001. – С. 169-190. URL: <http://iph.ras.ru/page51242685.htm>.
165. Назаров В.Н. Опыт хронологии русской этики XX века: первый период (1900-1922) // Этическая мысль. Вып. 1. – М.: ИФ РАН, 2000. – С. 107-131. URL: <http://iph.ras.ru/page51177774.htm>.
166. Назаров, В.Н. Опыт хронологии русской этики XX века: третий период (1960-1990) // Этическая мысль. Вып. 4. – М.: ИФ РАН, 2003. – С. 179-197. URL: <http://iph.ras.ru/page49720023.htm>
167. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М.: Междунар. отношения, 2003. – 536 с.
168. Наторп П. Философия как основа педагогики / Пауль Наторп. Избранные работы. – Сост. В. А. Куренной. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). — С. 295-383.
169. Никандров Н.Д. Духовные ценности и воспитание в современной России // Педагогика. – 2008. – №9. – С. 3-12.
170. Николай Бердяев и Лев Шестов. Переписка и воспоминания. Публ. Наталии Барановой-Шестовой. – Континент. – 1981. – №30. – С. 293-313.
171. Ницше Ф. О будущности наших образовательных учреждений // URL: <http://www.nietzsche.ru/read-13.php>.
172. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010.
173. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. - Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
174. Нравственность и сила // ВЦИОМ: Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=4123>.
175. Образование и насилие. Сборник статей / Под ред. К.С. Пигрова. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Государственного Университета, 2004. – 276 с. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/gathered/educviol/index.html>.
176. Огурцов, А.П., Платонов, В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. – СПб.: РХГИ, 2004. – 520 с.

177. Олейникова О.Д. Нравственное воспитание как необходимое условие качественного образования // Философия образования. – 2010. – №1 (30). – С. 259-266.
178. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс; Сб.: пер. с исп. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 509, [3] с.
179. Перевезенцев С.В. О смысле бытия и философии образования русского народа // Педагогика. – 2001. – №8. – С. 93-98.
180. Плетнёва Н.В. Учение о добре и зле в философии Н.А. Бердяева: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.05. – М.: 2003. – 179 с.
181. Плеханов Е.А. Становление и развитие религиозно-антропологической концепции образования в отечественной педагогике (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра пед. н. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. – 36 с.
182. Плимак Е.Г., Сабурова Т.А. «Русская идея» Николая Бердяева как наследие русской интеллигенции? // Вопросы философии. – 2006. – №9. – С. 84-101.
183. Погодин А. Оценка религиозных воззрений Н.А. Бердяева с точки зрения учения Церкви // Православный путь (Церковно-богословско-философский ежегодник; приложение к журналу «Православная Русь» за 1991 год). Типография преп. Иова Почаевского, Свято-Троицкий монастырь Джорданвилль, Н.И., 1991. – С. 115-144.
184. Поддъяков А.Н. Философия образования: проблема противодействия // Вопросы философии. – 1999. – № 8. – С.119-128.
185. Поляков Д.Д. Соборность как основа философии образования о. Сергия Булгакова: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Елец, 2006. – 24 с.
186. Попов Л.А. Нравственное воспитание и религия (в современных условиях) // Педагогика. – 1999. – №6. – С. 109-114.
187. Постмодерн: распад цивилизации и политики? Стенограмма передачи «Что делать?» на телеканале «Культура» // Центр Кургиняна. URL: <http://kurg.rtcomm.ru/publ.shtml?cmd=art&theme=10&auth=&id=2200>
188. Постмодернизм. Энциклопедия.— Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. – 1040 с. - (Мир энциклопедий).
189. Православное учение о человеке. Избранные статьи. – Москва-Клин: Издательство «Христианская жизнь», 2004. – 432 с.
190. Проблемы образования и воспитания в контексте гуманистической парадигмы педагогики (конец XIX в. - 90-е гг. XX в.): Монография / под ред. действительного члена РАО, доктора педагогических наук, профессора З.И. Равкина. – М., 2000. – 296 с.

191. Разин А.В. Нравственный мир человека. – М.: Академический Проект, 2003. – 432 с.
192. Рогова А.В. Идеи воспитания человека культуры в философско-педагогической мысли России и русского зарубежья (вторая половина XIX – первая половина XX вв.): автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Рогова А.В. – Санкт-Петербург, 2004. – 41 с.
193. Розин В.М. Предмет и статус философии образования // Философия образования. – М.: Фонд «Новое тысячелетие». – 1996. – С. 7-21.
194. Розин В.М. Философия и методология: традиция и современность // Вопросы философии. – 1996. – №11. – С. 57-64.
195. Розин В.М. Философия образования: Этюды-исследования. — М: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2007. – 576 с.
196. Российская педагогическая энциклопедия: В 2-х тт. / гл. ред. В.В. Давыдов. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 672 с.
197. Румянцева Т.Д. Воспитание как восхождение к свободе в философско-педагогических взглядах христианско-гуманистических мыслителей России конца XIX – начала XX вв. // Проблемы культуры, языка, воспитания. – Архангельск, 1994. – С. 141-146.
198. Руткевич А. Нужна ли философия российской системе образования? // Народное образование. – 2004. – №2. – С. 38-46.
199. Самохвалова В.И. Творчество и энергии самоутверждения // Вопросы философии. – 2006. – №5. – С. 34-46.
200. Сапов В.В. Самопознание Николая Бердяева // Социологические исследования. – 1990. – №10. – С. 86-88.
201. Сапронов П.А. Русская философия. Проблема своеобразия и основные линии развития. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008. – 480 с.
202. Саранцев Г.И. Диалектический подход к осмыслению категории «знание» // Педагогика. – 2001. – №3. – С. 10-16.
203. Семёнов Ю.И. О русской религиозной философии конца XIX - начала XX века // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: http://scepsis.ru/library/id_7.html.
204. Силантьева М.В. Николай Бердяев, экзистенциальная диалектика и всеобщая виртуализация сознания в XXI веке // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – 2004. – №3. – С. 30-43.
205. Силантьева М.В. Новейшая дегуманитаризация образования в свете идей русской религиозной философии (Н. Бердяев) [Электронный ресурс] / М.В. Силантьева // Информационный портал МГИМО МИД

России. URL: http://www.old.mgimo.ru/kf/docs/silantieva_dehumanitarization.htm.

206. Силантьева, М.В. Феноменологическая редукция Э. Гуссерля и экзистенциальная диалектика Н. Бердяева как историко-философская параллель // Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации. Материалы научной конференции. – Серия «Symposium», выпуск 7. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/silantieva/modern_38.html.

207. Силантьева М.В. Философия Бердяева и этика секулярного общества: проблема обоснования морали в свете «нового средневековья» // Религия и нравственность в секулярном мире. Материалы научной конференции. 28-30 ноября 2001 года. Санкт-Петербург. СПб. Санкт-Петербургское философское общество. 2001. – С. 220-223. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/silantieva/secular_51.html.

208. Силантьева М.В. Экзистенциальная диалектика Н.А. Бердяева как метод прочтения постмодернистской деконструкции // Вестник ВГУ. – Серия гуманитарные науки. – 2005. – №1. – С. 204-221.

209. Симонов П.В. Мозг и творчество // Вопросы философии. – 1992. – №11. – С. 3-24.

210. Симонова С.А. Особенности абсолютизации добра в русской культуре // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – №3. – С. 332-341.

211. Скэнлан Дж.П. Нужна ли России русская философия? // Вопросы философии. – 1994. – №1. – С. 61-65.

212. Слободчиков В.И. Духовные проблемы человека в современном мире // Педагогика. – 2008. – №9. – С. 33-39.

213. Словарь по этике / под ред. И.С. Кона. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1983. – 445 с.

214. Соловцова И.А. Духовное воспитание: система понятий // Педагогика. – 2008. – №4. – С. 8-14.

215. Соловьёв В.С. Русская идея // Соловьёв В.С. Спор о справедливости. – Москва-Харьков, 1999. – С. 621-649.

216. Сороковых В.В. Педагогический потенциал наследия Н.Я. Данилевского в контексте российского философско-образовательного поиска: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Елец, 2005. – 24 с.

217. Степанова И.Н., Шалютин С.М. Духовность личности как проблема философии образования // Вестник Тюменского государственного университета. – С. 99-107.

218. Столович Л.Н. О «системном плюрализме» в философии // Вопросы философии. – 2000. – №9. – С. 46-56.

219. Сулима И.И. Герменевтика и понимающие подходы в гуманизации образования: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Н. Новгород, 1996. – 26 с.
220. Тестов В.А. Ценности российской цивилизации как стратегические цели образования // Педагогика. – 2009. – №1. – С. 15-21.
221. Титаренко С.А. Н. Бердяев. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: издательский центр «МарТ», 2005. – 128 с.
222. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Сост. А. П. Полякова, П. П. Апрышко. – М.: Республика, 1994. – С. 4-220.
223. Трубников А. Духовность образования и трансценденция // Alma mater. Вестник высшей школы. – 1998. – №8. – С. 8-13.
224. Турбовской Я.С. Каждому – своё: полемика о трактовке предмета «философия образования» // Педагогика. – 1999. – №4. – С. 113-117.
225. Тучкова Т.В. Н.А. Бердяев о русском национальном характере // Вестник МГТУ. – Том 2. – №1. – 1999. – С. 19-22.
226. Усачёв А.В. Онтология в структуре русской религиозной философии: монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – 296 с.
227. Усачёв А.В. Очерки по онтологии русской мысли: монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2007. – 293 с.
228. Философия образования: состояние, проблемы и перспективы (материалы заочного «круглого стола») // Вопросы философии. – 1995. – №11. – С. 3-34.
229. Философия – образование – общество («круглый стол») // Педагогика. – №4. – 2006. – С. 29-44.
230. Философия образования («Круглый стол» журнала «Педагогика») // Педагогика. – 1995. – №4. – С. 3-28.
231. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / Под ред. Э.Л. Радлова. – СПб. : Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1903-1904. – Приложение к Вестнику и Библиотеке Самообразования. 284 с. – 11-е беспл. прил. к журн. «Вестник и Библиотека Самообразования» на 1904 г.
232. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов — М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
233. Франк С.Л. Крушение кумиров // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/frank/kumiry.html>.

234. Франк С.Л. Смысл жизни // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». URL: http://www.vehi.net/frank/smysl_zhi.html.

235. Фрумин И.Д. Вызов критической педагогики // Вопросы философии. – 1998. – №12. – С. 55-62.

236. Хаустов В.М. Патриотизм и патриотическое воспитание // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – №4. – С. 325-331.

237. Хуторской А.В., Король А.Д. Диалогичность как проблема современного образования (философско-методологический аспект) // Вопросы философии. – 2008. – №4. – С. 109-115.

238. Чёрный Ю.Ю. Философия пола и любви Н.А. Бердяева; Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М.: Наука, 2004. – 132 с.

239. Шестов Л.И. Добро в учении гр. Толстого и Ницше (Философия и проповедь) // Шестов Л. Сочинения в двух томах. Т. 1. – Томск: «Водолей», 1996. – С. 213-316.

240. Шестов Л.И. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) // Шестов Л. Сочинения в двух томах. Т. 1. – Томск: «Водолей», 1996. – С. 317-464.

241. Шестов Л.И. Николай Бердяев (Гнозис и экзистенциальная философия) // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/shestov/berdyaev.html>.

242. Шестов Л.И. Похвала глупости (По поводу книги Николая Бердяева «Sub specie aeternitatis») // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/shestov/pohvala.html>.

243. Шестун Е. Православная педагогика. – М.: Про-Пресс, 2001. — 576 с.

244. Шеховская Н.Л. К.Д. Ушинский и Н.А. Бердяев о роли христианства в воспитании личности // Российская педагогика между прошлым и будущим: поиск новой парадигмы. – Смоленск, 2001. – С. 150-156.

245. Шеховская Н.Л. К.Д. Ушинский и Н.А. Бердяев: духовность как нравственная основа личности // Педагогика. – 2002. – № 5. – С. 77-82.

246. Шрейдер Ю.А. Свобода как творческая ориентация в мире // Вопросы философии. – 1994. – №1. – С. 85-86.

247. Шустерман Р. Ниже уровня интерпретации // Вопросы философии. – 2008. – №7. – С. 141-158.

248. Этика: Энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.

249. Якобс В. Происхождение зла и человеческая свобода или трансцендентальная философия и метафизика // Вопросы философии. – 1994. – №1. – С. 102-110.

250. Яковлев В.А. Философия творчества в диалогах Платона // Вопросы философии. – 2003. – №6. – С. 142-154.

251. Allen E.L. Freedom in God: A guide to the thought of Nicholas Berdyaev. – Hodder & Stoughton, London. URL: <http://www.chebucto.ns.ca/Philosophy/Sui-Generis/Berdyaev/essays/allen.htm>.

252. Bambauer K.N. Berdjajew and the German Philosopher Peter Wust / K.N. Bambauer. – http://www.berdyaev.com/berdiaev/bambauer/Berd_PWust.html.

253. Bambauer K.N. H. Petzold's fragments of the unpublished correspondence of N. Berdjajew. – http://www.berdyaev.com/berdiaev/bambauer/Berd_PWust.html.

254. Bambauer K.N. The funeral of Nikolai Berdjajew on 26th of March 1948. – http://www.berdyaev.com/berdiaev/bambauer/Berd_Funeral.html.

255. Banerjee Nemcova M. Nikolai Berdiaev and spiritual freedom // Modern Age. – Volume 46. – Number 3. – Summer 2004. – P. 210-218. URL: http://www.firstprinciplesjournal.com/journal/journal_redirect.aspx?mt=0&id=8fefcedb-52a8-463b-a006-bd0862c5225b.

256. Beam J.N. Nicolas Berdyaev's Critique of Technics // American Scientific Affiliation: A Network of Christians in Science. URL: <http://www.asa3.org/ASA/PSCF/1994/PSCF12-94Beam.html>.

257. Beck C. Postmodernism, pedagogy, and philosophy of education // Philosophy of education society, 1993. URL: http://www.ed.uiuc.edu/eps/PES-Yearbook/93_docs/BECK.HTM.

258. Begzos M.P. Nikolaj Berdjajew und die Byzantinische Philosophie. Zur metaphysischen Tragweite der patristischen Theologie. – Theologie 64, Athen Jan-Feb. 1993. URL: <http://www.myriobiblos.gr/texts/german/begzos.html>.

259. Breisach E. Nicolas Berdyaev: Man – Witness for Primordial Freedom // Breisach, E. Introduction to modern existentialism. Grove, New York, 1962. URL: <http://www.chebucto.ns.ca/Philosophy/Sui-Generis/Berdyaev/essays/breisach.htm>.

260. Burbules N.C. Where is philosophy of education today: at the start of a new millennium or at the end of a tired old one? // PHILOSOPHICAL STUDIES IN EDUCATION – 2002/Volume 33. – P. 13-23 / The Ohio Valley Philosophy of Education Society. URL: <http://ovpes.org/2002/Burbules.pdf>.

261. Coombs J.R. Rorty, Critical Thought, and Philosophy of Education // Philosophy of education society, 1997. URL: http://www.ed.uiuc.edu/eps/PES-Yearbook/97_docs/coombs.html.
262. Coombs J.R. Rorty, Critical Thought, and Philosophy of Education // URL: <http://ojs.ed.uiuc.edu/index.php/pes/article/download/2224/919>.
263. Copleston F.C. Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev. – Kent, England: Search Press Ltd., 1986.
264. Daveney T.F. Education – a moral concept // New essays in the philosophy of education / Edited by G. Langford & D.J. O'Connor. – 2010 (first published in 1973). – Volume 13. – P. 60-72.
265. Davy M.-M. Nicolas Berdyaev: Man of the Eighth Day. – Transl. by L. Siepmann. GEOFFREY BLES LTD., London, 1967.
266. Dewey J. Moral principles in education. – HOUGHTON MIFFLIN COMPANY. BOSTON – NEW – YORK – CHICAGO – DALLAS – SAN FRANCISCO. – The Riverside Press Cambridge, 1909.
267. Farber P. Philosophy of education in the context of global change and cultural conflict // Studies in philosophy and education. – 1996. – 15, №1-2. – P. 35-40.
268. Hoffmann S.P. Taylor University. Nicholas Berdyaev, the Russian Idea, and Liberty / URL: http://campus.houghton.edu/offices/acad_dean/Hoffmann01_Nicolas_Berdyaev.htm.
269. Kelly A. Russian philosophy. – In E. Craig (Ed.), Routledge Encyclopedia of Philosophy. – London: Routledge. URL: <http://www.rep.routledge.com/article/E042>.
270. Nicolaus G. C.G. Yung and Nikolai Berdyaev. Individuation and the Person. Critical Comparison. – Routledge, 2011.
271. Nicolaus G. New perspectives for Psychotherapy: Introducing Nikolai Berdyaev // Contemporary Psychotherapy. – Vol 1. – No. 1. – April 2009. – P. 15-19.
272. Panichas G.A. Revisiting Nikolai Berdyaev // Modern Age. – Volume 48. – Number 4. – Fall 2006. – P. 375-380. URL: http://www.firstprinciplesjournal.com/journal/journal_redirect.aspx?mt=0&id=fb69298a-f1a1-4cf1-a142-d2d17979ecc6.
273. Peters M.A. Futures for philosophy of education. – P. 13-25 / URL: www.math.uni-bielefeld.de/~ringel/opus/AM.pdf.
274. Russische Religionsdenker: Tolstoi, Dostojewski, Solowjew, Berdjaew / hrgs. von Wolfgang Dietrich. – Gütersloh: Kaiser, 1994. – S. 81-103.
275. Scaringi P.A. Freedom and the «Creative Act» in the Writings of Nikolai Berdiaev: an Evaluation in Light of Jürgen Moltmann's Theology of Freedom. – A thesis submitted to the Faculty of Divinity in candidacy for the

degree of Doctor of Philosophy. St. Andrews, Scotland. September, 2007. URL: <http://hdl.handle.net/10023/443>.

276. Sergeev M. Post-Modern Themes in the Philosophy of Nicholas Berdyaev // Religion in Eastern Europe. URL: http://www.georgefox.edu/academics/undergrad/departments/soc-swk/ree/Sergeev_Post-Modern.html.

277. Sergeev M. Russian Orthodoxy: Renewal or Revival? // Religion in Eastern Europe. URL: http://www.georgefox.edu/academics/undergrad/departments/soc-swk/ree/Sergeev_Russian.html.

278. Sigad I. Post-modernism and education // Educational practice and theory. – 1998. – 20, №2. – P. 5-20.

279. Thomas Merton on Nikolai Berdyaev // A Search For Solitude. – Vol. 3, 1952-60. – P. 85-89 / Yakov Krotov's Library. URL: <http://krotov.info/engl/berdyaev/merton.html>.

280. Watras J. From philosophy of education to philosophizing about education // PHILOSOPHICAL STUDIES IN EDUCATION. – 2006/Volume 37. – P. 87-96 / The Ohio Valley Philosophy of Education Society. URL: <http://ovpes.org/2006/Watras.pdf>.

281. Weems L. To be mindful of otherness: toward a post-psychoanalytic problematic of ethics and education // PHILOSOPHICAL STUDIES IN EDUCATION. – 2007/Volume 38. – P. 37-50. The Ohio Valley Philosophy of Education Society. URL: <http://ovpes.org/2007/Weems.pdf>.

Научное издание

Александр Павлович Пузанов

**ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ЭТИКИ СВОБОДЫ И ТВОРЧЕСТВА
В ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ**

Н. А. БЕРДЯЕВА

Монография

Технический редактор – Н. П. Безногих

Техническое исполнение - В. М. Гришин

Лицензия на издательскую деятельность

ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.

Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.

Усл.-печ.л. 10,2 Уч.-изд.л. 10,4

Тираж 500 экз. (1-й завод 1-50 экз.). Заказ 96

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии

Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28